

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования

«Тульский государственный университет»

16+
ISSN 2071-6141

ИЗВЕСТИЯ
ТУЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Гуманитарные науки

Выпуск 4

Тула
Издательство ТулГУ
2019

Председатель

Грязев М. В., д-р техн. наук, ректор.

Первый заместитель председателя

Воротилин М. С., д-р техн. наук, проректор по научной работе.

Заместитель председателя

Прейс В. В., д-р техн. наук, заведующий кафедрой, авторизованный представитель Издательства ТулГУ в РИНЦ.

Ответственный секретарь

Фомичева О. А., канд. техн. наук, начальник Управления научно-исследовательских работ, авторизованный представитель ТулГУ в РИНЦ.

Члены редакционного совета:

Батанина И. А. д-р полит. наук, – гл. редактор серии «Гуманитарные науки»;

Берестнев М. А. канд. юрид. наук, – гл. редактор серии «Экономические и юридические науки»;

Борискин О. И. д-р техн. наук, – гл. редактор серии «Технические науки»;

Егоров В. Н. канд. пед. наук, – гл. редактор серии «Физическая культура. Спорт»;

Заславская О. В. д-р пед. наук, – гл. редактор серии «Педагогика»;

Качурин Н. М. д-р техн. наук, – гл. редактор серии «Науки о Земле»;

Понаморева О. Н. д-р хим. наук, – гл. редактор серии «Естественные науки»;

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор

Батанина И. А., д-р полит. наук (ТулГУ, г. Тула).

Ответственный секретарь

Ваховский А. М., канд. полит. наук, авторизованный представитель ТулГУ в РИНЦ.

Члены редакционной коллегии:

Бродовская Е. В., д-р полит. наук (Московский педагогический государственный университет, г. Москва);

Васильева Н. А., д-р филос. наук (Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург);

Грачев М. Н., д-р полит. наук (Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва);

Джанкар-Вебстер Б., д-р филос. наук (Государственный университет штата Нью-Йорк, США);

Домбровская А. Ю., д-р социол. наук (Московский педагогический государственный университет, г. Москва);

Назарова Е. А., д-р социол. наук (Институт государственной службы и управления РАНХиГС, г. Москва);

Огнева В. В., д-р полит. наук (Среднерусский институт управления РАНХиГС, г. Орел);

Римский В. П., д-р филос. наук (Белгородский государственный институт искусства и культуры, г. Белгород);

Стемпень-Кучинска А., д-р полит. наук (Лодзинский университет, Польша, г. Лодзь);

Шаронова С. А., д-р социол. наук (Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, г. Москва);

Юрков С. Е., д-р филос. наук (ТулГУ, г. Тула)

Сборник зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). ПИ № ФС77-75990 от 19 июня 2019 г.

Подписной индекс 27844 по Объединенному каталогу "Пресса России"

Сборник включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», утвержденный ВАК Минобрнауки РФ, по следующим научным специальностям:

09.00.03 История философии;

09.00.11 Социальная философия;

22.00.04 Социальная структура, социальные институты и процессы;

23.00.02 Политические институты, процессы и технологии;

23.00.05 Политическая регионалистика. Этнополитика. (политические науки, социологические науки)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

УДК 323

ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ: ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ И ПУТИ ДОСТИЖЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ

С.А. Шачнев

Рассматриваются актуальные аспекты проблемы совершенствования профессионализма государственных гражданских служащих. Обращается особое внимание на взаимосвязь и взаимообусловленность понятий «квалификационные требования», «компетентность», «профессиональное развитие», «профессиональная карьера», на необходимость научного переосмысления процессов профессионализации управленческого труда в сфере государственной гражданской службы с учетом сформированного социального запроса на эффективное государственное управление. Отмечается, что главная проблема нынешней ситуации – обострение противоречий между стереотипами управленческой деятельности и требованиями современного этапа развития российского общества. Автором дается обоснование нового подхода к содержанию профессионального развития государственных гражданских служащих, его многомерности и комплексности. Предлагаются меры, направленные на повышение качественного уровня профессионализации труда в системе государственной службы, предусматривающие разработку профессиограммы, - документа, содержащего перечень норм и требований, предъявляемых к государственным гражданским служащим, развитие нового научного направления, изучающего проблематику профессионализации управленческого труда – профессиологии – специальной отрасли социологического знания.

Ключевые слова: государственная гражданская служба, профессионализация управленческой деятельности, профессионализм государственных гражданских служащих, профессиональное развитие государственных гражданских служащих.

Государственная гражданская служба в соответствии с российским законодательством представляет собой профессиональную служебную деятельность граждан Российской Федерации на должностях государственной гражданской службы Российской Федерации. Она связана с обеспечением исполнения полномочий федеральных государственных органов, государственных органов субъектов Российской Федерации, лиц, замещающих государственные должности Российской Федерации, и лиц, замещающих государственные должности субъектов Российской Федерации [1].

Данная деятельность, как известно, осуществляется гласно, носит официальный, публичный характер. Развитие профессиональной общности государственных служащих как коллективного субъекта профессиональной деятельности возможно при наличии ряда необходимых условий:

- общественной потребности в данном виде деятельности и группе специально обученных людей, реализующих данную потребность;
- устойчивого организованного взаимодействия субъектов на основе общности социальных интересов, способствующих появлению корпоративной культуры;
- специфической профессиональной среды – совокупности условий и средств организации профессиональной деятельности, обеспечивающей ее результативность.

Следуя установленным нормам и правилам, имея соответствующий уровень квалификации, госслужащий должен выполнять свою работу на достаточно высоком профессиональном уровне, что, собственно, выступает одним из ключевых факторов эффективной деятельности государственного органа. Таким образом, государственная служба предъявляет высокие требования к государственным гражданским служащим в части их профессионализма и наличия у них необходимых для служебной деятельности общепрофессиональных, профессиональных и общекультурных компетенций.

Само понятие «профессионализм» (от лат. profession) многозначно, его можно трактовать в нескольких значениях. Это и высокое мастерство, и способность к компетентному исполнению своих функций, и достижение высоких результатов в профессиональной деятельности и многое другое. Оно включает множество интегральных характеристик, таких, в частности, как ценностные ориентации, профессиональные знания, умения и навыки, профессиональное мышление, профессиональный опыт, профессиональный долг, профессиональное мастерство, профессиональное творчество, профессиональная компетентность и др. Навыки профессионализма проявляют себя в определенных качествах, в различных сочетаниях и формах индивидуальных профилей.

Э. Дюркгейм отмечал, что профессионализация способствует осуществлению социальных преобразований, обеспечивая прогресс развития общества [2, с. 5]. Ставя в центр своей теоретической конструкции специализацию и разделение труда в качестве необходимых параметров развития обществ, Э. Дюркгейм полагал, что профессиональная группа может стать одним из тех институтов, которая поддерживает социальный порядок.

А. Флекснер, исследовавший способности к профессиональной деятельности, впервые сформулировал ее императивы: обязательное наличие специальных базовых знаний, полученных в процессе формального образования, подтвержденного соответствующим сертификатом; владение специальными техниками (технологиями работы); следование профессиональной этике [3, с. 576].

Б. Барбер выделил качественные признаки профессионализма, в частности: высокий уровень знаний, ориентация на общественный интерес, «высокая саморегуляция через интернализацию этического кода», профессиональное творчество, профессиональный опыт и достижения [4, с. 158]. Эти характери-

стики, по мнению ученого, выступают основой профессиональной мобильности.

М. Вебер рассматривал профессии как социальный институт, профессионализм как ценность, показатель эффективности деятельности [5, с. 78]. Ключевые характеристики профессионала, по Веберу, - рациональность (т.е. деятельность на основе научных знаний и знание технологий профессиональной деятельности), служение общественному долгу. Бюрократия, с точки зрения М. Вебера, обязана четко следовать формальным правилам. При этом государственный чиновник должен быть вне политики.

Профессиональные обязанности современного государственного гражданского служащего закреплены в Законе о государственной гражданской службе Российской Федерации (статья 17). Среди них четкое следование закону, высокий профессиональный уровень деятельности, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина, политическая нейтральность, непредвзятость в решении проблем, корректность в обращении с гражданами; избегание конфликтных ситуаций, добросовестное исполнение своего служебного долга, соблюдение ограничений, установленных законом, следование служебной этике и др.

Учитывая характер установленных обязанностей, обновленные квалификационные требования к специальностям, направлениям подготовки, знаниям и умениям для замещения должностей государственной службы с учетом области и вида профессиональной служебной деятельности подробно изложены в справочнике, подготовленном Министерством труда и социального развития. В нем содержатся как базовые профессионально-функциональные квалификационные требования, так и требования к знанию законодательства, к наличию специальности и иных знаний и умений для замещения должностей в конкретных государственных органах.

Базовые требования затрагивают уровень образования, продолжительность стажа службы, знание государственного языка (русского языка), знания основ Конституции России, а также знания и навыки в области информационно-коммуникационных технологий. Кроме того, предусмотрены общие и управленческие умения.

К общим умениям (для всех категорий и групп должностей гражданской службы) относятся:

- умение мыслить системно (стратегически);
- умение планировать, рационально использовать служебное время и достигать результата;
- коммуникативные умения;
- умение управлять изменениями.

Управленческие умения (для должностей гражданской службы категорий «руководители» и «помощники (советники)» всех групп должностей, кате-

гории специалисты высшей группы должностей, а также главной, ведущей и старшей групп должностей) включают:

- умение руководить подчиненными, эффективно планировать;
- умение оперативно принимать и реализовывать управленческие решения [6].

Функциональные же квалификационные требования устанавливаются в соответствии с функциональными обязанностями государственного гражданского служащего и регламентируются должностным регламентом.

В июне 2019 года Президент России В.В. Путин подписал Указ «Об основных направлениях развития государственной гражданской службы Российской Федерации на 2019–2021 годы» [7]. В нем предусмотрено совершенствование порядка назначения на должности государственной гражданской службы Российской Федерации; стимулирование государственных гражданских служащих к повышению эффективности своей профессиональной служебной деятельности, развитие системы государственных правовых и социальных гарантий на гражданской службе; внедрение новых форм профессионального развития государственных гражданских служащих, в том числе предусматривающих использование информационно-коммуникационных технологий.

На основании президентского указа Правительство России утвердило дорожную карту развития государственной гражданской службы [8]. Она предусматривает совершенствование системы приема на работу, оплаты труда и мотивации госслужащих. Ставится также задача совершенствования профессионального развития госслужащих. Государственные служащие должны иметь высокий уровень образованности и профессиональных навыков, чему, к сожалению, не во всем отвечает современный государственный аппарат и его кадры.

Профессиональное развитие должно осуществляться на системной основе, в течение всего периода прохождения государственной службы. Его результаты обязаны учитываться при аттестации, назначении на другую должность в порядке должностного роста.

Профессиональное развитие включает: 1) дополнительное профессиональное образование, которое реализуется в таких формах, как повышение квалификации и профессиональная переподготовка; семинары, тренинги, мастер классы, направленные на формирование новых знаний и умений; 2) конференции, служебные стажировки, обеспечивающие изучение и обмен передовым опытом; 3) самообразование с использованием специализированного информационного ресурса и иных информационных систем; 4) образовательные курсы.

Возникает вопрос, каких же знаний не хватает государственным служащим для профессионального исполнения своих обязанностей? Согласно их же оценкам – управленческих, юридических, знаний по работе с гражданами, искусству делового общения [9, 10, 11]. По мнению экспертов, в органах государ-

ственной гражданской службы остро ощущается дефицит грамотных юристов, специалистов по управлению персоналом, психологов и социологов, специалистов по управлению современными информационными процессами. Эксперты также считают необходимым, с чьим мнением солидарен и автор, ввести принцип ответственности руководителей за тех людей, которых они рекомендовали на должности государственной гражданской службы.

И это не случайно. Снижение уровня профессионализма на государственной службе зачастую связано с такими недостатками, как привлечение кадров на основе протекционизма, выдвижением на руководящие должности не по профессиональным качествам, а по принципу личной преданности, с заниженным уровнем моральных и духовных качеств госслужащих. На этот счет сформирован очевидный социальный запрос, связанный с совершенствованием кадрового обеспечения государственной службы. Ведь эффективность работы чиновника напрямую влияет на благополучие и процветание государства, благосостояние его граждан. Достигнутый тем или иным госслужащим высокий уровень профессионализма становится не только его личным достоянием – он приобретает и общественную значимость и ценность. Поэтому профессионализм несовместим с формализмом, бюрократизмом, индифферентностью, имитацией или импровизацией деятельности, голым администрированием. Успех сопутствует тем госслужащим, которые понимают сущность происходящих процессов, готовы и способны действовать в нестандартных ситуациях, отличаются критичностью и самокритичностью в оценке собственных действий и действий своих коллег. Главная проблема нынешней ситуации – в обострении противоречий между стереотипами управленческой деятельности и требованиями современного этапа развития российского общества.

С сожалением можно констатировать, что результаты опроса, проведенного организацией «Левада-центр» в январе 2019 года, свидетельствуют о том, что большая часть российских граждан не склонна доверять чиновникам. Более двух третей опрошенных (78 %) высказывают мнение о том, что чиновники скрывают правду о положении дел, дистанцируются от решения назревших проблем [12]. Профессионализм же предполагает поиск путей решения существующих в обществе проблем. Говоря словами М. Вебера, государственные служащие не являются рациональными бюрократами, так как зачастую служат не делу, а ведомству, начальству или еще хуже – собственным интересам вопреки своему профессиональному долгу.

Как уже отмечалось, нормативные правовые акты закрепляют ряд формальных норм, направленных на развитие профессионализма государственных служащих. В связи с этим регламентированы квалификационные требования к претендентам на замещение должностей государственной гражданской службы и к государственным служащим. В них содержатся базовые квалификационные требования (уровень профессионального образования, стаж работы, знание государственного (русского языка), основ Конституции, делопроизводства, до-

кументооборота, знание и владение информационно-коммуникационными технологиями).

Сформулированы также функциональные квалификационные требования. Они связаны со специализацией профессионального образования, опытом работы по специальности, направлением подготовки, профессиональными знаниями и навыками, необходимыми для исполнения определенных должностных обязанностей.

С учетом предъявляемых требований к профессионализму государственных гражданских служащих следовало бы уточнить формы их профессионального самообразования, сформировать практически адаптированные программы самообразования, учитывающие специфику деятельности в государственном аппарате. Это влечет за собой важность усовершенствования технологий оценки профессионального саморазвития, разработки эффективного методического инструментария проведения оценочных процедур. Необходимо следить за тем, чтобы процесс овладения компетенциями в рамках программ дополнительного профессионального образования соотносился с компетентностной моделью должности государственного гражданского служащего.

Говоря о модификации политики профессионального развития госслужащих с учетом заданных стратегических ориентиров новой парадигмы государственного управления, целесообразно, на наш взгляд, более активно внедрять технологии смешанного обучения госслужащих – аудиторного и дистанционного – с преимущественным использованием методов интерактивного обучения, в том числе проектной деятельности. При этом результаты обучения государственного гражданского служащего необходимо связывать с его карьерным продвижением и мотивацией к эффективному труду.

Имеет смысл обращения к зарубежному опыту профессионального развития госслужащих в части его практической направленности. Например, в Европе обучение таких специалистов носит преимущественно прикладной характер, оно тесным образом связано с незамедлительным применением полученных знаний в практической деятельности, направлено на развитие навыков управления изменениями. Отечественный же опыт профессионального образования управленческих кадров до сих пор опирается в большей степени на формальное знание, не всегда связанное с реальной жизнью.

Эффективным инструментом профессионального развития на государственной гражданской службе может стать наставничество. Оно предполагает не только передачу передового управленческого опыта, но обеспечивает обмен знаниями, умениями, навыками профессиональной деятельности, непрерывную подготовку кадрового резерва, укрепляет командный дух.

Институт наставничества востребован в особенности для начинающих государственных гражданских служащих в целях их быстрой адаптации в условиях все более возрастающей нагрузки на государственные органы. Понятно, что наставниками должны становиться компетентные специалисты,

пользующиеся заслуженным авторитетом у своих коллег, работники с высокой квалификацией исполнения должностных обязанностей, демонстрирующие высокие профессиональные результаты.

Формирование института наставничества исключает директивное назначение наставников. Необходимо разработать продуманную систему мотивации к такой деятельности, в том числе различные меры поощрения. Отношения наставников и подопечных должны строиться на взаимной заинтересованности в достижении поставленных целей. Только в условиях высокой корпоративной культуры наставничество, по образному выражению Д. Майстера, признанного специалиста в области управления организациями, становится «инвестицией в ее долгосрочное развитие» [13, с. 112].

С учетом повышенных требований к квалификации государственных гражданских служащих возникает потребность пересмотра статуса кадровых служб государственных органов, повышения их ответственности за подбор и рациональное использование профессионального опыта управленческого персонала. Существует необходимость создать надежный механизм защиты профессионализма государственных гражданских служащих от практики обслуживания конъюнктурных интересов некоторых высших чиновников. В поле зрения кадровых служб, на наш взгляд, должен находиться весь комплекс задач по управлению персоналом.

Актуализируется важность научного осмысления процесса профессионализации управленческого труда, наполнения новым содержанием научных понятий, связанных с профессионализацией государственной гражданской службы, таких, в частности, как профессиональные знания, профессиональные умения, профессиональные навыки, профессиональный интерес, профессиональное развитие, профессиональная карьера, профессиональный опыт, профессиональный долг и др.

Следует подумать также о разработке профессиограммы - документа, содержащего систему признаков, характеризующих специфику труда государственных гражданских служащих, перечень норм и требований, предъявляемых к данной категории служащих. Профессиограмма должна основываться на нормативно установленных квалификационных требованиях и отвечать высоким морально-психологическим качествам. Целесообразно было бы развивать и дальше научное направление, связанное с изучением проблематики профессионализации управленческого труда – профессиологии как специальной отрасли социологического знания. Все это послужит основой для обоснованной кадровой политики государственных органов, усовершенствования современной модели государственной гражданской службы, корректировки критериев оценки управленческих кадров, эффективности их труда.

Очевидно, что профессионализация управленческого труда, переоценка профессиональной деятельности государственных гражданских служащих, улучшение качества повышения квалификации персонала государственной

гражданской службы, повышение уровня научной обоснованности процессов профессионализации управленческого труда, несомненно, скажется в целом на результатах государственного управления.

Список литературы

1. О государственной гражданской службе Российской Федерации: федеральный закон от 27 июля 2004 года № 79-ФЗ: принят Государственной Думой 7 июля 2004 года // Парламентская газета. № 140-141. 31.07.2004.
2. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996. 432 с.
3. Flexner A. Social Work a Profession Chicago Co. 1965. P. 576-590.
4. Барбер Б. Структура социальной стратификации и социальной мобильности // Социология : хрестоматия / сост. Н.Р. Балынская, Г.А. Воронина, Т.И. Гнедина, М.В. Мнухин, А.В. Томарова. Магнитогорск: Магнитогорский госуниверситет, 2005. С. 157- 167.
5. Вебер М. Политика как призвание и профессия / Избранные произведения / пер. с нем. М.: Прогресс. 1990. 808 с.
6. Справочник квалификационных требований к специальностям, направлениям подготовки, знаниям и умениям, которые необходимы для замещения должностей государственной гражданской службы с учетом области и вида профессиональной служебной деятельности государственных гражданских служащих (утв. Минтруда и социального развития России 6 июля 2017 года) // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71610924/> (дата обращения: 18.08.2019).
7. Об основных направлениях развития государственной гражданской службы Российской Федерации на 2019–2021 годы: Указ Президента Российской Федерации от 24 июня 2019 года № 288 // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201906240008?index=2&rangeSize=1> (дата обращения: 25.08.2019).
8. Утверждена «дорожная карта» реализации основных направлений развития государственной гражданской службы // URL: <http://government.ru/docs/37506/> (дата обращения: 23.09.2019).
9. Коростылева Н.Н., Ефанова О.А. Государственные служащие: мотивы поступления на службу и профессиональный рост // URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/nauka/grusha2014/s10/Korostyleva_Efanova.pdf (дата обращения: 25.09.2019).
10. Огнева В.В., Дорохова Ю.В. Имидж государственного гражданского служащего региона как предмет социально-политического анализа // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2014. Вып. 2. С. 152-163.

11. Огнева В.В. Интеграционные возможности международного сотрудничества стран СНГ в сфере подготовки кадров государственной службы // Управленческое консультирование. 2014. № 2. С. 7-14.

12. Граждане с трудом верят чиновникам // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3060925> (дата обращения: 23.09.2019)

13. Майстер Д. Управление фирмой, оказывающей профессиональные услуги. М.: Новости, 2010. 363 с.

Шачнев Сергей Александрович, канд. культурологии, доц., зав. кафедрой, seralesha@mail.ru, Россия, Брянск, Брянский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

PROFESSIONALIZATION OF THE CIVIL SERVICE: PROBLEMATIC ASPECTS AND WAYS TO ACHIEVE EFFICIENCY

S.A. Shachnev

The article is devoted to topical aspects of the problem of improving the professionalism of civil servants. Particular attention is paid to the relationship and interdependence of the concepts of "qualification requirements", "competence", "professional development", "professional career", the need for scientific rethinking of the processes of professionalization of managerial work in the civil service, taking into account the formed social demand for effective public administration. It is noted that the main problem of the current situation is the aggravation of contradictions between management stereotypes and the requirements of the modern stage of development of the Russian society. A new approach to the content of professional development of civil servants, its multidimensionality and complexity is substantiated. Activities aimed at improving the professionalization of labor in the public service, including the development of job descriptions - a document containing this list of standards and requirements for public civil servants, the development of a new scientific direction, the study of the problems of professionalization of managerial work of specialists - a special branch of sociological knowledge.

Key words: civil service, professionalization of management activities, professionalism of civil servants professional development of civil servants.

Shachnev Sergey Aleksandrovich, candidate of culturology sciences, associate professor, manager of kathedra, seralesha@mail.ru, Russian Federation, Bryansk, Bryansk branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

«ЦВЕТНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ» КАК ФОРМА ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

А.Д. Токмаков

Рассмотрены парадигмы исследования «цветных революций». На их основе дано определение этих процессов. Выявлены причины «цветных революций» на постсоветском пространстве. Дана характеристика основной движущей силы протестов. Выявлены результаты «цветных революций» на постсоветском пространстве.

Ключевые слова: «цветные революции», внешнее влияние, политическая элита, движущая сила, революционный переворот, бизнес-структуры.

Термин «цветные революции» широко используется в политической науке и имеет множество трактовок, которые в свою очередь являются отражениями полярных мнений на данные процессы. Это понятие не вполне является корректным и соответствует, скорее, публицистическому, журналистскому дискурсу, однако именно оно наиболее распространено в научных исследованиях. Анализируя различные трактовки, можно выделить две основные парадигмы в исследовании причин данных процессов. Исходя из одного подхода, «цветные революции» организовываются руководством развитых стран с помощью технологий, так называемой «мягкой силы» для свержения политических режимов в других государствах с целью реализации на их территории собственных интересов [1].

Вторая концепция связывает данные процессы с противоречиями внутри общества, а именно с реакцией на социально-экономические проблемы, вызванные действиями руководства того или иного государства, которой пользуется часть политической элиты для укрепления власти [2]. Обе парадигмы имеют ряд достоинств и недостатков. Основным недостатком является акцент лишь на одном комплексе причин либо на внешних, либо на внутренних. Для наиболее полной оценки «цветных революций» необходимо использовать обе парадигмы в комплексе. Таким образом, комбинируя трактовки, можно определить, что «цветная революция» - это форма революционного переворота, организованного частью политической элиты для укрепления власти, при поддержке внешних сил и с привлечением в качестве движущей силы отдельных социальных групп, выражающих недовольство своим социально-экономическим положением.

Далее следует выделить отдельно каждую причину. Первой из них является недовольство граждан действиями руководства государства в социальной и политической сферах. Если в качестве примера взять страны постсоветского пространства, то следует отметить, что с начала 90-х годов в них шел процесс приватизации. Собственность всех бывших союзных республик представляла из себя крупные промышленные или сельскохозяйственные объединения – части экономической системы СССР. Процесс приватизации привел к борьбе

между социальными группами, связанными либо с политической властью, либо с криминальными структурами за контроль над собственностью. Итогом этой борьбы стало создание в большинстве постсоветских стран монополистической экономики, где контроль над основными капиталами осуществляет ограниченный круг лиц [3].

Параллельно начался процесс деиндустриализации, так как часть предприятий в рамках экономики отдельного государства стала нерентабельной. Поддержка наукоемких производств, требовала модернизации и крупных капиталовложений, а окупаемость данных предприятий началась бы гораздо позже. В свою очередь, это привело к массовым сокращениям. Расходы на социальные нужды населения также многократно сократились. Руководство большинства постсоветских стран стало связано с новообразованными крупными бизнес-структурами, а в некоторых случаях и с криминальными структурами, контролирующими крупные капиталы. Это проявилось, с одной стороны, в принятии выгодных для этих структур законов, которые, в свою очередь, невыгодны для большей части общества, а также участия их в стратегических государственных проектах. С другой стороны, оказывается поддержка определенным политическим силам, проявляющаяся в финансировании избирательных кампаний. Создание таких типов социально-экономической и политической систем привело к ухудшению работы социальных лифтов, что, в свою очередь, порождает недовольство населения.

Следующей причиной следует назвать недовольство части политической элиты мерами руководства страны по ограничению экономической деятельности. «Цветные революции» являются прежде всего частью борьбы внутри политической элиты, связанной с теми или иными бизнес-структурами. Экономика сложившиеся на большей части постсоветского подразумевают постоянную борьбу за контроль над основными капиталами страны. Как правило, складывается система, при которой управление основными активами осуществляют лица лояльные политическому руководству. При этом бизнес-структуры, противопоставляющие себя режиму власти, подвергаются репрессиям. Это выражается в уголовном преследовании, экономических ограничениях и в некоторых случаях рэкете. Большинство населения отстранено от этой борьбы. Также происходит процесс снятия социальной ответственности с государства, причиной которого является заинтересованность бизнес-структур, в увеличении прибыли за счет снижения затрат.

В кризисные моменты, когда общество выражает недовольство, лидеры оппозиционные политическому режиму и поддерживаемые нелояльными руководством бизнес-структурами, возглавляют протесты с целью свержения власти. Основной целью поддержки протестующих является, желание не добиться социальной справедливости и исполнения законов, а убрать конкурентов от управления над основными капиталами. Динамика «цветных революций» такова, что в такие моменты официальные власти пытаются стабилизировать ситуацию с помощью экстренного изменения законодательства. Однако чаще всего эти изменения носят противоречивый характер. В странах постсоветского пространства происходило как ужесточение законодательства, так и его ослабление под давлением протестующих. Это выражается в принятии ряда законодатель-

ных актов, ограничивающих свободу митингов и собраний. В дальнейшем с развитием массовых выступлений официальные власти изменяют направленность своей политики по отношению к протестам. Они начинают постепенное ослабление политического режима, вплоть до полного принятия требований протестующих. Данная противоречивость действий, связана с позицией лояльных бизнес-структур, которые в затянувшемся общественном протесте видят угрозу своим капиталам. Начинаются попытки договориться с лидерами оппозиции, что приводит к размежеванию сторонников официальной власти, и в итоге к государственному перевороту.

Третьей причиной «цветных революций», которые отмечаются во многих исследованиях это влияние внешних сил, однако оно также связано с тем фактом, что существуют бизнес-структуры, ориентированные на того или иного иностранного партнера. Как правило, развитые страны, прежде всего США поддерживают оппозиционные силы, для достижения своих геополитических интересов, а также заключения контрактов на более выгодных условиях. Именно связь иностранных компаний с бизнес-структурами нелояльными политическому режиму и определяет меру поддержки протестов со стороны других государств. Она может выражаться в информационном, финансовом или силовом влиянии.

Участие спецслужб других государств в массовых протестах также постоянно упоминается в различной публицистической литературе о «цветных революциях». В Киргизии в 2010 году активно применялись провокации против одной из сторон конфликта. Во время событий «евромайдана» в 2014 году в некоторых СМИ упоминались так называемые таинственные снайперы, которые открыли огонь по протестующим, что стало катализатором новых витков протестов. Также отмечают, что спецслужбы имели отношение к созданию НКО, а также к подготовке провокаторов (менеджеров протестных акций). Результатом поддержки внешних сил является лояльность нового руководства страны к иностранным партнерам. Изменяется курс внешней политики. Реализуются программы реприватизации, которые в том или ином виде наблюдались в странах постсоветского пространства после протестов. Многие государственные монополии приватизировались, где большой процент акций оказывался в руках иностранных компаний. Таким образом, степень участия внешних сил на ход протестов зависит от уровня заинтересованности иностранных государств в ресурсах данной страны, и считать ее основной причиной протестов некорректно, так как кризис и недовольство провоцируют прежде всего действия руководства страны.

Далее следует отметить главную движущую силу протестов. Главная задача здесь для политтехнологов и лидеров «цветных революций» - вовремя парализовать работу государственных структур и не допустить поддержки официального правительства со стороны другой части населения. Для этого незадолго до выступлений создаются НКО, которые проводят тренинги семинары и иные мероприятия, организуют активистов. Во время выступлений НКО выполняют сразу несколько задач. С одной стороны, они являются основой протеста, направляя и координируя действия протестующих. С другой стороны, они намеренно провоцируют правоохранительные органы и другие официальные

структуры на применение силы. Применение силы в данной ситуации приводит к эскалации конфликта и привлечения дополнительной поддержки со стороны общества. Также применение силы является поводом для иностранных государств ввести ограничения для сторонников официальных властей, в том числе и бизнес-структур. В дальнейшем это приводит к попыткам переговоров, о чем говорилось выше [4].

Ядром НКО являются молодые граждане. Анализ мировых политических процессов показывает, что молодежь всегда является авангардом протестных движений. Это можно утверждать, так как, во-первых, все массовые акции гражданского участия проводились именно с помощью молодежи. Во-вторых, молодежные организации выводили на улицы десятки тысяч человек, готовых противостоять правоохранительным органам. В-третьих, именно массовое участие молодых граждан создавало вокруг происходивших событий образ «народных выступлений», лидеры которой стремятся лишь к общественной справедливости.

Далее следует выделить общие результаты «цветных революций», характерные для постсоветского пространства. Из-за неопределенности требований протестующих, за исключением отставки руководства, основным итогом становится смена правительства и главы государства. После этого происходит корректирование политической системы. В некоторых случаях должность президента лишается ряда полномочий, которые передаются законодательному органу. Помимо этого, происходит уголовное преследование сторонников свергнутого режима, а также наиболее радикально настроенных лидеров протеста [5].

В экономической сфере происходит перераспределение крупной собственности в пользу бизнес-структур, в том числе и иностранных, которые поддерживали лидеров нового политического режима. Для решения социально-экономических проблем, которые и являлись главными причинами возмущения, проводится ряд реформ. Однако их результат противоречивый. Большинство проблем остаются нерешенными. При новом распределении крупной собственности, а также продолжающемся сокращении социальных благ, в обществе возможен рецидив протестов, который может привести к новому перевороту. Также возможны другие деструктивные последствия, такие, как гражданская война, а также интервенция со стороны других государств [6]. Подводя итоги, следует сделать несколько ключевых выводов. Во-первых, недовольство, которое было определяющей причиной протестной активности, было обусловлено, прежде всего социально-экономическим положением большей части населения. Однако данная ситуация используется частью политической элиты в борьбе за власть, а также за контроль над основными капиталами страны. Помимо этого, существуют и внешне силы, которые осуществляют в информационную, финансовую и силовую поддержку с целью распространения политического и экономического влияния на другое государство.

Второй вывод, который можно сделать из анализа «цветных революций» это то, что недовольство социально-экономическим положением отражается, прежде всего, на молодых людях, которым из-за неэффективности социальных лифтов сложно реализоваться, даже при наличии профессиональных навыков. Благодаря деятельности НКО в протест привлекаются большие массы молодежи.

жи, которые выступают главной движущей силой. В дальнейшем, когда противостояние заканчивается, проводится ряд реформ. Из-за этого политическая система вновь стабилизируется. Однако проблемы, из-за которых большая часть населения была недовольна прежним руководством не решаются, так как это не соответствует интересам бизнес-групп, которые также не заинтересованы в увеличении социальных благ для населения. В дальнейшем это приводит к новой волне возмущения, которое либо подавляется, либо приводит к новому перевороту, при условии существования новых противоречий внутри бизнес-структур и связанной с ними политической элитой.

Список литературы

1. Арямова А. Д. «Цветные революции» как инструмент внешней политики стран англо-американского политического альянса // Власть. 2015. № 8. С. 206-209.
2. Прокофьев А. В. Причины и условия протекания «цветных революций» на постсоветском пространстве // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2008. № 7. С. 31-47.
3. Гаман-Голутвина О. В. Авторитаризм развития или авторитаризм без развития: судьбы модернизации на постсоветском пространстве // Вестник МГИМО Университета. 2010. С. 77-83.
4. Соловей В. Д. Внешнее влияние и революции // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2017. № 4. С. 06-11.
5. Нечай Е.Е. Цветные революции - глобализационный дефолт? // Вестник РМАТ. 2017. №1. С. 9-13.
6. Нечаев Д. Н. Ницевич В. Ф. Бочанов М. А. «Цветные революции»: от softpower к гражданским войнам // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. №6. С. 115-120.

Токмаков Артем Дмитриевич, аспирант, avchina450364@gmail.com, Россия, Тула, Тульский государственный университет

"COLOR REVOLUTIONS" AS A FORM OF POLITICAL PROCESS IN THE POST-SOVIET SPACE

A. D. Tokmakov

The paradigms of the study of "color revolutions" are considered. Based on them, a definition of these processes is given. The causes of "color revolutions" in the post-Soviet space are revealed. The characteristic of the main driving force of the protests is given. The results of the "color revolutions" in the post-Soviet space are revealed.

Key words: "color revolutions", external influence, political elite, driving force, coup, business structures.

Tokmakov Artyom Dmitrievich, postgraduate, avchina450364@gmail.com, Russia, Tula, Tula State University

СЕТЕВОЙ ПОДХОД К ОРГАНИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

А. В. Лапин, М. В. Ильичева

Целью статьи является определение новых подходов к организации государственно-частного партнерства, позволяющих выстроить устойчивый и эффективный баланс интересов бизнеса и власти для успешной реализации соответствующих проектов.

Для решения этой задачи с применением структурно-функционального метода были исследованы теории групп интересов и политических сетей, по итогам которых был сделан вывод, что к процессам государственно-частного партнерства можно применить сетевой подход. В результате применения сетевого подхода к организации государственно-частного партнерства была разработана модель коммуникативной площадки, на которой действует механизм поиска точек сборки интересов государства и бизнеса в рамках реализации проектов государственно-частного партнерства. Также были определены свойства и границы информационного пространства, внутри которого баланс интересов бизнеса и власти будет сохраняться в течение всего срока действия соглашения о государственно-частном партнерстве.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, группа интересов, политическая сеть, общественно-значимая цель, индикативное планирование, коммуникативная площадка.

Исследование выполнено при поддержке РФФИ в рамках научного проекта №19-011-31489\19 «Политический анализ региональных стратегий в ракурсе целей и задач социально-экономического развития России»

В большинстве современных стран взаимоотношения между институтами гражданского общества, экономической и политической сферами могут принимать как договорной, так и конфликтный характер. В этой связи роль государства заключается в обеспечении баланса интересов в обществе. Как следствие, возникает проблема регулирования отношений между группами интересов, в том числе между государством и бизнесом. Вопрос о стратегии и механизмах реализации функций государства, связанных с согласованием интересов различных групп бизнеса ради достижения разумного компромисса во имя обеспечения эффективного государственно-частного партнерства (далее - ГЧП), является ключевым в понимании стратегических направлений развития России в новом политическом цикле.

Исходя из того, что руководство страны и часть бизнес-элиты оказались в одной группе с высокой мотивацией к модернизации, можно сделать вывод, что на сегодняшний день они объективно заинтересованы в сотрудничестве друг с другом в целях повышения конкурентоспособности страны путем инновационного развития с одновременной или немного запаздывающей корректировкой функций социальных и политических институтов. Неизбежно возник вопрос о соотношении политической и управленческой составляющих взаимоотношений государства, бизнеса и общества в современных условиях.

Для эффективного управления необходим партнерский диалог, в который должны быть включены социальные группы с разнообразными интересами. Общественное управление предполагает также активную деятельность неформальных лидеров, желающих и имеющих возможность брать на себя ответственность за решение проблем, стоящих перед населением [1, с. 403].

Исходя из того, что бизнес стремится к использованию государственного ресурса для укрепления своей конкурентоспособности внутри страны и на международной арене, а государство, в свою очередь, стремится использовать ресурсный потенциал бизнеса для стабилизации своего влияния внутри страны и в международных отношениях, в процессе поиска согласия между государством и бизнесом необходимо преодолеть объективные противоречия в их взаимоотношениях.

Основополагающую роль в формировании и институционализации взаимоотношений бизнеса и государства играют группы интересов, которые наряду с политическими организациями и партиями играют основную роль в качестве инструмента продвижения интересов бизнеса в структурах власти. Именно необходимость успешно продвигать свои интересы заставляет заинтересованные группы бизнеса вступать во взаимодействие с государством.

По убеждению признанного специалиста в сфере теории политических и экономических наук американца Ч. Линдблома, бизнес выступает основным звеном при принятии социально-экономических и политических решений, выступая активным участником политического процесса. Для того чтобы бизнес эффективно выполнял свои обязанности, требуется его привилегированное положение в государстве и политике. «Бизнесменов нельзя оставлять за дверями политических систем» [2, с.195].

Бизнес, располагая ресурсами, проявляет политическую активность в большей степени, чем другие группы интересов, является наиболее интенсивным актором во взаимодействии с государством. В свою очередь, государственная власть заинтересована в развивающемся эффективном бизнесе, а бизнес, соответственно, – в устойчивом, стабильном государстве. Однако государство не может допустить ситуацию, когда бизнес становится «могущественнее» в политическом смысле, чем само государство, поэтому участие групп интересов бизнеса будет строго регламентированным и ограниченным в политике.

На современном этапе в определении стратегических целей развития государства принимает участие все возрастающее количество акторов и групп влияния, разноректорность их действий диктует переход к сетевому принципу взаимодействия государства и бизнеса и соответствующего институционального изменения всей государственной политики, в первую очередь, в сферах, связанных с созданием и развитием ключевых драйверов роста. Особо важное значение при моделировании отношений между государственным управлением и бизнесом имеют методы теории политических сетей в качестве научного инструмента анализа.

Появление понятия «политическая сеть» (policy network) вызвано настоятельной потребностью в изменении иерархического администрирования на новые подходы в управлении, и если государственный менеджмент акцентирует внимание на рыночной экономике, то теория политических сетей развивается на основе коммуникативных процессов постиндустриального демократического общества.

Как подчеркивает профессор Свободного Университета Берлина Т. Берцель, для производства общественных благ государство все более и более зависит от других акторов и субсистем; в этой ситуации взаимозависимости между общественными и частными акторами ни иерархия, ни рынок не являются эффективными структурами для координации интересов и ресурсов различных акторов, включенных в процесс производства политических решений; как результат, доминантной моделью управления становятся политические сети [3].

Теория политических сетей, с одной стороны, усложняет конструкцию построения управления, так как в процессы управления включается большое количество акторов - представителей общественных и предпринимательских групп интересов, находящихся в броуновском движении в поисках путей оптимизации собственных интересов, направленных на выявление политических акцентов, помогающих установить связи со сферой государственного управления и политики.

С другой стороны, концепция политических сетей изменяет понимание роли государства как агента политики:

1) при сетевом подходе государство и его институты являются лишь одним из акторов производства политических решений, в то время как ранее считалась роль государства в выработке политических решений доминирующей;

2) в концепции политических сетей государственные структуры вынуждены вступать в обмен ресурсами с группами интересов, с которыми имеют общие интересы и неформализованные связи, в то время как ранее доминировала теория относительной независимости государства в политике;

3) сетевой подход предлагает новый тип управления – «управление без правительства» («governing without government») [4], альтернативный теории государственного управления как традиционно иерархически организованной системы.

Важное значение для понимания сущности политических сетей имеет ценностно-ориентированный подход, при котором идеи, верования, ценности, идентичность и доверие создают моральное измерение управления и технологии выработки политического решения, ценностную платформу для конструирования логики взаимодействия между членами сети [5]. Этот посыл объясняет ту особенность политических сетей, что ключевыми элементами сети являются не межперсональные отношения внутри институтов, а связи и отношения между системными акторами [6]. И главный вывод: в теории политических сетей эффективность государственного управления определяется действенностью государственного управления через качество коллективного выбора или легитимного совместного выбора решения, как пишет политолог Т. Туунен [7].

Политическая сеть конструируется ее акторами для осуществления процесса обмена имеющихся у сторон ресурсов на основе взаимоприемлемого соглашения, для выработки которого даже доминирующие участники сети, включая государство, вынуждены вступать во взаимодействие. Между участниками сети существует ресурсная зависимость, поэтому участники сети могут вступать в постоянные или временные альянсы (консорциумы) с целью концентрации ресурсов для усиления своих позиций на пути достижения общих интересов.

В политической сети преобладают горизонтальные, а не иерархические отношения, где какой-либо участник имеет преимущество с точки зрения властных возможностей. Все участники политической сети равны при формировании общего решения по интересующему вопросу.

Взаимоотношения между участниками политической сети строятся на доверии, являющемся необходимой предпосылкой для поиска компромисса между государством и группами интересов при согласовании взаимоприемлемого соглашения.

Сетевую модель взаимодействия государства и бизнеса можно отнести к наиболее универсальным моделям. Американский политолог Л. О'Туул конкретизирует элементы сети, которые участвуют в выработке политических решений и реализуют услуги по выполнению этих решений: «сети включают межагентские кооперативные ставки, имея в виду формализованные оценки ресурсов акторов, межуправленческие структуры программного менеджмента, обеспечивающие процессы производства политических решений, множество соглашений и, особо подчеркнем, государственно-частное партнерство [8]. Особо отметим элемент сети «межуправленческие структуры программного менеджмента», или так называемые провайдеры сети, включающие публичные агентства, частные компании, некоммерческие и волонтерские организации, которые обеспечивают в рамках данной политической сети менеджмент политических решений, связывая все элементы сети взаимозависимостью и интересами, которые закрепляются определенными совместными программами [9].

Таким образом, проецируя принципы организации политических сетей на систему взаимоотношений государства и бизнеса в рамках ГЧП, можно сделать вывод о целесообразности применения сетевого подхода к процессам организации ГЧП.

Как показала практика, рыночная система не способна гарантировать достаточный уровень доверия между государством и группами бизнеса, поддержание которого требует больших транзакционных затрат на проведение переговоров и осуществление лоббистской деятельности. В политических сетях в результате социального конструирования в процессе формирования возникает возможность доверия в силу многих причин социального порядка, связанного с формированием сети по типу политического сообщества, в основе которого лежит согласие через консенсус.

Следует отметить, что внутренние условия взаимодействия участников сети прямым образом влияют на эффективность ГЧП, организованного на

принципах политических сетей. Британский ученый Б.Милворд и американский исследователь К. Прован показали, что эффективность сети зависит от следующих причин [10]:

- наивысшая сетевая эффективность достигается тогда, когда участники сети не только интегрированы между собой, но централизованы вокруг властного ключевого агента, выполняющего функцию интегратора и координатора. В ГЧП таким властным ключевым агентом выступает государство в лице органов исполнительной власти;

- наивысшая сетевая эффективность достигается тогда, когда механизмы государственного финансового контроля являются прямыми и непрерывными. В ГЧП государство в лице органов исполнительной власти через конкурсную процедуру определяет механизмы контроля участников партнерства, с которыми заключаются государственные контракты на выполнение работ;

- наиболее вероятной сетевая эффективность будет в богатом ресурсами окружении, когда участники сети имеют достаточно ресурсов, чтобы решить задачи достижения общего интереса, и меньшая вероятность сетевой эффективности будет в небогатом ресурсами окружении. Однако само по себе наличие ресурсного богатства не создаст эффективную сеть, так же, как недостаток ресурсов не означает, что сеть неэффективна (то есть другие факторы могут иметь большее значение). В ГЧП наличие ресурсов у участников также не гарантирует реализацию общественно значимого проекта, важно еще иметь надлежащий менеджмент, волю к достижению цели, правильную мотивацию и т.п.;

- наивысшая сетевая эффективность достигается в условиях хорошей оснащенности сети, централизованного контроля участников со стороны центра, прямого снабжения участников, общей сетевой стабильности, хотя сама по себе стабильность не является достаточным условием для эффективности. В ГЧП оснащенность участников, определяемая осначенностью организаций и групп, которые они представляют, также имеет важное значение.

Сегодня существует два подхода к ГЧП. Традиционный экономический подход к ГЧП, или косвенная приватизация, заключается в перераспределении сфер деятельности между бизнесом и государством в стратегических областях, которые невозможно приватизировать, но на развитие которых государство испытывает дефицит средств (социальная сфера, транспорт, жилищно-коммунальное хозяйство, благоустройство дорог, т.е. объекты общественной инфраструктуры).

Современный подход к трактовке ГЧП связан с пониманием того, что ГЧП находится в пограничной зоне взаимодействия государства и бизнеса, поэтому ГЧП является формой оптимизации исполнения государством своих обязанностей перед обществом, а именно - бесперебойного предоставления населению публичных благ.

Поэтому ГЧП понимается как любая форма партнерства государства и предпринимательского корпуса, конструктивное взаимодействие бизнеса и власти в различных областях общественной жизни - политике, экономике, культу-

ре, науке и т.д. При этом делегирование полномочий органов власти распространяется не только на права собственности, но и на делегирование бизнесу функций принятия решений в ходе консультаций, экспертиз и совместной разработки нормативно-правовых актов, целевых программ, совместных проектов.

Прежде чем определить роль государства в его взаимоотношениях с бизнесом при реализации ГЧП, в том числе для целей инновационного обновления страны, необходимо понять суть произошедших изменений в роли государства как политической организации.

Российский политолог Л.Сморгунов обращает внимание на то, что в настоящее время государство перестает просто владеть собственностью и в этом смысле перестает быть непосредственным экономическим агентом действия, а переходит к использованию так называемых «трансформативных способностей», т.е. способностей оказывать помощь, координируя экономические отношения и повышая тем самым конкурентоспособность экономики в целом [11, с.241].

Для того чтобы более наглядно высветить новые черты возникающей концепции государственного управления экономикой знаний, раскрыть ее особенности в плане структуры, методов и ориентиров в виде новой «когнитивной» модели, ее отличия от действующей сегодня в России модели управления, воспользуемся специальной таблицей, представленной в упомянутой публикации Л. Сморгунова.

Подходы в рамках «когнитивной» модели управления в государстве

Признак	Подход
Цель управленческого воздействия	Не сохранение устойчивости (стабильность), а развитие
Организация управления	Не иерархия, а сети
Методы управления	Не простое административное регулирование, а координация усилий заинтересованных
Принципы управления	Не приказание, а стимулирование к достижению цели
Результативность управления	Не просто достижение эффективности, а обеспечение конкурентоспособности, в том числе на мировых рынках
Коммуникация при управлении	Не информирование, а общение для обеспечения взаимопонимания
Видение перспективы государства	Не тактическое, а стратегическое видение на долгосрочный период
Основные ресурсы государства	Не материальные, а человеческие

Окончание табл.

Руководители разных уровней	Не руководство, а лидерство
Способности управления	Не статические, а динамические
Пространство управления	Не закрытое, а публичное, открытое
Регулятивные механизмы в процессе управления	Не нормы, а суждения
Характер отношений в процессе управления	Не индифферентность, а взаимность

Анализ «когнитивной» модели управления в государстве позволяет заключить, что современное управление превращается в важнейший фактор порождения знания посредством управленческой коммуникации, в политическом отношении это означает применение новых гуманитарных подходов на фоне роста демократического потенциала сферы управления государством.

Государственно-частное партнерство мы понимаем как процесс согласования и дальнейшего осуществления баланса интересов участников партнерства в ходе внедрения общественно- и государственно-значимых проектов.

В контексте применения сетевого подхода с участием представителей заинтересованных научных, коммерческих и общественных структур на подготовительном этапе конкурсных торгов станет ключевым фактором повышения эффективности ГЧП вследствие передачи процесса формирования будущего технико-экономического облика результатов реализации проекта ГЧП из рук чиновников в руки профессионального сообщества, сохраняя при этом функцию целеполагания за государством.

В целях преодоления рисков проявления коррупции в ГЧП государству следует перевести весь процесс формирования ГЧП в публичное пространство путем внедрения индикативного планирования, при котором до каждого чиновника государственного или регионального уровня доводятся не объемы бюджетных средств, которые необходимо освоить, а показатели и индикаторы долгосрочного социально-экономического развития страны или региона в виде контрольных заданий, за выполнение которых эти чиновники несут персональную ответственность. Следует отметить, что такая система индикативного планирования уже опробована в Республике Татарстан и показала свою эффективность [12].

В этом случае изменяются функции государства в процессе реализации ГЧП:

- государство как участник выступает в качестве одной из равноправных сторон обсуждения, в качестве организации, профессионально разбирающейся в сути общественнозначимой проблемы, решение которой обеспечит достижение соответствующего показателя и индикатора;

- государство как организатор определяет цель диалога, направленного на формирование проекта ГЧП, решающего общественно-значимую проблему, его участников и правила взаимодействия;

- государство как посредник поощряет активность других участников диалога, выясняет имеющиеся у них вопросы;

- государство как партнер сотрудничает с бизнесом и общественными организациями для достижения общих целей, выработанных в ходе диалога и реализации проекта ГЧП.

В этом случае проекты ГЧП представляют собой не простое сложение ресурсов государства и корпорации, а совершенно особую конфигурацию интересов и соответствующих правомочий партнеров:

1) государство как одна из сторон партнерства выступает в роли носителя общественно значимых интересов и целей, причем исполняет не только целеполагающую, но и контрольную функции;

2) выступая в роли участника хозяйственного оборота, государство заинтересовано как в эффективности общих результатов проекта ГЧП, так и в обеспечении собственного коммерческого эффекта;

3) частный партнер, как всякий нормальный предприниматель, преследует цель максимизации прибыли. Поэтому между партнерами вполне уместен и даже необходим торг о возможном разделе возникающих рисков, о характере делегируемых правомочий и условиях их передачи и использования.

Необходимо определить механизм поиска точек сборки интересов государства и бизнеса по вопросам развития, а также свойства и границы информационного пространства, внутри которого будет осуществляться сохранение этого консенсуса вплоть до достижения результатов реализации проектов ГЧП.

В этой связи предлагается внедрить новый подход к организации сетевого ГЧП для продвижения общественнозначимых проектов, суть которого заключается в том, что процесс отбора идей и формирования проектов ГЧП осуществляется на специально создаваемой или уже существующей публичной коммуникативной площадке, на которую государство помещает для решения конкретную общественнозначимую проблему. Далее при постоянном взаимодействии групп интересов, состоящих из представителей правительства, бизнеса, ученых, экспертного сообщества и общественности, определяется целесообразность, возможные формы продвижения рассматриваемых проектов с участием государства и компаний, а также формируется технико-экономический облик предлагаемых к реализации проектов ГЧП.

Нами представлена схема работы по формированию и выполнению проектов ГЧП на базе федеральных и региональных коммуникативных площадок, иллюстрирующая процесс решения задач (проблем), вытекающих из стратегии социально-экономического развития страны, путем последовательной декомпозиции образа этой задачи (проблемы) в конкретные технико-экономические параметры соответствующих проектов ГЧП, реализация которых позволит решить поставленные в стратегии задачи (проблемы).

Схема работы по формированию и выполнению проектов ГЧП на базе федеральных и региональных коммуникативных площадок

Таким образом, в результате применения сетевого подхода к организации государственно-частного партнерства была разработана модель коммуникативной площадки, на которой действует механизм поиска точек сборки интересов государства и бизнеса в рамках реализации проектов государственно-частного партнерства. Также нами определены свойства и границы информационного пространства, внутри которого баланс интересов бизнеса и власти будет сохраняться в течение всего срока действия соглашения о государственно-частном партнерстве.

Список литературы

1. Ильичева. Л.Е. Государство, бизнес общество в России: модели взаимодействия на современном этапе / Россия в XXI веке: Политика. Экономика. Культура. М.:Аспект-Пресс, 2016. С.403.
2. Линдблом Ч. Политика и рынки. Политико-экономические системы мира / пер. с англ. М., 2005. С.195.
3. Borzel T. Organizing Babylon – on the Different Conceptions of Policy Networks // Public Administration. 1998. Vol. 76. № 2.
4. Rhodes R. Understanding Governance. Policy Network, Governance, Reflexivity and Accountability. Buckingham, Philadelphia: Open University Press, 1997.
5. Borzel T. Rediscovering Policy Networks as a Form of Modern Governance // Journal of European Public Policy. 1998. Vol. 5. № 2.
6. Rhodes R., Marsh D. Policy Network in British Politics. A Critique of Existing Approaches // Policy Network in British Government / Eds. D. Marsh and R. Rhodes. Oxford: Clarendon Press, 1992.

7. Toonen T. Networks, Management and Institutions: Public Administration as 'Normal Science' // Public Administration. 1998. Vol. 76. № 2.

8. O'Toole L. The Implications for Democracy in a Networked Bureaucratic World // Journal of Public Administration Research and Theory. 1997. Vol. 7.

9. Там же.

10. Milward H., Provan K. Principles for Controlling Agents: The Political Economy of Network Structure // Journal of Public Administration Research and Theory. 1998. Vol. 8. № 2.

11. Сморгунов Л.В. От интервенции к координации и возрождению государства и трансформация режимов взаимодействия государства и общества // Государственное управление в XXI веке. Традиции и инновации. Ч. 1. М., 2009. С. 241.

12. Об утверждении Государственного задания на управление исполнительным органам государственной власти Республики Татарстан по индикаторам оценки качества жизни населения и эффективности их деятельности на 2016 - 2018 годы URL: <http://tatarstan-gov.ru/doc/69167> (дата обращения: 15.11.2019).

Лاپин Андрей Викторович, канд. полит. наук, доц., avlapin.eme@gmail.com, Россия, Москва, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,

Ильичева Мария Валерьяновна, аспирант, mary9110@mail.ru, Россия, Москва, Институт социально-политических исследований Российской академии наук

THE NETWORK APPROACH TO THE ORGANIZATION OF PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP IN MODERN RUSSIA

A. V. Lapin, M. V. Il'icheva

The purpose of this research is to identify new approaches to the organization of public-private partnerships, allowing to build a sustainable and effective balance of business and public interests for the successful implementation of relevant projects.

To solve this problem with the use of the structural-functional method, the theories of interest groups and political networks were studied, following which it was concluded that the processes of public-private partnership can be applied to the network approach.

As a result of the network approach to the organization of public-private partnership, a model of communication platform was developed, which operates a mechanism for finding points of balance of interests of the public sector and business in the framework of public-private partnership projects. The properties and boundaries of the information space within which the balance of interests of business and public sector will remain during the entire term of the agreement on public-private partnership were also defined.

Key words: public-private partnership, group of interests, political network, public-significant goal, indicative planning, communication platform/

Lapin Andrey Viktorovich, candidate of political sciences, docent, avlapin.eme@gmail.com, Russia, Moscow, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,

Il'icheva Mariya Valer'yanovna, postgraduate, mary9110@mail.ru, Russia, Moscow, Institute of Social and Political Studies of the Russian Academy of Sciences

РАЗВИТИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ ПОЛИТИКИ И ЭКОНОМИКИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

П. Кремер

Рассматривается взаимосвязь политики и экономики – междисциплинарная проблема, которая в последние годы все чаще рассматривается не только в научных работах, но и публицистических.

Автор обращает внимание на то, что сегодня взаимосвязь политики и экономики предопределена воздействием глобализации на политический процесс, а онтологические взгляды на взаимосвязь политики и экономики и ее оценку порой носят взаимоисключающий характер.

Ключевые слова: политика, экономика, глобализация, политический процесс, геоэкономика, наукоемкие технологии и цифровизация, санкции, конкурентное человеческое развитие, безопасность.

Тема взаимосвязи политики и экономики в современных условиях, к которым в первую очередь следует отнести глобализацию, стала предметом активных исследований научным сообществом как явления, развивающегося эволюционно и обусловленного множеством таких факторов, как политические, экономические, культурные, идеологические, мировоззренческие и др.

Результаты глобализации мировых процессов оказались непредсказуемыми, оказывающими сильнейшее воздействие практически на все сферы общественной жизни, включая политическую и экономическую. Развитие цифровых, информационных и коммуникационных технологий, культурных связей, формирование единого политического и экономического пространства и в то же самое время обострение международной конкуренции, а также усиление информационного противоборства - это всего лишь часть уже сейчас видимых и ощущаемых всеми последствий глобализации, которая, безусловно, в значительной степени затронула политический процесс, обуславливающий взаимосвязь политики и экономики.

В настоящий момент нет единой точки зрения на то, стоит ли и далее способствовать развитию глобализационных процессов, следует ли их всячески затормаживать, и если да, то в какой форме и в какой степени. Президент России В.В. Путин, к примеру, считает, что дисбалансы в социально-экономическом развитии, кризис прежней модели глобализации ведут к негативным последствиям для отношений между государствами, для международной безопасности [17].

В современных условиях взаимосвязь политики и экономики, несомненно, во многом обусловлена существенным влиянием глобализации на политический процесс. Глобализация в большинстве своем рассматривается экономической и социологической науками. В области политологии исследований, посвященных глобализации и ее влиянию на все сферы общественной жизни,

намного меньше. В связи с этим, взаимосвязь политических и экономических субъектов современного мирового пространства, идеологические и культурологические процессы, роль национального государства и его функции, тренды модернизации в условиях меняющегося мира остаются открытыми и требуют дальнейших системных исследований.

Онтологические взгляды на взаимосвязь политики и экономики и ее оценку, в том числе и в условиях цифровой глобализации, разнятся и часто носят взаимоисключающий характер. Очевидно, что политическая и экономическая сферы общественной жизни органически связаны между собой и обуславливают взаимодействие государства, общества и личности. Положение о том, что экономика оказывает влияние на политику, а политика представляет собой концентрированное выражение экономики, используемое в рамках формационного подхода, не позволяет в нужном объеме определить всю сложность взаимосвязи рассматриваемых сфер общественной жизни. Тем не менее, в условиях политических реформ, несомненно, происходят и существенные изменения в экономической системе страны.

К. Маркс, например, отмечал: «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определённые, необходимые, от их воли не зависящие отношения - производственные отношения, которые соответствуют определённой ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определённые формы общественного сознания» [13, с. 6-7].

По мнению В.И. Ленина: «Отделять организационные вопросы от политики нельзя. Политика — это концентрированная экономика» [11, с. 123]. Он был уверен, что самые глубокие корни и внутренней, и внешней политики государства определяются экономическими интересами, экономическим положением классов, господствующих в стране; данные положения, которые являются основой всего мирозерцания марксистов, подтверждены великим опытом обеих русских революций [12, с. 327-328].

В свою очередь Р. Арон утверждал: «Многие явления в экономике могут влиять на форму, в которую облечена в том или ином обществе структура государственной власти. Не стану утверждать, что государственная власть определяет экономику, но сама экономикой не определяется. Любое представление об одностороннем воздействии, повторяю, лишено смысла» [1, с. 13].

Доктор экономических наук, профессор С.В. Рогачев убежден, что мир и Россия в XXI веке вступает в новую социально-политическую и социально-экономическую реальность, что наступает эпоха кардинального технологического передела и «цифровой цивилизации». В статье С.В. Рогачева и С.В. Некрасова «Цифровая реальность: варианты, вызовы, риски» отмечается следующее, а именно: новая реальность делает важнейшей политической задачей для государства и гражданского общества разработку комплексной долгосрочной стратегии развития страны адекватной новой парадигме цифровой цивилизации; в настоящий момент особое значение приобретает прогнозирование и

упреждение возникающих при этом социальных противоречий, политических угроз и рисков, а самая большая угроза, самый большой политический риск – это опоздать к новому технологическому переделу [19, с. 107].

Доктор политических наук, профессор Ильичева Л.Е. считает, что освоение современных цивилизационных технологий по взаимодействию государства, бизнеса и общества сегодня способствует их прозрачности, открытости, легитимности, подконтрольности обществу, а значит, увеличению социальных благ и демократизации жизни общества [6, с. 403].

В свою очередь, немецкий социолог и экономист Д. Беккер уверен, что и в следующем обществе будет нужна политика, как механизм, с помощью которого коллективно могут приниматься решения, а власть может как устанавливаться, так и контролироваться. Он оппонирует сторонникам идеи, согласно которой надо создать мировое государство, обеспечив таким образом формирование мирового сообщества. По мнению Д. Беккера, следует выстраивать еще больше маленьких независимых локальных и региональных политических центров, у которых не будет повода вести войну друг с другом, потому что этому сразу помешают соседи, у них будут все поводы вместе голосовать за транспортные системы и другие виды инфраструктуры, предлагать хорошие школы, приятные жилые кварталы и работающие промышленные зоны [25].

Важно отметить, что в настоящее время, безусловно, политика все чаще грубо вмешивается в экономические отношения, в бизнес-процессы. Многие политики из стран с развитой экономикой еще совсем недавно заявляли, что подобное вмешательство нереально, безответственно и однозначно неприемлемо. Сегодня многие из тех, кто так утверждал, сами всё это и осуществляют. Они даже не пытаются скрывать, что применяют политические инструменты с целью продвижения собственных исключительно экономических интересов. К примеру, санкции, принятые конгрессом США, явно направлены на то, чтобы вытеснить компании Российской Федерации с европейского рынка энергоносителей, вынудить европейские страны перейти на использование более дорогого сжиженного газа из США. Санкционный пакет, введенный Соединенными Штатами Америки в отношении России, свидетельствуют о том, что руководство США при подготовке и принятии управленческих решений, связанных с обеспечением экономического развития страны, несомненно следует теоретическим разработкам геэкономике. В последние годы в научном сообществе также все чаще стали использовать геэкономический подход к анализу взаимосвязи политики и экономики, особенно в условиях цифровой глобализации. Так, Ф. Моро-Дефарж утверждает, что возникновение геэкономике, как науки произошло в результате взаимодействия трех факторов: усиления взаимозависимости, создания сетей; падения «железного занавеса», краха коммунистических экспериментов; появления новых участников мирохозяйственных связей [15, с. 104-105].

В свою очередь, доктор экономических наук Э.Г. Кочетов обозначает геэкономике как отрасль научного знания, в соответствии с которой экономическая политика государств во многом определяется ресурсно-территориальными факторами с включением национальных хозяйств и их

субъектов в мировые воспроизводственные цепи для участия в формировании и использовании мирового дохода. Каждая страна, по его мнению, имеет определенный геоэкономический потенциал, при этом входящие в нее регионы обладают разными возможностями [8]. Кочетов Э.Г. - автор монографии «Геоэкономика и стратегия России: истоки и принципы построения внешнеэкономической доктрины» [9], исследуя геоэкономический вектор глобального развития, пришел к выводу, что Россия, к сожалению, в какие-то годы «застряла» на старых геополитических подходах. Привязка национальных интересов не к экономическим, а только к административным границам страны, игнорирование современных мировых реалий привели к тому, по убеждению Э.Г. Кочетова, что российская политика практически вычеркнула из своего поля зрения экономическую составляющую мировой политики.

Геоэкономический подход в рамках политики стран выделяет составляющую, направленную на модернизацию национальной экономической системы. Данный подход к анализу взаимосвязи политики и экономики предполагает, что формирование единого экономического и информационного пространства должно быть основано на принципиально новых принципах взаимодействия и борьбы за мировое политическое лидерство. Геоэкономика включает в себя сравнительный анализ стратегий развития государств и разработку комплекса мероприятий по повышению уровня конкурентоспособности страны. Геоэкономика ориентирует в первую очередь на завоевание страной технологического и коммерческого первенства. Очевидно, что использование в настоящее время геоэкономического подхода как основного в исследовании взаимосвязи политики и экономики обусловлено тем, что данная взаимосвязь становится все более тесной и важной, определяющей во многом развитие мирового пространства.

В современных условиях международные отношения развиваются, как правило, на основе геоэкономического экспансионизма, предполагающего нанесение ущерба ключевым оппонентам невоенными методами в процессе реализации разработанной и принятой стратегии с использованием геоэкономических технологий. Геоэкономический характер действий США и Европейского союза обуславливает в значительной степени навязывание странам, которых они не относят к своим союзникам, моделей экономического, политического, социального и культурного развития. Например, министр иностранных дел России С.В. Лаврова в одной из своих статей подчеркивает, что сегодня, извращая прошлое, западные политики и пропагандисты хотят заставить общественность сомневаться в справедливости того мироустройства, которое было утверждено в Уставе ООН по итогам Второй мировой войны. Кроме того, С.В. Лавров указывает на то, что прежде всего Соединенными Штатами Америки взят курс на подрыв существующей международно-правовой системы, ее замену на некий «порядок, основанный на правилах», а создавать новый порядок США хотят по принципу «кто сильнее, тот и прав», по «закону джунглей» [10].

Стратегия развития мира, базирующаяся на геоэкономике, рассматривает мировое пространство как целостное образование, а субъектов экономических систем стран как действующих субъектов мирового политического про-

цесса, что предполагает новые правила международных отношений. Анализ перспектив развития экономики XXI века позволяет сделать вывод о том, что, к примеру, Соединенные Штаты Америки, обладая современными информационными и коммуникационными технологиями, являясь одним из лидеров в сфере искусственного интеллекта, используют свое научно-техническое и технологическое преимущество в экономических, политических и военных целях, угрожают безопасности России и многих других стран.

Академик Э.Г. Шевелев, например, отмечает, что тактические действия развитых государств мира, реализующих глобальную стратегию, уже не связываются ни с военным завоеванием территорий, ни с прямым подчинением экономического пространства противника. Э.Г. Шевелев заявляет, что страны с развитой экономикой формируют свои правила и условия игры на мировом экономико-политическом поле, предлагают, навязывают по праву сильнейшего свои технологии, устанавливают и поддерживают желаемые типологии мирохозяйственных связей, ориентированные на достижение своих целей, упрочение или подрыв той или иной системы социально-экономической ориентации, что новая воспроизводственная структура мира развитых стран выстраивается с учетом доступности сырьевых богатств и интеллектуальных ресурсов всех других стран мира [20, с. 11].

В современную эпоху модернизация развивающихся стран осуществляется, как правило, на основе геоэкономического подхода, применяемого по отношению к ним странами с развитой экономикой. В условиях глобализации экономические ресурсы развития больше не имеют строгой территориальной привязки. Процесс освоения пространства любого государства политически и экономически более мощной структурой заключается в первую очередь в преследовании собственных интересов, что, безусловно, свидетельствует о коренном изменении характера этого освоения. Ярким примером подобного процесса является интеллектуальная эмиграция или, если использовать другие слова, «утечка мозгов». Из России, по данным исследования 2018 года, проведенного Российской академией народного хозяйства и государственной службы (РАН-ХиГС), в последние годы произошел рост «утечки мозгов». В докладе по результатам этого исследования указывается: «Зарубежная страновая статистика и результаты проведенных глубинных интервью с эмигрантами последних шести лет показывают, что в текущем десятилетии имел место реальный рост квалифицированной (интеллектуальной) эмиграции из России. Сейчас за рубежом проживают около 2,7 млн уроженцев России. Ежегодно, согласно зарубежной статистике за последние годы, в развитые страны эмигрируют около 100 тыс. человек, из них в среднем около 40 % имеют высшее образование. В качестве причин, «выталкивающих» россиян из страны, указываются следующие: заметное изменение экономической ситуации после 2014 года, ведущее к трудностям на рынке труда, снижению зарплат, сокращению возможностей для карьерного развития, а также неудовлетворенность политической ситуацией. Многие россияне уехали за границу работать, получив так называемую «Голубую карту» для квалифицированных специалистов» [22].

Изложенная часть результатов исследования РАНХиГС наглядно свидетельствуют о том, что развитие США и некоторых других стран мира осуществляется в том числе и за счет России, ее граждан, а, к примеру, предоставление «Голубой карты» для квалифицированных специалистов совершенно очевидно подчеркивает актуальность взаимосвязи политики и экономики.

Анализ взаимосвязи политики и экономики в условиях современного политического процесса позволяет прийти к выводу, что указанные еще в 2015 году угрозы актуальны для России до сих пор, а также выявить опасность для безопасности и конкурентоспособности РФ, которая связана с глобальными политическими и экономическими изменениями, обусловленными в том числе и санкциями в отношении России, негативно влияющими на развитие в нашей стране высоких технологий, в том числе и цифровых, а также на коммерциализацию инноваций. Академик С.Ю. Глазьев, например, в докладе «Речь о неотложных мерах по отражению угроз существованию России» исходит из того, что страна никогда не будет конкурентоспособной без соответствующего стимулирования и поддержки развития предпринимательства, связанного с коммерциализацией и внедрением в производство научно-технических достижений [5].

Существенные изменения в структуре мировой экономики происходят все стремительнее. Данные изменения оказывают значительное влияние и на политический процесс. Цифровые преобразования в современную эпоху являются ключевым фактором мирового экономического процветания. Динамичное развитие цифровизации и наукоемких технологий, которое невозможно без инновационных процессов, обуславливает кардинальное изменение мирового экономического пространства, модификацию существовавших мирохозяйственных связей, создание совершенно новых рынков товаров, услуг и работ.

Существенные и быстрые изменения, которые происходят в сфере цифровизации, несомненно, представляют собой вызовы и угрозы для всех субъектов, задействованных в данном процессе, так как глобальные компании посредством цифровых технологий, больших баз данных и интеллектуальной собственности монополизировали рынки, а также во многом определяют особенности мирового политического процесса, из которых одной из важнейших является изменение статуса стран в геополитическом пространстве с помощью политической, экономической, информационной и культурной экспансий.

Так, к примеру, значимым фактором, усилившим влияние глобальных частных компаний на мировой политический процесс, стало стремительное распространение информационных технологий. Там, где, предположим специальные службы, тратили десятилетия, чтобы собрать о человеке полную информацию, частные компании решили данную задачу инновационно и более оперативно, создав новые сервисы - от электронной почты до соцсетей. Доступ одновременно к содержанию почты, информации о посещенных интернет-страницах и физических перемещениях человека - самый тотальный контроль людей в истории человечества. Власти большинства стран рассудили одинаково, позволив глобальным компаниям иметь всю информацию, но гарантировав себе доступ к ней в нужный момент. Правда, важно указать, здесь правительства стран мира оказались в неравном положении, так как большинство миро-

вых IT-компаний являются бизнес-организациями США и размещают свои серверы в штате Калифорния (в этом убедилась Россия, потому что сотрудники Следственного комитета Российской Федерации безуспешно пытались получить доступ к оригиналам видеофиксаций нарушений на выборах 2011 года в РФ) [7].

Предложения по отключению российских банков от международных платежных систем «Visa» и «Mastercard» также свидетельствуют о возрастающей роли глобальных наукоемких компаний в современном политическом процессе и усилении взаимосвязи политики и экономики.

Одна из особенностей современного политического процесса — это изменение статуса государства в геополитическом пространстве с помощью политической экспансии, которая рассматривается как применение методов политического давления, в том числе посредством демонстрации применения силы, введения санкций, ставшие элементом глобальной политики, и т.д. Например, как минимум с начала XXI века в отношении России действуют те или иные ограничения со стороны США. Это означает, что на протяжении почти двадцати лет Россия не рассматривается руководством Соединенных Штатов Америки в качестве дружественной страны. Ясно, что проводимая в настоящее время США антироссийская санкционная политика является одним из проявлений геоэкономического подхода к решению задач экономического развития собственной страны. Санкции Соединенных Штатов Америки в отношении РФ, Ирана и ряда других стран, а также начатые США торговые войны, например с КНР, оказывают значительное негативное влияние на глобальную экономическую систему, разрушают базис мирового экономического порядка и, несомненно, открыли новую эпоху в системе международных отношений, которые в настоящее время выходят за пределы правового поля, за рамки международных правовых норм. США и некоторые страны Европейского союза, решая экономические задачи, активно используют силовые способы, а именно: настойчивый протекционизм, «агрессивное продавливание», а также откровенный шантаж руководства и предпринимателей других государств. Нарушение устоявшегося мирового порядка и отказ от международной координации в политической и экономической сферах становятся существенными факторами, обуславливающими неопределенность и нестабильность на мировой арене.

Очевидно, количество американских санкционных волн в направлении России будет расти. Соответственно, в условиях усиления взаимозависимости политики и экономики, а также в целях противодействия негативным политическим и экономическим эффектам санкций Россия должна совершенствовать государственное регулирование экономики, обеспечить повышение эффективности действий органов государственной власти, в том числе и в сфере внешней торговли, так как она является непосредственным источником богатства государства, и только внешняя торговля перемещает богатство из страны в страну. В условиях геополитической нестабильности и экономической неопределенности важно способствовать росту доверия граждан России к действиям

институтов государственной власти, который возможен при соблюдении как минимум четырех положений.

1. Обеспечение стабильного и конкурентного человеческого развития, повышения качества жизни населения страны в целом. Конкурентное развитие в данном случае означает конкурентоспособное в сравнении с ведущими странами мира. В 2018 году в Организацию Объединенных Наций (ООН) был представлен доклад по индексам и индикаторам человеческого развития, в котором названы 189 стран с наиболее высоким уровнем человеческого развития. Страны оценивались по четырем параметрам: продолжительность жизни, предполагаемая и средняя продолжительность обучения, а также объем валового национального продукта (ВВП) на душу населения. Первое место заняла Норвегия, в которой продолжительность жизни составляет чуть более 82 лет, предполагаемая продолжительность обучения – почти 18 лет, средняя – чуть более 12 лет, объем ВВП на душу населения – более 68 000 долларов США. Второе место заняла Швейцария, третье – Австралия, четвертое – Ирландия, пятое – Германия. Россия оказалась на 49-м месте: продолжительность жизни в РФ – чуть больше 71 года, предполагаемая продолжительность обучения - 15, 5 лет, средняя - 12 лет, объем ВВП на душу населения – чуть более 24 000 долларов США [3]. Россия как страна, которая ценит свою целостность и независимость, а также дорожит своей безопасностью и своим статусом одного из важнейших игроков на геополитической арене, обязана идти в ногу со временем, в том числе и в области человеческого развития.

2. Оперативная адаптация государства к перманентному и быстрому мировому развитию наукоемких технологий, в том числе цифровых. Эксперты рейтинга «Global Innovation Index -2018» указывают, что в условиях роста взаимосвязи политики и экономики государственная поддержка высоких технологий, инновационных процессов, исследований и разработок - важная часть политических амбиций в большинстве развитых и развивающихся странах, глобальные расходы на инновации продолжают расти, а доля бизнеса в них увеличивается [23].

3. Способность государства быть проактивным, то есть формировать внешнюю среду в интересах своего населения. Проактивность, несомненно, предполагает лидерство на мировой арене, первенство во всех областях общественной жизни. Проактивность институтов государственной власти в условиях роста взаимосвязи политики и экономики может базироваться на принципе «спутника». Данный принцип основывается, во-первых, на том, что первый спутник Земли в истории человечества был запущен в нашей стране 4 октября 1957 года: во-вторых, на том, что «спутник» является одним из самых распространенных русских слов в иностранных языках. Таким образом, Россия, согласно этому принципу, должна стремиться к тому, чтобы как можно чаще быть первой во всех сферах общественной жизни – политике, экономике и др., а также к тому, чтобы как можно больше было слов, заимствованных иностранцами из русского языка.

Понимание важности лидерства России на мировой арене, как минимум, у политического руководства страны есть. К примеру, Председатель Правительства РФ Д. А. Медведев в июне 2019 года на совещании по вопросу развития «Роскосмоса» отметил, что Россия, которая была первопроходцем в космосе и опережала в этой сфере абсолютное большинство других стран, не имеет права сдавать позиции; сегодня таких достижений у нашей страны, к сожалению, не так много, но лидерство возвращать нужно, так как это не только вопрос престижа, но и вопрос национальной безопасности [14].

4. Эффективная государственная поддержка отечественного предпринимательства, целенаправленная государственная политика стимулирования предпринимательских инициатив в сфере инноваций и их коммерциализации. Великий русский ученый Д. И. Менделеев, в XIX веке открывший один из основных законов естествознания - периодический закон химических элементов, утверждал: «Для благополучия Россия имеет все. России не хватает только предприимчивости» [21]. Данные слова Менделеева Д.И. актуальны для нашей страны и в XXI веке. В рейтинге стран мира по индексу инноваций 2018 года Россия занимает 46 место (2017 г. – 45). Первое место принадлежит Швейцарии, второе – Нидерландам, Великобритании – 4, США – 6, Германии – 9. Особого прогресса за 10 лет добился Китай. В 2008 году Китайская Народная Республика (КНР) занимала только 37 место, в 2018 году — 17 место. Специалисты, участвующие в составлении данного рейтинга, отмечают, что стремительный взлет КНР является отражением стратегического курса, взятого высшим руководством этой страны на развитие инновационного потенциала мирового значения, а также перевод структурной базы национальной экономики на более наукоемкие отрасли, основанные на инновациях [24]. Анализ «Global Innovation Index» позволяет сделать вывод о том, что Россия значительно проигрывает конкурентную борьбу основным своим оппонентам на мировой арене в той сфере, развитие которой во многом определяет национальную безопасность, особенно в условиях цифровой глобализации. Данный проигрыш во многом обусловлен не эффективными действиями институтов государственной власти и отсутствием соответствующих политических амбиций.

Рассматривая онтологические основания взаимосвязи политики и экономики, необходимо обозначить комплементарную связь между ними, предполагающая следующее – достижение экономических целей способствует достижению целей политических и, соответственно, наоборот. Например, Соединенные Штаты Америки – ведущая экономика мира. Основная доля валового национального продукта США (более 80 %) создается в наукоемкой и высокотехнологичной сфере услуг [2]. Многие компании США являются одними из лидеров на том или ином мировом рынке. Такими бизнес-структурами являются: одна из крупнейших и старейших в мире финансовых организаций «JPMorgan Chase»; телекоммуникационная компания «AT&T»; банковская организация «Bank of America»; компания «Facebook», владеющая одной из крупнейших социальных сетей в мире и т.д.

Впечатляющие экономические достижения позволяют США добиваться значительных успехов и в других сферах, в том числе в военной и политической. Американский предприниматель и общественный деятель Б. Гейтс в книге «Бизнес со скоростью мысли», анализируя операцию США и их союзников по освобождению Кувейта и разгрому иракской армии, приходит к выводу о том, что победа высоких технологий - вот единственное воспоминание, сохранившееся у большинства людей от войны 1991 года в Персидском заливе [4, с. 77-78]. Один из бывших президентов США Б. Обама уверен: «У США сильная, самая прочная экономика в мире... Мы тратим на нашу армию больше, чем остальные... Когда возникает какая-либо проблема в мире, то обращаются к нам, а не в Москву или Пекин...Американцы - самая мощная нация на всей планете Земля. И с каждым годом американская нация становится только сильнее...» [16]. Президент России В.В. Путин в ходе своего выступления на Петербургском международном экономическом форуме в июне 2016 года подчеркнул: «Америка – великая держава; сегодня, наверное, единственная супердержава. Мы это принимаем. Мы хотим и готовы работать с Соединенными Штатами» [18].

Здесь важно обозначить, что именно действия США как общепринятой супердержавы представляют собой наиболее существенные угрозы безопасности России в условиях современного политического процесса, во многом обусловливающего взаимосвязь политики и экономики. К данным действиям следует в первую очередь отнести введение санкций против Российской Федерации без соответствующего решения Совета Безопасности ООН, а также призывы отключить российскую банковскую систему от международной системы «SWIFT», тем самым спровоцировать сбой в функционировании финансовой системы страны.

Таким образом, создание ситуационных политических и экономических альянсов, введение санкций, которые стали элементом глобальной политики, усиление влияния глобальных частных компаний на мировой политический процесс и распад системы всеобъемлющей стратегической безопасности во многом определяют в современную эпоху взаимосвязь политики и экономики. В правительствах многих развитых стран мира, академическом и научном сообществах часто стали использовать геоэкономический подход к анализу взаимосвязи политики и экономики. Между политикой и экономикой существует комплементарная связь, предполагающая, что политика способствует решению экономических задач, а экономика – задач политических. Политика создает важные условия для развития экономики, но сама по себе она не может быть ключевым источником устойчивости политической системы. Определяющими потенциал политического развития и доминирования в условиях глобализирующего и модернизирующего пространства являются в первую очередь эффективные экономические изменения, конкурентное создание наукоемких производств, коммерциализация инноваций, а также скорость цифровизации всех сфер общественной жизни.

В условиях цифрового развития новое качество экономических отношений значительно изменило понимание сущности рыночной власти, характера политического влияния и взаимосвязи политики и экономики.

Список литературы

1. Арон Р. Демократия и тоталитаризм М: Изд-во «Текст», 1993. С. 13.
2. ВВП России, США и Китая. Неожиданное сравнение. URL: <https://topcor.ru/732-vvp-rossii-ssha-i-kitaya-neozhidannoe-sravnenie.html> (дата обращения: 02.10. 2019).
3. В ООН назвали страны с самым высоким уровнем человеческого развития. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5b9d23db9a794720c09e5388> (дата обращения: 02.10. 2019).
4. Гейтс Б. Бизнес со скоростью мысли. М.: Изд-во. «Эксмо-Пресс», 2000. С. 77-78.
5. Глазьев С.Ю. Речь о неотложных мерах по отражению угроз существованию России. URL: <http://www.business-gazeta.ru/article/140998/> (дата обращения: 03.10. 2019).
6. Ильичева Л.Е. Государство, бизнес, общество в России: модели взаимодействия на современном этапе // Россия в XXI веке: Политика. Экономика. Культура: учебник для студентов вузов / под ред. Л.Е. Ильичевой, В.С. Комаровского. М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2016. С. 403.
7. Корпоративные войны / Коммерсантъ Власть. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2184633> (дата обращения: 02.10. 2019).
8. Кочетов Э.Г. Геоэкономика и конкурентоспособность России: научно-концептуальные основы геоэкономической политики России. М.: Изд. «Книга и бизнес», 2010. 235 с.
9. Кочетов Э.Г. Геоэкономика и стратегия России: истоки и принципы построения внешнеэкономической доктрины. М., 1997. 141 с. (науч. докл. / Моск. обществ. науч. фонд; 44).
10. Лавров С.В. Статья «О Дне Победы» в журнале «Международная жизнь». URL: <https://russische-botschaft.ru/ru/2019/06/04/statya-ministra-inostrannykh-del-ross-7/> (дата обращения: 04.10. 2019).
11. Ленин В. И. XI съезд РКП (б). 27 марта - 2 апреля 1922 г. : Полн. собр. соч. Т. 45. С. 123.
12. Ленин В. И. Доклад о внешней политике на объединенном заседании ВЦИК и Московского Совета 14 мая 1918 г. // Полн. собр. соч. т. 36. С. 327-328.
13. Марк К. К критике политической экономии. Предисловие // К. Маркс, Ф. Энгельс: собр. соч., изд. 2. Т. 13. С. 6–7.
14. Медведев раскритиковал «Роскосмос». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3999458?from=hotnews> (дата обращения: 02 10.2019).
15. Моро-Дефарж Ф. Введение в геополитику. М.: Изд. «Конкорд», 1996. С. 104–105.
16. Послание президента США конгрессу о положении в стране. URL: <https://inosmi.ru/politic/20160113/235044438.html> (дата обращения: 04.10. 2019).

17. Путин В.В. Выступление на Международном форуме «Один пояс, один путь» // Дата публикации: 14 мая 2017 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/54491> (дата обращения: 05.10.2019).
18. Путин назвал США единственной сверхдержавой. URL: <https://www.rbc.ru/politics/17/06/2016/5763fd629a79474315e898d7> (дата обращения: 05.10.2019).
19. Рогачев С.В., Некрасов С.В. Цифровая реальность: варианты, вызовы, риски // Журнал «СОТИС». 2018. № 3 (89). С. 107.
20. Цит. по: Политическая философия: Учебник // Карадже Т. В. – Лит-Мир. Электронная Библиотека. С. 11.
21. Цит. по: Институт проблем предпринимательства. Афоризмы. URL: <https://www.ippnou.ru/aphorismcat.php?cataph=000003&page=31> (дата обращения: 04.10.2019).
22. Эксперты РАНХиГС рассказали об усилившейся утечке мозгов из России. URL: <https://www.rbc.ru/society/23/01/2018/5a673f129a794712579d7dbe> (дата обращения: 04.10.2019).
23. Global Innovation Index: место России в мире инноваций. URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_gii_2018.pdf (дата обращения: 05.10.2019).
24. Global Innovation Index: место России в мире инноваций. URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_gii_2018.pdf (дата обращения: 05.05.2019).
25. Общество будущего: какое оно? Беседа с Дирком Беккером URL: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Obschestvo-buduschego-kakoe-ono> (дата обращения: 05.10.2019).

Кремер Петер, соискатель, pk280555@mail.ru, Россия, Москва, Институт социально-политических исследований Российской академии наук

*DEVELOPMENT
THE RELATIONSHIP BETWEEN POLITICS AND ECONOMICS
UNDER GLOBALIZATION*

P. Kremer

The article is dedicated to the interconnection between political sciences and economics. This is an interdisciplinary issue that in recent years has become increasingly relevant and nowadays is covered not only by scholars but by journalists as well.

The author draws attention to the fact that today's relationship between politics and economy is predetermined by the impact of globalization on the political process while ontological views on the interconnection between politics and economics and its assessment are sometimes mutually exclusive.

Key words: competitive human development, digitalization, economics, geoeconomics, globalization, high technology, political process, politics, sanctions, security.

Kremer Peter, applicant, pk280555@mail.ru, Russia, Moscow, Institute of Social and Political Studies of the Russian Academy of Sciences

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА. ЭТНОПОЛИТИКА

УДК 323

КАЧЕСТВО ПОЛИТИКО-АДМИНИСТРАТИВНОЙ ЭЛИТЫ КАК ДЕТЕРМИНАНТА ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ: КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ

Н.В. Дергунова, А.А. Облезин

Современный политический процесс в России характеризуется ростом недовольства граждан эффективностью деятельности российской управленческой элиты в целом и региональной административно-политической элитой в частности. Рассматриваются результаты экспертного опроса, с точки зрения выявления основных факторов роста недоверия населения региональной бюрократии.

Ключевые слова: политико-административная элита, эффективность деятельности, факторы доверия/недоверия.

В научной литературе не сложилось доминирующего подхода к теоретической и эмпирической интерпретации категории «качество элиты», что создает определенные сложности для разработки методики изучения вопроса [1, с. 31]. Одной из причин политической нестабильности, нарастания протестных настроений является широкое распространение тенденции потери доверия граждан к государству на фоне усиления его регулятивных функций, вызванных необходимостью преодоления кризисных явлений. По мнению Комаровского В.С., «исток недоверия к государству имеют двоякую природу: с одной стороны, снижение потребности граждан в институтах-посредниках (партии, профсоюзы, государственные институты), с другой – ограничение суверенитета и ресурсов современного государства, его способностей удовлетворять общественные запросы при нарастании требований к нему. Особенно ярко это проявляется в таких странах, как Россия, где недоверие и критика институтов государства часто сочетаются с упованием на него в решении насущных личных проблем» [2, с. 142]. Отчуждение граждан от институтов государства связано, в том числе, и с кризисом системы государственного управления, что становится одним из главных препятствий развитию страны.

Целью исследования является выявление и описание факторов роста политического недоверия региональной бюрократии (административной и политической элите) в процессе оценки эффективности ее деятельности в регионе, которая (региональная бюрократия), по мнению многих российских элитологов, «традиционно имеет наибольшее влияние в России» [3, с. 118].

В качестве объекта исследования выступает оценка группой региональных экспертов деятельности и характеристик региональной бюрократии (политико-административной элиты). В основу определения региональной элиты взят функциональный подход. «Региональная элита – это категория лиц, осу-

шествующих управление региональным социумом» [4, с. 9], то есть это законодательная и исполнительная власть региона, наиболее публичные представители региональных отделений Всероссийских политических партий.

Предметом исследования выступают факторы политического доверия/недоверия региональной бюрократии, исполнительной и законодательной власти региона.

Методом исследования был выбран экспертный опрос (72 чел. в ноябре-декабре 2018 г.). В качестве экспертов выступали: 1) 11 представителей политико-административной элиты; 2) 16 представителей государственной, муниципальной службы; 3) 7 представителей бизнес-элиты; 4) 14 работников вузов и НИИ – ученых, преподавателей; 5) 15 представителей общественной организации и СМИ, журналистов, блогеров; 6) 9 представителей культуры и образования [5].

Категория доверия, включает контекст легитимности, лояльности, общественной солидарности, взаимопонимания, проявления ценностных предпочтений, толерантности. Доверие трактуется как «отношение к действиям другого лица, группы лиц, институтов (власти, бизнеса, гражданского общества), основанное на убежденности в законности, правоте, честности, предполагающее взаимную ответственность, проверку опытом и практикой». В противоположность доверию под недоверием понимается «отношение, выражающееся в обоснованном аргументированном сомнении в искренности мотивов, действий и деятельности другого субъекта, в подозрительности относительно его верности общему делу» [6, с. 163]. Доверие и недоверие чаще всего характеризуются как способы, оценки, отражения, ставки, сделанные в расчете на будущие ожидания.

Формирование и развитие культуры доверия, по мнению ученых, оказывается выгодной, благоприятной для общества ситуацией. «Культура недоверия чаще всего приводит к пассивности, снижает субъективный потенциал общества, его способность к творческому, инновационному саморазвитию и самосовершенствованию» [7, с. 340]. Обоснованность доверия или недоверия устанавливается на основе имманентных, т.е. внутренне присущих, критериев, касающихся непосредственно деятельности объекта (в нашем случае региональной административной элиты) или же опосредованных, т.е. критериев ситуационного контекста. При этом к первой категории критериев относятся репутация, результаты деятельности, уровень достижений, а также символы, которыми пользуются тот или иной институт, группа людей или индивид.

Доверие утверждается и крепнет, если поставленная цель достигнута. И, наоборот, если прогнозируемый результат не достигнут или оказался отрицательным, то доверие угасает.

Второй тип критериев связан со многими составляющими, в т.ч. с манипуляциями, внушающими доверие контрагентам, которые могут быть введены в заблуждение или обмануты. Подобные средства весьма успешно используются некоторыми структурами, предоставляющими социальные, финансовые и многие другие услуги. Данный тип взаимоотношений нередко характеризуется

проявлением доверия на непрочных основах и, соответственно, чреват самым большим риском.

В своем исследовании мы опирались на первый тип критериев, касающихся деятельности региональной элиты, её поведения в публичной политике. Исследование проводилось после принятия пенсионной реформы (2018) и проведения выборов в законодательное собрание области в сентябре 2018 г., что, несомненно, повлияло на общий критический фон высказываний экспертов.

Чирикова А.Е. региональной политической элитой считает «лидеров властных структур региона, обладающих: 1) основным объемом прав и полномочий в выработке и принятии решений, в том числе и кадровых; 2) собственным аппаратом политических работников; 3) определенным комплексом ценностей, установок, мировоззренческих ориентаций; 4) особым образом жизни и поведения» [8, с. 49-50].

Существуют десятки различных, зачастую противоречащих друг другу определений бюрократии. Британский социолог М. Элброу выделил семь основных категорий, по которым можно классифицировать многообразие определений, а также подходов к изучению бюрократии. Это – «рациональная организация; эффективность организационных структур; власть должностных лиц; государственное управление; управленческая деятельность должностных лиц в государственном и частном секторах; иерархическая организационная структура, основанная на базе установленных принципов и правил; неотъемлемая часть современного общества» [9, с.49].

В данном исследовании мы будем рассматривать бюрократию как организацию профессиональных государственных служащих, предназначенную для квалифицированного, эффективного исполнения общественной политики, функционирующую под руководством и в тесном контакте с политическими лидерами региона. Бюрократия относится к разряду административной элиты.

Многие исследователи считают, что в настоящее время формируется новая модель государственного управления (и соответствующая ей политико-административная культура), которая предполагает партнерское взаимодействие общества и государства, когда государство реализует свои властные функции большей частью путем координации своих усилий с инициативами общественных институтов, движений и групп, заинтересованных в решении того или иного вопроса. Как отмечают Слатинов В.Б и Батанина И.А., «публичное управление, интегрируя деятельность государственных, муниципальных, неправительственных (некоммерческих) организаций, по сути, представляет собой общественно-государственную систему реализации публичных (общенациональных, региональных и местных) интересов и производства общественных благ» [10, с.99]. Но тогда важнейшей проблемой становится определение задач исполнительной власти и соответствующих им показателей результативности деятельности государственной бюрократии.

Результаты экспертного опроса свидетельствуют, что большинство экспертов (63,89 %) считают, что современная российская элита, в том числе и региональная, не является профессиональной, не нацелена на национальные интере-

сы и не обладает духовно-нравственными качествами. Данная оценка ставит под сомнение репутацию и результаты деятельности региональной политической элиты, в том числе и национальную, патриотическую мотивацию её действий.

Не согласны с этим утверждением 24 эксперта (33,33 %), причем большая часть не согласившихся экспертов как раз являются представителями политико-административных элит (7 из 11 представителей данной группы) и представителями государственной, муниципальной службы (6 из 16). Также достаточно велико количество не согласных с данным утверждением из экспертной группы «Ученые, преподаватели». Таким образом, большая часть экспертов относятся весьма критично к оценке интересов современной российской элиты. При ответах на последующие вопросы можно выявить роль тех или иных факторов роста недоверия. Однако надо учитывать «российскую особенность восприятия региональной власти, которая воспринимается более негативно, чем власть федеральная, в силу географической и политической близости к респондентам» [11, с. 102].

Фактор – способ отбора, формирования управленческой элиты в регионе.

Опрошенные эксперты считают, что высший слой административного руководства Ульяновской области сформировался как результат внутриэлитных договоренностей и клановых отношений (62,50 % от общего числа ответов). Таким образом, по мнению экспертов, низкое качество правящих элит обусловлено тем, что условием попадания во власть являются не профессионализм, ответственность перед обществом, высокий нравственный потенциал и коррупционная чистота, а умение договориться с лицами, принимающими решения, и принадлежность к определенному клану. Однако 31,94 % экспертов считают, что региональная элита также формируется в ходе жесткой политической борьбы, и еще 12,5 % думают, что немаловажным фактором формирования управленческой элиты региона является ход демократической избирательной борьбы. Признаков этнократии в регионе не отмечено.

Таким образом, административная и политическая элиты продолжают деградировать в результате крайней неэффективности механизма формирования данных элит. Главным фактором деградации являются коррупция и активное использование личных связей в вертикальной мобильности человека. «Рекрутирование в элитные группы до настоящего времени осуществляется крайне спекулятивно» [3, с. 119].

Интересы правящей элиты, по мнению экспертов, направлены на обладание властью (40,28 % экспертов), на обогащение (19,44 %) и на получение доступа к богатству страны (11,11 %). Только 15,28 % экспертов считает, что высший слой административного руководства региона стремится честно служить Отечеству, а 5,56 % экспертов считает, что элиты стремятся заслужить уважение народа.

Экспертами были названы и позитивные характеристики современной управленческой элиты региона. Прежде всего было отмечено умение власти разрешать конфликты и стабилизировать обстановку. Этот вариант получил 51,39 %. На втором месте, по мнению экспертов, находится «Умение лоббиро-

вать интересы населения региона» (29,17 % от общего числа выбранных ответов), и третье место разделили два достоинства - «Координация различных групп населения» (22,22 %) и «Забота о развитии национальной культуры и образовании» (22,22 %). Обобщая выбранные экспертами достоинства региональных элит, можно констатировать факт существования региональной идентичности у части высшего слоя административного руководства Ульяновской области. Доля негативных черт невысока и в основном сводится к коррумпированности власти, злоупотреблению должностными полномочиями и непрофессионализму. В совокупности данные варианты набрали 16,67 % от вариантов ответов. Почти 17 % ушли от ответа.

Высокий процент амбивалентных оценок, то есть состоящих и из критики, и из положительных оценок, по мнению Шестопаля Е.Б, «можно расценить как проявление критичности, рефлексии со стороны экспертов» [11, с. 107].

Эксперты считают, что основным фактором, снижающим эффективность действий представителей региональной политико-административной элиты, является коррупция (15,52 % от общего числа ответов). Необходимо отметить, что данный вариант ответа был указан в качестве причины каждым вторым экспертом. На втором месте причин эксперты указали «отрыв власти от народа» (15,09 % от общего числа ответов). Данный вариант указали 48,61 % экспертов. Третья причина - «бюрократизация органов власти» (13,36 % от общего числа ответов), которую указали 43,06 % опрошенных. (табл.1.) Таким образом, по мнению экспертов, политико-административная элита работает на себя.

Таблица 1

Распределение ответов экспертов на вопрос: «Какие факторы снижают эффективность деятельности представителей региональной политико-административной элиты?»

Варианты ответа	Абсолютные значения	%	Доля экспертов, выбравших данный ответ, от общего числа экспертов, %
Недостаточно развитая нормативно-правовая база	10	4,31	13,89
Слабая финансовая и материальная база	29	12,50	40,28
Бюрократизация органов власти	31	13,36	43,06
Коррупция	36	15,52	50
Отрыв власти от народа	35	15,09	48,61

Окончание табл. 1

Низкий профессионализм служащих, исполнителей	25	10,78	34,72
Недостаток конструктивных идей	10	4,31	13,89
Отсутствие должной информационной поддержки	2	0,86	2,78
Низкий авторитет руководителей	11	4,74	15,28
Конфликты в руководстве	5	2,16	6,94
Отсутствие поддержки Центра	4	1,72	5,56
Отсутствие должной системы кадровой политики Центра	6	2,59 %	8,33 %
Отсутствие должной системы кадровой политики в регионах	19	8,19 %	26,39 %
Отсутствие должного спроса за упущения в кадровой политике в регионах	2	0,86 %	2,78 %
Отсутствие должного контроля за просчеты со стороны победивших на выборах партий	5	2,16	6,94
Отсутствие взаимопонимания с крупным бизнесом	1	0,43	1,39
Другое	1	0,43	1,39

Фактор коррупции не является наиболее значимым среди экспертов из политико-административной категории государственных и муниципальных служащих, ученых и преподавателей, представителей культуры и образования. Этот фактор является основным у экспертов от бизнес-элиты и экспертов от общественных организаций, СМИ, журналистов и блогеров. Однако во всех экспертных группах (за исключением политико-административных элит) фактор коррупции входит в тройку наиболее часто указываемых. Результаты свидетельствуют, что нарастает антидемократизм элит – они все меньше нуждаются в населении. Элита становится все более закрытой, класс чиновников научился последовательно извлекать выгоду из административного ресурса.

Эксперты оценивают вклад политико-административных элит в инновационное развитие современной России как недостаточный (44,44 % от числа опрошенных экспертов) или малозаметный – (16,67 %). Крайне категорически ответили на данный вопрос 19,44% экспертов. По их мнению, существующие элиты тормозят инновации. В целом позитивно оценивают роль элит лишь 11,11 % от числа экспертов. Таким образом, инновационное развитие страны, по мнению экспертов, не является целью деятельности региональных элит.

В ходе проведения опроса экспертов попросили оценить степень влияния зарубежных организаций на формирование модернизационных установок современной российской элиты. Эксперты всех групп оценили это влияние как среднее – 48,61 %, низкое – 23,61 %, высокое – 22,22 %, 5,56 % – затруднились

ответить. В целом, по мнению экспертов, 70% элиты подвержены западной ориентации. По мнению экспертов, идеологические ценностные позиции правящих элит не будут меняться (так думает 48,61 % опрошенных), противоположного мнения придерживается меньшая часть экспертов (36,11 %). Кроме того, достаточно высока доля опрошенных, которые затруднились ответить на данный вопрос (15,28 %). Интересны ответы о направлениях изменений: другое (что?, 31,94 %), патриотизм (25 %), усиление коррупции (13,89 %), национализм (8,33 %), усиление прозападной ориентации - 0 (табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов экспертов на вопрос: «В каком направлении в ближайшее время будут видоизменяться идеологические ценности правящих элит?»

Варианты ответа	Доля экспертов, выбравших данный ответ, от общего числа экспертов, %
Будет усиливаться патриотическая составляющая	25,00
Будет усиливаться правовая составляющая	5,56
Будет усиливаться идеология социальной справедливости	5,56
Будет усиливаться составляющая дружбы народов и защиты национальной безопасности	4,17
Будет усиливаться националистическая составляющая	8,33
Будет усиливаться религиозная составляющая	2,78
Будет усиливаться коррупционная составляющая	13,89
Будет усиливаться сепаратистская составляющая	1,39
Будет усиливаться прозападная составляющая	-
Будет усиливаться антисоветская, антикоммунистическая составляющая	1,39
Другое	31,94

Кадровая политика и уровень профессионализм как фактор недоверия.

Оценивая современную кадровую политику в России, эксперты считают, что «результат средний, часть вопросов решается эффективно, часть работы, наоборот провалена, в основном решаются конкретные и малозначительные

вопросы в режиме «ручного управления», что в целом вообще не должно относиться к уровню политико-управленческой и деловой элиты. Элита находится у власти легитимно, но за счет низкой политической активности населения и слабости оппозиции» (52,78 %). Отрицательно оценивают современную государственную кадровую политику 29,17 % экспертов: «нет ни внятной стратегии, ни решения больших по масштабам вопросов и проблем, политико-управленческая элита остается у власти не за счет своей эффективности, а посредством манипуляций общественным мнением и ограничением демократических свобод». Положительно кадровую политику оценили лишь 16,67 % экспертов.

Мнения экспертов по вопросу отбора и подготовки элит разделились. Одна часть экспертов считает, что для подготовки качественных элит должна существовать система отбора и лидерской подготовки, начиная со школы (41,67 %). В группе экспертов категории «Ученые, преподаватели» данный вариант ответа не столь значим. 70 % экспертов считают, что необходимо сразу отбирать тех, кто имеет необходимые лидерские и интеллектуальные качества, и давать им специальные знания. Однако более 26 % экспертов считают, что специальная система отбора и обучения элиты не нужна, достаточно уже имеющейся системы образования, и для представителей элиты нужно понимание жизни и личный опыт, а не специализированная теоретическая подготовка (табл.3).

Наибольшее количество ответов получил вариант «Нужны организации, которые ведут независимый мониторинг и предлагают кандидатуры не только из числа желающих, но из числа способных» (36,71 % от числа экспертов данной категории).

Таблица 3

Распределение ответов экспертов на вопрос: «Какие меры Вы бы предложили для улучшения качественных характеристик современной правящей российской элиты?»

Варианты ответа	Доля ответов от общего числа ответов, %
Нужна специальная система отбора и лидерской подготовки, начиная со школы	41,67
Нужны организации, которые ведут независимый мониторинг и предлагают кандидатуры не только из числа желающих, но и из числа способных	22,22
Назначение на должность должно осуществляться по результатам объективного квалификационного экзамена	13,89
Более предметный учет общественного мнения	12,50
Затрудняюсь ответить	1,39
Другое	8,33

Таким образом, основными факторами недоверия являются представления об эгоистических мотивах прихода к власти, ориентация региональной элиты на западные ценности, а не на национальные интересы страны (региона), недостаточный уровень профессионализма и коррупция.

Вместе с тем эксперты отметили способность ульяновской региональной политико-административной элиты сохранять в области социальную стабильность, успешно отстаивать и лоббировать региональные интересы перед федеральной властью, в определенных отраслях добиваться успешного развития региона. Столь неоднозначная оценка деятельности и качеств региональной элиты, свидетельствует, на наш взгляд, о возрастании требований со стороны населения к правящему классу в условиях замедления социально-экономического развития и ухудшения международного положения страны. В этих условиях политико-административная элита будет вынуждена становиться национально ориентированной, социально-ответственной и патриотично настроенной. «Региональные элиты становятся опытнее, изощреннее набирают опыт манипулирования ситуацией, стабилизацией населения, контроля» [3, с. 123].

Причинами роста недоверия, на наш взгляд, стало сочетание факторов, усиливающих негативные оценки деятельности политико-административной элиты региона. Западная ориентация определенной части элиты воспринимается, как желание эмигрировать и обеспечить проживание своей семье за рубежом, что ведет к значительному росту коррупции и нежеланию заниматься инновационным развитием своего региона. Рост требований населения к эффективной деятельности органов региональной власти, формирующийся социальный запрос на новую, партнерскую модель государственного управления наталкивается на недостаточный уровень профессионализма бюрократии, тенденции закрытости и клановости элит, их переходу в последнее десятилетие на аристократический путь развития.

Список литературы

1. Батанина И.А., Парамонова О.В. Особенности консолидации региональных элит // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2015. Вып. 4. С.31-39

2. Комаровский В.С. Конфликт публичных ценностей и политика административной культуры: истоки и перспективы преодоления. – Российская политическая наука: идеи, концепции, методы: Научное издание / под ред. Л.В. Сморгунова. М.: Изд-во Аспект Пресс, 2015. (Серия «Российская политическая наука: Истоки и перспективы» / под общ. ред. О.В.Гаман-Голутвиной). 375 с.

3. Понеделков А.В. Политическая наука в элитологическом измерении: монография. Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2010. 512 с.

4. Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России: Вехи исторической эволюции. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. 448 с.
5. Ульяновская область как объект социогуманитарного анализа: аналитика, исследования, рейтинги: сб. науч.х тр. / под общ. ред. Н.В. Дергуновой. Ульяновск: УлГТУ, 2019. 319 с.
6. Михеев В.А. Власть и гражданские институты: к проблеме доверия и недоверия // Власть. 2017. Т. 25. №5. С.162 -167.
7. Штомпка П. 2005. Социология. Анализ современного общества пер. с польск. С.М.Червонной. М.: Логос. 664 с.
8. Чирикова А.Е. Региональные элиты России: учеб. пособие для студентов вузов М.: Аспект Пресс, 2010. 271 с.
9. Albrow, Martin. Bureaucracy. London: Macmillan, 1970. 171 p.
10. Слатинов В.Б., Батанина И.А. Публичное управление в глобализирующемся мире: в поисках эффективной бюрократии // Среднерусский вестник общественных наук. 2016. Т.11. №6. С.97-103.
11. Психология политического восприятия в современной России / под ред. Е.Б. Шестопа. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 423 с.

Дергунова Нина Владимировна, д-р полит. наук, профессор, проф., comm3@yandex.ru, Россия, Ульяновск, Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова,

Облезин Алексей Анатольевич, аспирант, A.Oblyozin@ya.ru, Россия, Ульяновск, Ульяновский государственный университет

*THE QUALITY OF THE POLITICAL AND ADMINISTRATIVE ELITE
AS A DETERMINANT OF POLITICAL PARTICIPATION:
EVALUATION CRITERION*

N. V. Dergunova, A. A. Oblezin

Modern political process in Russia is characterized by a growth of discontent of people of the efficiency of Russian management elite in general and regional administrative and political elite in particular. This paper considers the results of an expert poll to explore main factors of discontent growth of population to regional bureaucracy.

Key words: political and administrative elite, efficient activity, factors of trust/distrust

Dergunova Nina Vladimirovna, doctor of political sciences, professor, Russia, Ulyanovsk, comm3@yandex.ru, Ilya Nikolaevich Ulyanov State Pedagogical University,

Oblezin Alexei Anatolyevich, postgraduate, A.Oblyozin@ya.ru Russia, Ulyanovsk, Ulyanovsk State University

ВОЗМОЖНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ИЗМЕНЕНИЙ В НАЛОГООБЛОЖЕНИИ КОММЕРЧЕСКОГО ИМУЩЕСТВА (НА МАТЕРИАЛАХ ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

К. Н. Горлов

Рассматривается реформирование налогообложения коммерческого имущества в Российской Федерации. Отмечена ведущая роль имущественного налогообложения как влияющего фактора на развитие экономики в целом и коммерческой деятельности предпринимателей в частности; проанализирован ход налоговой реформы на примере одного из субъектов РФ; построен конкретный прогноз социально-политических и экономических последствий изменения имущественного налогообложения; предложены варианты преодоления возникающих рисков с учетом процесса цифровизации экономики.

Ключевые слова: бюджет, налог на имущество организаций, налоговая ставка, региональная налоговая политика, кадастровая стоимость, социально-политическая устойчивость, поддержка малого и среднего предпринимательства, цифровизация.

Интересы бизнеса и власти в сфере налогообложения являются прямо противоположными. Современная налоговая политика нуждается в оптимизации, отвечающей реалиям рыночных отношений, учитывающей интересы государства и налогоплательщиков, ориентированной на разрешение противоречий между ними. Актуальность проблем имущественного налогообложения, привлекающих внимание многих экономистов и политиков, объясняется, в первую очередь, тем, что касается всех граждан страны – обязанность по уплате налога на имущество лежит практически на каждом собственнике. Потенциал налогов на имущество как высокостабильных, управляемых источников дохода местных бюджетов обуславливает необходимость поиска экономически обоснованных мер по их укреплению [6, с. 79]. Политическое значение обозначенной проблемы заложено в социальной и институциональной природе налогов, как связанных с развитием государства и общества властных инструментов [11, с. 27].

Анализ публикаций по налогообложению имущества показывает значимость вопросов достижения баланса интересов государства и представителей бизнеса в налогообложении имущества, отраженных в работах Е.С. Вылковой [9], Ю.Г. Тюриной [22]; реформирования имущественного налогообложения, изучаемых Ж.П. Александровой, О.О. Поповой и В.И. Жоровой [20]; прогнозирования экономических и социальных последствий изменения законодательства по имущественным налогам, находящихся в сфере интересов Ш.С. Гун, И.И. Галяутдинова, В.Ю. Конюхова [10]; переноса опыта других стран и исторического опыта, исследуемых И.В. Будаговым [7], А.В. Осенней [18]. Целью нашего исследования является определение возможных социально-

политических и экономических последствий изменений в налогообложении коммерческого имущества, оказывающих значительное влияние на состояние малого и среднего бизнеса в регионах, на основе анализа материалов Тамбовской области.

1. Ключевые проблемы реформирования налогообложения коммерческого имущества.

Посланием Президента РФ Федеральному Собранию, оглашенному в 2018 г., была поставлена цель увеличения к середине следующего десятилетия доли малого бизнеса в ВВП страны до 40 %, а также роста числа занятых в этой сфере до 25 миллионов человек [2]. При этом стержнем экономической политики обозначена конкурентоспособность всех ключевых факторов ведения бизнеса в России, в числе которых названы стимулирующие налоги и удобные административные процедуры. Также Правительством РФ заявлен курс на укрепление экономической базы и развитие экономической инициативы территорий. В марте 2019 года Председатель Правительства РФ обещал ввести мораторий на изменение налогов, который продлится шесть лет, и не увеличивать фискальную нагрузку на бизнес [17]. Однако в настоящее время складывается ситуация, которая коренным образом ухудшает положение предпринимательского сообщества и может привести к негативным социально-политическим и экономическим последствиям.

С 2015 года кадастровая стоимость объектов недвижимости определена как их налогооблагаемая база, а региональным властям переданы полномочия по определению ставок налога на коммерческое имущество от кадастровой стоимости [1]. В ноябре 2018 года в Закон Тамбовской области «О налоге на имущество организаций на территории Тамбовской области» от 28 ноября 2003 года № 170-З были внесены изменения, в связи с чем с 1 января 2020 года установлен порядок определения налоговой базы по налогу на имущество организаций исходя из кадастровой стоимости в отношении всех объектов: торговых, офисных, общественного питания и бытового обслуживания, независимо от их площади [3]. Такой же порядок уже установлен для индивидуальных предпринимателей (согласно ст. 402 НК, определяющей для физических лиц базу налога на имущества по кадастровой стоимости) [1].

В структуре налоговых и неналоговых доходов консолидированного бюджета Тамбовской области в 2018 г. удельный вес налога на имущество составил 18,8 %, в т. ч. налога на имущество организаций – 10,3 %, что говорит о высокой значимости имущественных налогов как источника формирования собственных доходов региона (см. табл. 1). В налоговой политике Тамбовской области на 2019-2021 гг. основной целью определено обеспечение бюджетной устойчивости региона посредством поддержания необходимого объема бюджетных доходов, увеличения налогового потенциала, обеспечения роста доходной части бюджета и развития инвестиционной привлекательности области [4]. Принятие нового порядка налогообложения имущества, с одной стороны, отве-

чает заявленным целям, являясь очередным шагом в решении проблем дефицита бюджетной системы РФ и наполняемости местных бюджетов. Однако, с другой стороны, это противоречит цели поддержки инвестиционной привлекательности, ухудшает бизнес-климат, существенно увеличивая фискальную нагрузку на малое и среднее предпринимательство Тамбовской области.

Таблица 1.
Некоторые показатели отчета об исполнении консолидированного бюджета Тамбовской области

Наименование статей	Размер доходов, тыс. руб.		
	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Доходы, всего	61 102 269	58 863 513	63 476 239
Налоговые и неналоговые доходы	31 211 341	29 727 579	31 411 116
Налог на прибыль, доходы	17 463 141	16 555 537	16 965 249
Налоги на товары	3 612 800	3 032 981	3 262 912
Налоги на имущество	5 243 637	5 161 061	5 891 130
Налог на имущество физических лиц	379 282	371 904	282 006
Налог на имущество организаций	2 361 242	2 362 200	3 231 891

Источник: Данные об исполнении консолидированного бюджета с сайта Финансового управления Тамбовской области [Электронный ресурс] URL: <https://fin.tmbreg.ru> (дата обращения: 22.11.2019).

Среди нерешенных вопросов налогообложения коммерческого имущества, способных вызвать негативные социально-политические и экономические последствия, на данный момент остаются следующие:

Во-первых, кадастровая стоимость коммерческой недвижимости и земельных участков в Тамбовской области необоснованно завышена в несколько раз от рыночной стоимости. Причем проблемы отсутствия достоверной информации для определения кадастровой стоимости и ее завышения возникли с момента формирования рынка недвижимости в новой России в конце прошлого века и до сих пор не решены [7, с. 204]. По данным, собранным Тамбовской областной торгово-промышленной палатой, налог для предпринимателей-собственников вырастет в 4-6, а для некоторых – даже в 12 раз (табл. 2). Суды повсеместно удовлетворяют требования бизнесменов о снижении кадастровой стоимости, однако эти решения игнорируются при последующих государственных переоценках недвижимости, проводимых массовым методом.

Таблица 2.

**Показатели увеличения фискальной нагрузки на малый и средний бизнес
в Тамбовской области по налогу на имущество**

Предприятие (система нало- гообложения)	Пло- щадь объ- екта, м ²	Текущая (балансо- вая/инвен- тариза- ционная) стои- мость объекта, руб.	Сумма налога на иму- щество, руб.	Кадаст- ровая стои- мость объекта, руб.	Сумма налога на имуще- ство от кадастро- вой сто- имости	Увели- чение нало- гового бреме- ни, %
ООО «А» (ОСНО)	731	4 070 857	89 559	17 989 808	359 796	402
ООО «Б» (ОСНО)	507	2 500 000	55 000	32 441 342	648 827	1 179
ИП «В» (ОСНО)	1 819	15 989 702	351 773	92 434 193	1 848 684	526
ИП «Г» (ЕНВД)	1 438	21 564 598	431 292*	52 578 863	1 051 577	244*
ООО «Д» (УСН)	324	2 400 800	48 016*	9 177 378	183 548	382*

* Расчетная сумма, ранее объект не подлежал обложению

Источник: данные опроса Тамбовской областной торгово-промышленной палаты.

Во-вторых, Закон Тамбовской области заложил максимальное значение налоговой ставки, допускаемое Федеральным законом, – 2% от кадастровой стоимости коммерческой недвижимости.

В-третьих, не установлен нижний предел определения налоговой базы по минимальной площади объекта, освобождающего объект от налогообложения. Предусмотренная в первоначальной редакции поправок граница площади 1000 кв. м, ниже которой объекты не облагались бы данным налогом, в действующей редакции отсутствует.

В-четвертых, такая действенная мера оздоровления экономики и привлечения новых предпринимателей, как освобождение от налога на имущество бизнеса, перешедшего на уплату единого налога на вмененный доход (ЕНВД) и упрощенную систему налогообложения (УСН), тоже больше не действует. Субъекты малого и среднего бизнеса области поголовно попадают под новый налоговый прессинг, если они имеют в собственности административно-деловые центры и торговые центры (комплексы), нежилые помещения, использование которых предусматривает размещение на их площади офисных помещений делового, административного и коммерческого назначения, торговых объектов, объектов общественного питания и (или) бытового обслуживания.

Предприниматели области, подсчитав налог на свое имущество исходя из кадастровой стоимости, все чаще ставят вопрос не просто о прибыльности, а о целесообразности своей деятельности в целом.

2. Последствия изменений в налогообложении коммерческого имущества.

Внесение изменений в налоговое законодательство – это внесение изменение в договор между властью, обществом и бизнесом. Такие изменения должны решать задачи развития экономики государства, повышения социально-политической стабильности общества, стимулирования предпринимательской деятельности. Могут ли указанные изменения в налогообложении обеспечить решение этих задач?

Доказано, что увеличение фискальной нагрузки на бизнес приведет не к дополнительным поступлениям в бюджет, а к сворачиванию экономической активности, спаду производства, сокращению инвестиций, уменьшению товарооборота, вынужденному уходу предпринимателей в теневую экономику, закрытию предприятий, уничтожению (демонтажу) имущества, увольнению сотрудников [12, с. 130]. Вместо роста налоговых поступлений в бюджет от налога на имущество может произойти серьезное падение его доходов по всем видам налогов.

Самый главный фактор стабильности в обществе – благосостояние граждан [19, с. 8]. Снижение доходов предпринимателей в связи с прекращением или сокращением деятельности, снижение или даже потеря доходов у наемных работников в связи с увольнением несомненно скажутся на благосостоянии большого числа людей и приведет к усилению социального неравенства. Положение беднейшей части населения может быть также отягощено урезанием социальных программ, вызванным сокращением поступлений в бюджет. Социальная нестабильность, всегда сопровождающая эти процессы, легко используется для нагнетания недовольства властью и может привести к политическим волнениям (уже сейчас на собраниях предпринимательских сообществ некоторые горячие головы призывают выходить на площадь с экономическими, (пока) требованиями.

Вероятным последствием изменения налоговых условий может стать дискредитация политического института социальной ответственности бизнеса перед обществом и социального партнерства бизнеса и власти. Процессы социального развития в стране сильно зависят от активности предпринимательского сообщества. Корпоративное негосударственное пенсионное обеспечение, корпоративное добровольное медицинское страхование, содействие профессиональному образованию, экологические программы, формирование комфортной городской среды, благотворительность – вот далеко не полный перечень сфер участия бизнеса в решении общественных вопросов. Уровень добровольного стремления предпринимателей к инвестированию в решение социальных проблем государства зависит от взаимопонимания и построения взаимовыгодных отношений между властью и бизнесом. Увеличение фискальной нагрузки в мо-

мент общего экономического спада не ведет к укреплению такого понимания и отношений. Лишь адекватная налоговая политика может обеспечить социальную ответственность и согласие в обществе.

В этой связи не следует забывать, что общественное согласие есть основание легитимности политической системы [15, с. 332], основа принимаемого гражданами правопорядка. Представители малого и среднего бизнеса являются одним из базовых элементов существующей политической системы – опорой демократического режима. Именно с ними необходимо согласовывать изменения в таких основополагающих вопросах, как налогообложение, для поддержания социально-политической устойчивости общества.

Налоговая стабильность – первейшее условие предпринимательской активности. Инвестиции и инновации можно обеспечить, только гарантируя защиту права частной собственности предпринимателя, в том числе и от обложения непосильными налогами [5, с. 66]. Ухудшение условий ведения бизнеса, отмена преференций для небольших предприятий, рост фискальной нагрузки больно ударят в первую очередь по малым и средним предпринимателям, у которых зарабатываемая добавленная стоимость и так уже уходит на платежи по ЖКХ и прочие накладные расходы по содержанию имущества, ряду неналоговых отраслевых платежей (а по сути, таких же обязательных налогов) и действующим налогам. Причем потенциала роста у добавленной стоимости нет – покупательская способность населения снижается, товарооборот падает – имущество перестает приносить прибыль (и от использования его в собственной деятельности, и от сдачи его в аренду – нет желающих, что подтверждают сотни объявлений об аренде, уже сейчас размещенных по всей области) и ложится тяжким бременем на плечи малых и средних предпринимателей.

Исходя из вышеизложенного мы делаем неутешительное заключение, что изменение налогообложения имущества несет исключительно негативные социально-политические и экономические последствия в ближайшей и отдаленной перспективах.

3. Взаимодействие государства, бизнеса и общества в системе налоговых отношений и поиск решения проблемы.

Выход из сложившейся ситуации предпринимательское сообщество в настоящее время ищет в диалоге с властью, в согласовании приоритетов, рисков и выгод совместной деятельности – политические преобразования в современной России обеспечили, по замечанию Л.Е. Ильичевой, цивилизационные технологии участия институтов гражданского общества в управлении государством [13, с. 403]. На прошедшем в ноябре 2019 года в городе Мичуринск Тамбовской области заседании общественной структуры – Координационном совете по развитию малого и среднего предпринимательства – представители бизнес-сообщества совместно с областной Торгово-промышленной палатой, уполномоченным по защите прав предпринимателей Тамбовской области, чиновниками местной администрации и депутатами регионального законодательного

собрания занимались разработкой возможных мер для решения возникшей проблемы, среди которых были предложены [8]:

а) корректировка методики определения кадастровой стоимости: отказ от массовой оценки объектов недвижимости, учет индивидуальных параметров при оценке (местоположения, целевого назначения, износа, экологического фактора и т.д.), обязательный учет решений судов по установке кадастровой стоимости, если такие были вынесены по конкретным объектам по переоценке (в настоящее время даже установленная в суде равной рыночной кадастровая стоимость вновь необоснованно завышается при следующей государственной кадастровой оценке, что вынуждает предпринимателей повторно обращаться в суды по решенным уже ранее вопросам, тратить на это деньги и время);

б) снижение ставки налога на имущество и дифференцированный подход при определении ставки (в зависимости от вида деятельности и вида недвижимости);

в) установка нижнего предела определения налоговой базы (освобождение мелких предпринимателей, владеющих имуществом небольшой площади, от налога или снижение его ставки).

Тамбовские законодатели слышат опасения бизнесменов и готовы отложить ввод новых правил расчета налога на имущество организаций на год. Однако мы считаем, что это только отсрочит, но не решит проблему, к тому же, новый порядок уже действует для коммерческих объектов, принадлежащих индивидуальным предпринимателям и облагающимся как имущество физических лиц.

Наряду с предложенными мерами следует учитывать современные тенденции развития экономики и использовать уникальные возможности, предоставляемые ее цифровизацией. Методическое обеспечение по определению кадастровой стоимости должно быть приведено к реалиям цифрового общества, а сам процесс государственной кадастровой оценки должен осуществляться при помощи современных цифровых технологий.

Примечательно, что Е.Е. Смирнова назвала цифровую экономику – экономикой доверия, обеспечивающей добровольное соблюдение налогоплательщиками налогового законодательства с помощью современных информационно-коммуникационных и цифровых технологий [21, с. 151]. Однако не следует упускать из вида, что доверие должно быть обоюдным для всех сторон налогового процесса. Ключевой задачей является создание корректной информационной базы обеспечения кадастровой оценки, позволяющей хранить и, главное, учитывать в расчетах индивидуальные параметры объектов, историю их изменений, историю судебной и иной корректировки кадастровой стоимости. Применение современных технологий обработки Больших данных (Big Date) позволит, во-первых, отказаться от метода массовой оценки, приводящего к существенному искажению кадастровой стоимости, и устанавливать справедливую рыночную стоимость объектов имущества; во-вторых, выявлять скрытые объекты и теневые схемы ухода от обложения, более точно и адресно применять

льготы и дифференцированные ставки; в-третьих, существенно сократить затраты на осуществление налогового администрирования и контроля, ускорить и упростить порядок налогового производства [16, с. 235-237]. В процессе цифровизации имущественного налогообложения необходимо пойти дальше размещения в Интернете публично-кадастровых карт (что, несомненно, само по себе тоже является своеобразным цифровым прорывом) – работа по определению кадастровой стоимости остро нуждается в специализированных цифровых продуктах.

Заключение.

В настоящее время продолжается процесс коренного преобразования системы государственного управления, инициированный Президентом Российской Федерации В.В. Путиным и направленный на построение «социально-политической модели, в которой экономика становится инструментом, подчиненным социально-политическим приоритетам повышения уровня благосостояния каждого гражданина страны» [14, с. 42]. При этом, одна из главных ролей принадлежит механизму регулирования социально-политического состояния общества и социально-экономического развития страны посредством налоговой политики.

Налогообложение недвижимого имущества должно способствовать решению различных социальных, политических и экономических задач, однако действующий сегодня механизм в большей мере ориентирован на выполнение фискальной и контрольной функций, в него заложено множество недостатков, препятствующих эффективному и экономически выгодному использованию имущественных объектов. Исправление недостатков и построение эффективной бюджетно-налоговой политики возможно только в условиях конструктивного взаимодействия власти, бизнеса и институтов гражданского общества, в первую очередь, в форме общественной дискуссии, сближающей интересы участников и позволяющей позитивно воздействовать друг на друга. Гарантией повышения качества жизни, обеспечения социально-политической устойчивости, политической деалиенации общества и поступательного экономического развития России является реформирование системы налогообложения имущества в русле равномерного и справедливого распределения налогового бремени, эффективного регулирования экономических отношений, стимулирования развития предпринимательства с опорой на современные цифровые технологии.

Список литературы

1. Налоговый кодекс Российской Федерации // СПС КонсультантПлюс [Электронный ресурс] URL.: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/ (дата обращения 15.11.2019).
2. Послание Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному собранию 1 марта 2018 г. [Электронный ресурс] URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56957> (дата обращения 15.11.2019).

3. Закон Тамбовской области от 28 ноября 2003 г. N 170-З «О налоге на имущество организаций на территории Тамбовской области» (в ред. Закона Тамбовской области от 30 ноября 2018 г. N278-З) // ЭПС Законодательство России [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=116038019&backlink=1&&nd=116012654> (дата обращения 15.11.2019).

4. Постановление Администрации Тамбовской области от 24 октября 2018 г. N 1091 «Об утверждении основных направлений бюджетной и налоговой политики Тамбовской области на 2019 год и на плановый период 2020 и 2021 годов» // ЭПС Гарант [Электронный ресурс] URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/tambov/1227977/> (дата обращения: 17.11.2019).

5. Аджемоглу Д., Робинсон Д. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ, 2015. 693 с.

6. Александрова Ж. П. Актуальные вопросы имущественного налогообложения коммерческих организаций в современных условиях // Вестник НГИ-ЭИ. 2019. N 5 (96). С. 78–85.

7. Эволюция исследовательских подходов к оценке и налогообложению недвижимости / И.В. Будагов и [др.] // Вестник АГУ. 2016. Вып. 3(185). С. 201-206.

8. В Мичуринске прошло заседание координационного совета по развитию малого и среднего предпринимательства // Официальный сайт органов местного самоуправления городского округа г. Мичуринск Тамбовской области [Электронный ресурс] URL: <https://мичуринск-накоград.рф/news/2019-11-14/v-michurinske-proshlo-zasedanie-koordinacionnogo-soveta-po-razvitiyu-malogo-i> (дата обращения: 18.11.2019).

9. Вылкова Е.С. Направления совершенствования имущественного налогообложения в Российской Федерации. // Экономика. Налоги. Право. 2019. N 12(1). С. 127-135.

10. Гун Ш.С., Галяутдинов И.И., Конюхов В.Ю. Возможные экономические и социальные последствия предполагаемых изменений закона Иркутской области «О налоге на имущество организаций» для среднего и малого бизнеса региона. Часть четвертая. // Известия вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость. 2018. N 8(4). С. 63–78.

11. Зверева Т.В., Мельков С.А., Лябах А.Ю. Научная оценка политических аспектов налоговых рисков в России // Власть. 2018. N 3. С. 27-32.

12. Ибрахим М.А. Ключевые проблемы фискальной политики государства в условиях падения уровня экономики Российской федерации // Вестник университета. 2018. N 1. С. 127-131.

13. Ильичева Л.Е. Государство, бизнес, общество в России: модели взаимодействия на современном этапе // Россия в XXI веке: Политика. Экономика. Культура: учебник для студентов вузов / под ред. Л.Е. Ильичевой, В.С. Комаровского. М.: Аспект Пресс. 2016. С. 403-409.

14. Ильичева Л.Е., Лапин А.В., Ножечкин И.В. Ключевые проблемы региона: методы определения общественной повестки дня // Власть. 2019. N6. С. 41-49.

15. Локк Д. Сочинения: в 3 т. М.: Мысль, 1988. Т. 3. 688 с.
16. Налоги в цифровой экономике. Теория и методология / И.А. Майбу-ров и [др.] М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2019. 279 с.
17. Медведев: Налоговая нагрузка в РФ не будет расти в ближайшие шесть лет // Российская газета от 17.04.2019 [Электронный ресурс] URL: <https://rg.ru/2019/04/17/medvedev-nalogovaia-nagruzka-v-rf-ne-budet-rasti-v-blizhajshie-shest-let.html> (дата обращения 15.11.10).
18. Налогообложение объектов недвижимости: опыт зарубежных стран / А.В. Осенняя и [др.] // Вестник АГУ. 2017. Вып. 2(200). С. 153-162.
19. Пефтиев В.И. Политические перемены в России: оценки и ожидания // Социально-политические исследования. 2019. N 3(4). С. 5-16.
20. Попова О.О., Жорова В.И. Проблемы кадастровой оценки как основы налогообложения недвижимости // Московский экономический журнал. 2019. N 5. С. 235-240.
21. Смирнова Е.Е. Оценка эффективности деятельности налоговых органов в условиях цифровизации экономики // Экономика. Налоги. Право. 2018. N 2. С. 149-154.
22. Тюрина Ю.Г. Реализация интересов государства и налогоплательщиков в налогообложении имущества организаций // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2015. N 10. С. 138–152.

Горлов Константин Николаевич, соискатель, gorlov@cit-tmb.ru, Россия, Москва, Институт социально-политических исследований Российской академии наук

*POSSIBLE SOCIO-POLITICAL AND ECONOMIC CONSEQUENCES OF CHANGES IN THE
TAXATION OF COMMERCIAL PROPERTY
(ON MATERIALS OF THE TAMBOV REGION)*

K. N. Gorlov

The article is devoted to reforming the taxation of commercial property in the Russian Federation. The leading role of property taxation as an influencing factor on the development of the economy as a whole and commercial activity of entrepreneurs in particular is noted, the course of tax reform is analyzed on the example of one of the subjects of the Russian Federation, a specific forecast of socio-political and economic consequences of changes in property taxation is constructed, options for overcoming emerging risks are proposed.

Key words: budget, corporate property tax, tax rate, regional tax policy, cadastral value, social and political stability, support for small and medium-sized enterprises, digitalization.

Gorlov Konstantin Nikolayevich, applicant, gorlov@cit-tmb.ru, Russia, Moscow, Institute of Social and Political Studies of the Russian Academy of Sciences

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

УДК 316.776.33:366.14

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ЭТИЧНОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

О.Е. Бочарова, О.В. Абросимова

В условиях современного общества трансформируются потребительские предпочтения, формы, типы и мотивы потребительского поведения. Развитие рынка стимулирует нерациональное, избыточное потребление, которое создает ряд социально-экономических и экологических угроз. Главным принципом потребления должна стать ответственность потребителей перед обществом. Это обуславливает актуальность формирования в обществе моделей этичного потребления.

Конструированию новых форм и типов потребительского поведения способствует использование коммуникативных технологий, в первую очередь, социальных проектов. Исследуется потенциал социальных проектов как коммуникативной технологии формирования практик этичного потребления.

Ключевые слова: потребление, потребительское поведение, этичное потребление, экологичное потребление, социальный проект.

Современное общество квалифицируется исследователями как «общество потребления», и соответствующие ему потребительские стандарты и практики усвоены большинством членов социума. Однако в настоящее время потребление приобретает колоссальные масштабы, что приводит к возникновению серьезных проблем социально-экономического и социально-политического характера, к истощению природных ресурсов. Эти феномены заставляют задуматься о последствиях человеческого «сверхпотребления» и о способах его преодоления. В последние годы все чаще говорят о возникновении нового типа потребительской культуры – этичного потребления.

Категория этичного потребления является сравнительно новой для отечественной науки и квалифицируется как рациональное, разумное, ответственное потребительское поведение, преимущественно в отношении экологии, что зачастую приводит к отождествлению этичного потребления с экологичным. Под этичным потреблением подразумевается покупка и использование благ не только исходя из доставляемой ими личной выгоды, но и с учетом условий производства и последствий использования этих благ. По своей сути этичное потребление представляет собой своеобразную реакцию общества на угрожающее состояние окружающей среды, противодействие тем экономическим действиям, которые наносят значительный вред природе, здоровью и жизни людей, а также нарушает их естественные человеческие права. Индивиды, придерживающиеся этичного типа потребительского поведения, демонстрируют такие его практики, как бойкотирование продукции компаний, наносящих существенный

вред окружающей среде, проводящих тестирование на животных, нарушающих условия труда работников, дискриминирующих женщин, использующих детский труд. Этичное потребление подразумевает также упрощение потребительских стандартов и добровольный отказ от сверхпотребления.

Очевидно, что потребительские практики людей обусловлены не только сугубо экономическими стимулами, но и целым рядом социальных и социально-психологических. Среди них – влияние референтных групп, система общественных и индивидуальных ценностей, механизмы социальной пропаганды. К одной из технологий воздействия на потребительские практики и потребительские предпочтения населения относятся социальные проекты. Современная действительность весьма наглядно демонстрирует возможности различных средств социального проектирования по формированию и изменению общественных норм и ценностей.

Технологии социального проектирования в современном социуме используются практически во всех сферах общественной жизни в качестве эффективного социально-политического инструмента. Актуальность изучения социальных проектов как коммуникативной технологии формирования моделей этичного потребительского поведения обусловлена необходимостью поиска путей преодоления социально-экологического кризиса, вызванного развитием нерационального, избыточного и безответственного потребления товаров и услуг. Значимость подобных исследований состоит в развитии представлений о процессах, происходящих в природе и обществе под влиянием антропогенного воздействия, а также о путях и коммуникативных методах снижения антропогенной нагрузки на окружающую среду. Использование социально-коммуникативных механизмов воздействия на сознание и поведение людей может способствовать пресечению распространения негативных потребительских практик в отношении экологии.

Исследование механизмов влияния социальных проектов на потребительское поведение имеет целью выработку мер по распространению практик этичного потребления в современном российском обществе. Достижение указанной цели предполагает решение ряда задач, среди которых:

- анализ структуры и моделей потребительского поведения;
- изучение степени вовлеченности населения в практику этичного потребления;
- выявление мотивов, стимулов и факторов этичного потребления;
- анализ степени и способов влияния социальных проектов на потребительское поведение;
- разработка рекомендаций по управлению потребительским поведением посредством инструментов социального проектирования.

Исследование влияния социальных проектов на потребительское поведение должно базироваться на междисциплинарном подходе, поскольку требует использования комплекса научных парадигм, сформировавшихся в рамках социологии, психологии, коммуникативистики и других наук. В рамках социологического подхода осуществляется исследование причин и мотивов потребительского поведения, социальных факторов, обуславливающих те или иные модели потребления; изучается отношение населения к этичным потребительским

практикам, установки на различные виды этичного потребления. С точки зрения социологического подхода анализируется степень и барьеры включения россиян в этичное потребление, а также факторы массовизации отдельных инициатив в области этичного потребления.

В рамках коммуникативного подхода возможен анализ формирования моделей потребления как процесса коммуникации на межличностном, групповом, массовом уровнях; рассмотрение специфики социально-коммуникативных технологий по формированию общественного мнения и общественного сознания; изучение этичного потребления в качестве коммуникативного феномена. Рассмотрение процесса потребления как формы социокультурной коммуникации характерно также для ряда теорий общества потребления (например, Ж. Делеза, Ж. Бодрийера).

В качестве социологических методов исследования влияния социальных проектов на формирование практик этичного потребления могут быть использованы такие, как:

- массовый опрос, дающий возможность проанализировать модели потребления среди населения и проследить степень вовлеченности респондентов в практики этичного потребления;

- фокусированное групповое интервью, позволяющее анализировать мотивы этичного потребления, установки и отношение к нему со стороны информантов; социокультурные, психологические и иные барьеры на пути распространения этичного потребления; степень воздействия различных коммуникативных технологий на сознание и поведение потребителей;

- экспертный опрос, использование которого нацелено на выявление мнений специалистов в области коммуникативных технологий (представителей СМИ, рекламных и PR-агентств, властных структур, общественных организаций, научного сообщества) относительно потенциала, механизмов и тенденций влияния социальных проектов на потребительское поведение.

Практика показывает, что в настоящее время феномен этичного потребления становится все более распространенным и число последователей подобного образа жизни растет. Несмотря на недостаточно высокий (по сравнению с другими странами) уровень вовлеченности населения России в этот процесс, активность сторонников этичного потребления постепенно увеличивается и в нашей стране. Среди членов научного сообщества обсуждаются вопросы о причинах и мотивах обращения к подобному стилю потребления, а также о факторах, препятствующих ему.

Проблема этичного потребления становится предметом специальных исследований сравнительно недавно. За рубежом она достаточно активно изучается с 80-х гг. XX в. С. Хантом и С. Вителем, развившими теорию этического принятия потребительских решений. Достаточно серьезные теоретические исследования этичного потребления осуществляли Дж. Экхардт, Т. Ньюхолм, Д. Шоу и др. Предметом внимания исследователей выступают такие вопросы, как мотивация этичного потребления (М.Г. Крассен, П.Д. Макголдрик, И. Фрай, Е. Мартинес, Т.М. Девинни и др.), а также установки на этические потребительские практики (Х. Чанг, А. Чанг, Л. Лу, И. Вермейер, У. Вербек и др.). В ряде работ

(например, Дж. Кляйна, К. Смита, А. Ньюмана, А. Дэвиса, А.Д. Титтерингтон и др.) анализируются виды практик этичного потребления.

Исследований, посвященных изучению этичного поведения российских потребителей, в настоящее время катастрофически мало. Среди наиболее значимых следует выделить работы И.В. Троцук, А.Ю. Басовой, Д.М. Асатурян, М.А. Шабановой, В.И. Ильина, Я.М. Рощиной. В целом можно сказать, в рамках современной российской социологической науки пока не сформировалась традиция систематического изучения этичного потребления, однако наблюдается рост научного интереса к данному феномену.

На региональном уровне рассматриваемая проблема также остается малоизученной. Так, этичное потребление населения Тульской области в настоящее время не является предметом комплексного социологического анализа и регулярных социологических исследований, за исключением некоторых неспециализированных проектов. Так, в 2012 г. было проведено социологическое исследование «Особенности потребительской культуры жителей города Тулы» под руководством Е.Ю. Мирошиной. В ходе исследования изучались потребительские модели туляков, а также факторы, влияющие на их потребительские практики. В 2009 году на базе лаборатории социологических исследований МУ ЦСППМ «Шанс» в Туле было проведено исследование «Потребительское поведение современной тульской молодежи».

Однако, несмотря на недостаток исследований в данной области, следует отметить активизацию использования средств социального проектирования как метода формирования практик этичного потребления.

Одним из основных препятствий на пути развития этичного потребления в российских регионах выступает недостаточное развитие инфраструктуры, способствующей обеспечению и поддержке ответственного потребления. Однако развитию практики ответственного потребления, помимо объективных обстоятельств, способствуют и субъективные факторы, включающие потребительскую культуру, потребительские мотивы и установки населения, выступающие объектом воздействия со стороны социальных проектов.

На территории Тульской области с 2017 года, объявленного годом экологии, ведется достаточно активная работа по повышению экологической культуры населения и вовлечению граждан в отдельные практики ответственного потребления, например такие, как раздельный сбор твердых бытовых отходов, использование биоразлагаемой тары и упаковки. Можно отметить, что в течение последних нескольких лет условия развития ответственного потребления в Тульской области стали более благоприятными. В частности, это проявляется в принятии мер по обеспечению сортировки отходов и созданию пунктов утилизации. Однако стройная долгосрочная стратегия формирования и популяризации практик этичного потребления среди населения по-прежнему не выработана, а работа в этом направлении носит преимущественно эпизодический и инициативный характер. Можно сказать, что развитию ответственного и экологического потребительского поведения способствует, в первую очередь, гражданская активность отдельных туляков, которые становятся инициаторами и организаторами соответствующих социальных проектов в области и информационной, и образовательно-просветительской деятельности. При этом чаще подобные со-

циальные проекты выступают в форме локальных мероприятий и акций и осуществляются в рамках отдельных организаций.

Масштабные социальные проекты, посвященные тематике ответственного потребления, в большинстве своем организуются силами тульского регионального отделения движения «Эка» или отдельных групп активистов. Среди проектов можно выделить как систематические, так и временные, реализация которых напрямую зависит от наличия временных и материальных ресурсов инициативных групп. Одним из регулярных мероприятий, проводимых практически ежемесячно, является акция «Глобальный сбор», осуществляемая под руководством тульского блогера и эко-активиста Екатерины Олейник. Целью мероприятия является формирование культуры ответственного потребления через:

- пропаганду раздельного сбора вторичного сырья;
- вовлечение в эту практику населения города Тулы;
- ведение информационно-разъяснительной работы;
- организацию переработки собранных отходов силами руководителя и волонтеров мероприятия.

С 2017 г. на территории Тульской области функционирует социально-экологический проект «Добрые крышечки», объединяющий идеи ответственного потребления и благотворительности. Суть проекта состоит в сборе пластиковых крышек с последующей передачей вырученных от переработки средств в фонд «Волонтеры в помощь детям-сиротам» с целью оказания помощи детям с особенностями в развитии. К участию в проекте привлечено множество различных организаций Тулы и Тульской области, размещающих на своей территории специальные контейнеры для пластиковых крышек. Одним из значимых событий в ходе реализации данного проекта стал Фестиваль «Добрые крышечки Тула», проведенный в декабре 2018 г. Программа Фестиваля включала конкурс экопостов, бесплатные мастер-классы, историко-экологический квест, имевший целью, с одной стороны, ознакомление с историей Тулы, а с другой – информирование участников о местах и способах раздельного сбора отходов в городе.

Достаточно масштабным проектом, направленным на развитие ответственного потребления в регионе, явился «Зеленый пикник» – уникальное мероприятие, организованное в июле 2018 г. и позиционируемое как «экологические выходные для всей семьи». Программа мероприятия носила преимущественно развлекательный характер и включала лекции, мастер-классы, танцевальные и спортивные мероприятия, огненное шоу. Праздничный формат позволил организаторам привлечь внимание различных категорий населения города независимо к проблемам этичного потребления в легкой игровой форме.

Одним из наиболее крупных мероприятий, направленных на формирование культуры экологичного потребления, выступил Экологический фестиваль, проведенный в июне 2017 г. в честь Дня эколога и Всемирного Дня окружающей среды при поддержке администрации Тулы, а также тульского регионального общественного движения «Яснополянское соглашение». В рамках Фестиваля была организована работа нескольких площадок: лекционной, где известные спикеры обсуждали темы экологического воспитания, рационально-

го природопользования, отдельного сбора отходов, натуральной косметики и бытовой химии; площадки мастер-классов по приготовлению блюд вегетарианской кухни; площадки «буккроссинга» и сбора макулатуры и многих других.

Мероприятие «Чистые Игры» (июнь 2017 г.) стало еще одним проектом экологической направленности, имеющим целью привлечение внимания общественности к борьбе с загрязнением окружающей среды. Организаторами акции выступили Министерство природных ресурсов и экологии Тульской области совместно с ТРОО «Экологическая защита», а также эко-активистка Ольга Чернецова. В играх было задействовано около 140 человек, среди которых представители органов власти и различных коммерческих компаний и организаций. В ходе мероприятия было собрано около трех тонн мусора. Значимым итогом мероприятия стало налаживание диалога между бизнесом, властью и населением в области решения экологических проблем.

Значимым направлением формирования культуры ответственного потребления является пропаганда практики отдельного сбора бытовых отходов. При поддержке муниципальных властей в г. Тула реализуется проект «Сделаем Тулу чище», связанный с установкой контейнеров для сбора пластиковых отходов категории «1». В 2017 г. при поддержке министерства природных ресурсов и экологии Тульской области и общественных организаций («ЭКА» и «Центр экологической политики и культуры») отдельный сбор отходов организован на крупных мероприятиях, например, фестивале «Дикая Мята», «ЙогаДар», Первом Тульском экологическом фестивале. На XI Международном Яснополянском экологическом форуме прошла презентация Всероссийского природоохранного социального проекта «Экобокс», состоявшего в размещении на территории региона специальных контейнеров для безопасного сбора батареек, градусников и ламп. Кроме того, с апреля 2019 г. Министерство природных ресурсов и экологии Тульской области и Фонд рационального природопользования осуществляют программу сбора и утилизации электронного и электрического оборудования в целях снижения экологического вреда от захоронения опасных отходов «Школа утилизации: электроника». Основная цель проекта заключается в формировании привычки отдельного сбора и утилизации электроники, информирование об опасностях ее неправильной переработки.

Следует отметить также значительный потенциал спортивных проектов социальной направленности в качестве инструмента пропаганды ответственного потребления. Так, в Тульском регионе организуются такие акции, как велоквесты, самокатные гонки, приуроченные ко «Всемирному дню без автомобиля», – акции, целью которой является призыв граждан к отказу от использования личных автомобилей в пользу велосипедов и пеших прогулок, а также общественного транспорта.

Таким образом, в Тульском регионе, как и в России в целом, можно заметить рост числа инициатив, направленных на формирование культуры этичного потребления. Их реализация осуществляется в формате специальных социально-экологических проектов, кампаний, акций, основанных в большинстве своем на энтузиазме экологов и граждан города. Систематическая финансовая, профессиональная, организаторская поддержка подобных проектов будет способствовать трансформации процесса формирования моделей ответ-

ственного потребления из стихийного в целенаправленный и регулярный. Социальные проекты – это мощный инструмент формирования общественного мнения, который в нашем регионе пока задействован не полностью. Социальные проекты в сфере экологии направлены на формирование позиции гражданской ответственности, способствуют трансляции ценностей ответственного потребления и привлечению граждан к участию в нем.

Список литературы

1. Асатурян Д.М., Ергунева В.Э. Съесть или не съесть? Современная модель потребления через призму выбрасывания продуктов питания: на примере москвичей // Экономическая социология. 2018. №2. С. 168-195.
2. Басов А.Ю. Этичное потребление в России: профили, факторы, потенциал развития // Сборник статей Международной научно-практической конференции «Проблемы внедрения результатов инновационных разработок». Уфа: МЦИИ ОМЕГА САЙНС, 2016. Ч. 1. С. 17-20.
3. Ильин А.Н. Культура потребления и экология: проблемы взаимодействия // Человек в мире культуры. 2017. №2-3. С. 164-174.
4. Мирошина Е.Ю. Модели потребительского поведения в современной России // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2015. Т. 13. С. 1806–1810.
5. Роцина Я.М. Социология потребления. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2007. 447 с.
6. Троцук И.В., Давыденкова Е.С. Феномен этического консьюмеризма: специфика социологической интерпретации и особенности современного бытования // Вестник РУДН. Серия «Социология». 2015. №1. С. 65-81.
7. Шабанова М. А. Этичное потребление в России: профили, факторы, потенциал развития // Вопросы экономики. 2015. №5. С. 78-102.

Бочарова Ольга Евгеньевна, канд. социол. наук, доц., bocharova_olga@inbox.ru, Россия, Тула, Тульский государственный университет,

Абросимова Ольга Вячеславовна, ассистент, abrosimovaov@yandex.ru, Россия, Тула, Тульский государственный университет

SOCIAL PROJECT AS A MEAN OF ETHICAL CONSUMPTION FORMATION IN THE CONDITIONS OF MODERN SOCIETY

O.Y. Bocharova, O.V. Abrosimova

In the conditions of modern society the consumer preferences, forms, types and motives of consumer behavior are transformed. Market development stimulates irrational, excessive consumption, which creates a number of socio-economic and environmental threats. The main principle of consumption should be the responsibility of consumers to society. This determines the relevance of the formation of ethical consumption models in society.

The construction of new forms and types of consumer behavior is facilitated by the use of communication technologies, primarily social projects. The article is devoted to the study of the potential of social projects as a communicative technology for the formation of ethical consumption practices.

Key words: consumption, consumer behavior, ethical consumption, ecological consumption, social project

Bocharova Olga Yevgenjevna, candidate of sociological sciences, docent, bocharova_olga@inbox.ru, Russia, Tula, Tula State University,

Abrosimova Olga Vyacheslavovna, assistant, abrosimovaov@yandex.ru, Russia, Tula, Tula State University

УДК 316.4

ОДИНОКАЯ СТАРОСТЬ: ПРИЧИНЫ И РЕСУРСЫ АДАПТАЦИИ

М.В. Корнилова

Рассматриваются положительные и отрицательные аспекты одиночества в старшем возрасте, показываются плюсы и минусы жизни соло. Анализ строится на попарном сравнении основных показателей жизнедеятельности разных групп пожилых людей, классифицированных по принципу: одинокий/семейный, чувствующий себя одиноким/не ощущающий одиночества. Показываются существенные различия в социальном самочувствии, состоянии здоровья, уровне доходов и других аспектов жизни у одиноких и семейных представителей старшего поколения.

Одинокие пожилые люди более мнительны и тревожны, но и более внимательны к себе и к имеющимся ресурсам, например к здоровью: среди них меньше доля курильщиков и выше доля принимающих витамины и полезные минералы, а также БАДы. «Одиночки» больше заботятся о себе и своём комфорте. Они менее доверчивы, более осторожны, у них меньше ожиданий от жизни. Соответственно одинокие пенсионеры более устойчивы и психологически ресурсны. Немаловажный ресурс адаптации к одинокой старости и вера в Бога.

Ключевые слова: чувство одиночества, пожилые люди, одинокие старики, ресурсы адаптации, социальное самочувствие, одинокая старость.

1. Актуальность и изученность темы исследования. Изучение аспектов одиночества в позднем возрасте и проблематики одинокой старости представляет интерес для исследователей разных отраслей науки, в частности для психологов и социологов.

Одиночество – это процесс и продукт «разъединения», хотя «не исключает совместности», когда человек чувствует себя одиноким, например, в семье [1, с. 39], даже при наличии супруга и детей. Согласно результатам мониторинга RLMS-HSE [2], 92,1 % пожилых участников опроса имеют детей, при этом,

22 % признались, что испытывают чувство одиночества, которое представляет собой «тяжелое» [3, с. 183] «болезненное переживание, связанное с потерей или дефицитом социальных и эмоциональных связей» [4, с. 134].

Пожилые люди оценивают одиночество как в негативном, так и в позитивном свете, отмечая двойственность природы одиночества как осмысленное и осознанное или вынужденное и безысходное [1].

По мнению Троцук И.В.: «одиночество может быть «вынужденным и целенаправленным (добровольный отказ от социальных пут), объективным и субъективным (ощущение полного непонимания окружающими), трактоваться предельно широко – социально-демографическая характеристика человека, не состоящего в браке или живущего отдельно от всех – или узко – как психологическое состояние, сопровождающееся отрицательными эмоциями (отчаянием, беспокойством, страхом, тревогой и пр.)» [5, с. 236].

Одна из проблем в изучении феномена одиночества – множественность трактовки и отождествление с такими понятиями как «отчуждение», «уединение», «изоляция» [4, с. 134]. Причем проблема социальной изоляции пожилых людей изучается как с точки зрения трудовой дискриминации, так и уменьшения роли пожилых в принятии решений внутри семьи [6].

Автор проанализировал публикации по теме исследования и пришел к выводу, что само понятие «одинокий» / «одинокая» применительно к человеку строится в основном на негативном жизненном опыте, но имеет и свои позитивные стороны и причины (табл. 1.).

Таблица 1

Основные аспекты интерпретации и операционализации понятия «Одинокий»

Интерпретация		Операционализация
Отрицательные аспекты	Положительные аспекты	
Злой, несчастный, обиженный, обездоленный	Независимый, контролирующий, самостоятельный	Наличие семьи: партнера и детей
Оторванный, изолированный, ненужный, покинутый, потерянный	Уединенный, сам по себе, Отдельный	Самооценка особенностей жизни
Бесполезный, обременяющий	Осознанный, любящий себя	Возможности здоровья и физическая активность
Индифферентный, апатичный, безразличный	Автономный («хозяин», «правитель»)	Способность принимать решения; давать оценку своей жизни;
Заброшенный, «лишний человек», пассивный, беспомощный, страдающий	Свободный, спокойный, суверенный, собранный, сосредоточенный	Социальная и трудовая активность

Причины и реакция человека на одиночество очень разнообразны [1; с. 7]. Рассмотрим, что же по мнению разных авторов дает состояние одиночества пожилым людям и что есть «одинокая старость»?

«Одинокая жизнь для большинства пожилых людей – символ их личной независимости» [8, с. 69] (психологической, экономической, физической [3] и т.д.). Одиночество выступает источником вдохновения, свободы, покоя и уединения и представляет собой естественный процесс осознанного общения с самим собой. Одиночество способствует проявлению индивидуализма, приватности, развитию собранности, сосредоточенности, концентрации жизненных сил. «Желание пожилого человека жить отдельно от детей, вероятно, продиктовано стремлением сохранить свою свободу и независимость, остаться главой семьи, самому принимать решения» [9, с. 113].

Некоторые авторы сходятся во мнении, что одиночество оказывает также положительное влияние на состояние здоровья. Как подчеркивает Тихонов Г.М.: «жить одному, в большинстве своём, означает жить собственным хозяйством. Это также означает нести полную ответственность за себя, быть экономически независимым и, что особенно важно, оставаться относительно здоровым. Как правило, ведение индивидуального домашнего хозяйства рассматривается пожилыми людьми в качестве критерия удовлетворительной жизни» [8, с. 169].

Проанализировав теоретические разработки и результаты исследования феномена одиночества в старшем возрасте, а также социально демографические данные, сформулируем предпосылки и возможные причины одинокой старости:

1) Прежде всего распространению феномена «одинокой старости», в частности «одинокое проживание» в пожилом возрасте, способствуют глобальные демографические проблемы.

Во-первых, *снижение рождаемости*. В европейских странах таких, как Италия и Германия, больше 20 лет уровень воспроизводства населения ниже уровня рождаемости. В Китае больше трех десятилетий рождаемость ограничена законодательно: только один ребенок в семье. Как результат, молодая семья из двух человек может столкнуться с необходимостью оказывать помощь четверым родителям (родителям жены и мужа в связи со старостью). В странах, в которых упала рождаемость, все меньше детей способны впоследствии обеспечить помощь своим пожилым родителям. Еще одна проблема – увеличивается бездетность. Например, в Великобритании: по имеющимся оценкам, 30 % женщин, которым исполнилось 35 лет, останутся бездетными. Кто в старости будет заботиться о тех, у кого нет детей?» [10, с. 61].

Во-вторых, *продолжительность жизни* мужчин значительно ниже, чем у женщин, а даже будучи в браке пожилые женщины более подвержены риску прожить остаток жизни в одиночестве по причине вдовства.

2) Одиночество растет не только с возрастом, но и с благосостоянием. На первое место выходит потребность в автономии – желании быть независимым, «встать на ноги», заработать, а уже потом создать семью, или же от-

каз от семьи происходит в пользу карьеры, жизни в свое удовольствие, жизни – solo [11].

Интересна точка зрения «о существовании трех периодов старения: адаптационный (60-66 лет), период зрелой старости (67-86 лет) и период глубокой старости (87+). Эти периоды характерны и для семейных, и для одиноких пожилых людей, но у последних адаптация проходит более болезненно, а период зрелой старости менее продолжителен» [12, с. 43].

Мысли о старости вызывают страх даже в относительно молодом возрасте. Старость ассоциируется не только с неизбежностью, но и с неопределенностью. О том, что любой человек должен иметь возможность приспособиться к выходу на пенсию, много пишется и говорится: «к старости, и особенно к одинокой старости надо приспособливаться, привыкать, адаптация к одинокой жизни имеет большое значение для лиц старших возрастов» [13, с. 32].

В рамках социально-психологического подхода интересно определение понятия «адаптация», как «процесс совладания с жизненными трудностями», через преодоление, или минимизацию негативных последствий, или избегание, или смирение [14, с. 118]. При этом женщины больше стремятся уладить проблемы с друзьями и родственниками, они более открыты и эмоциональны и, следовательно, легче и чаще выступают инициаторами общения, первыми делают шаги навстречу, в отличие от мужчин, особенно вдовцов, которым очень трудно налаживать контакты и заводить знакомства в зрелом возрасте [3].

Для того чтобы справиться с одиночеством в позднем возрасте необходимы определенные ресурсы: личностные и средовые (психологические и социальные); материальные и нематериальные [14].

Не последнюю роль в решении проблемы одиночества старшего поколения играют и принципы организации жилой среды [15].

В 60-х гг. в Дании появляется новый тип организации жилья для одиноких пожилых людей – «кохаузинг» как единое пространство единомышленников, а затем распространившееся на другие страны: США, Великобританию, Канаду, Австралию, Японию и т.д. Жизнь в таком сообществе предполагает взаимопомощь, совместное проведение досуга и использование общего имущества. Прототипом такой организации жизненного пространства может считаться «русская деревня», где все друг друга знают.

Идея о создании такой модели «отселения» пожилых людей в климатически благоприятные условия рассматривалась и в России, но только для москвичей, абсолютное большинство которых отказалось менять привычное место жительства в мегаполисе на тихую и размеренную жизнь на юге страны.

2. Цель и проблема исследования. Статья посвящена изучению ресурсов адаптации к и в процессе одинокой старости, которую мы рассматриваем как явление, представляющее собой 2 противоречия:

1) на перенаселенной планете растет количество людей в целом и пожилых в частности, но чем старше человек, тем он более одинок;

2) даже при наличии достаточности средств, для того чтобы иметь большую семью, происходит осознанный отказ от продолжения рода (childfree и даже childhate) или же в семье принимается решение о рождении и воспита-

нии только одного ребёнка, т.е. осознанный выбор в пользу карьеры и ориентации на жизнь по большей части для себя. В то же время, низкий уровень дохода также играет не последнюю роль в принятии решения об ограничении деторождения.

3. Эмпирическая база, методика, объект исследования.

В статье анализируются данные 25 волны (2016 год) «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)» [2]. Мониторинг проводится ежегодно по многоступенчатой территориальной выборке.

В обыденном сознании понятие «старость» прежде всего ассоциируется с достижением определенного возраста и, следовательно, снижением физических возможностей, а также с преобладанием упаднических настроений, мыслей о конце жизни, усиление тревожности и мнительности.

Но, с точки зрения социологии, данная трактовка «старости» нуждается в подтверждении или опровержении на основе имеющихся эмпирических данных, обозначенных выше.

Возраст респондентов играет определяющую роль при формировании выборочной совокупности пожилых, но не является единственным и достаточным признаком старости. Автор подходит к изучению старости как к комплексной категории, показывая, что старость – это не только и не столько возраст, сколько социальное самочувствие и адаптационные возможности, социальная активность и физическое состояние в определенном возрасте (табл.2).

Таблица 2

Интерпретация и эмпирическая операционализация понятия «старость»

Интерпретация	Операционализация
Социально-демографические характеристики	Пол, возраст Наличие партнера и детей
Социальное самочувствие	Удовлетворенность жизнью; вера в Бога, доверие государству Тревожность (нервные расстройства, депрессии, страхи)
Адаптационные возможности	Планирование и прогнозирование будущего: оценка перспектив, уверенность в себе и в своем будущем
Социальная активность	Участие в общественных движениях, опыт предпринимательства
Физические возможности	Физическая активность, самооценка здоровья

Общее количество респондентов – более 12,5 тыс., репрезентирующих население России, почти 1/3 из которых (30 %) составляют пожилые: 55 лет и более – женщины, мужчины – в возрасте 60 и более лет.

Численность выборки с учётом пола и возраста составила 3742 респондента: 27 % мужчин и 73 % женщин, что, примерно, соответствует половозрастной структуре пожилого населения России в целом. Условно «одинокие», не имеющие партнёра по причине развода, вдовства или никогда не состоявшие в браке – 48 % и не одинокие («семейные»), подтвердившие наличие супруга, состоящие в официальном или гражданском браке – 52 %. Ощущающие одиночество («практически всегда или «часто»), т.е. условно одинокие, – 22 %, «не одинокие» («редко» или «практически никогда» не испытывающие одиночества – 78 %.

Анализ в статье осуществляется с применением двух методических приемов: разделение массива пожилых на ощущающих одиночество и не чувствующих себя одинокими, а также разделение на имеющих партнера и живущих без «второй половинки» и сравнение между собой по определённым признакам. Показатели жизнедеятельности в каждой группе, а также по одноименным подгруппам сравнивались попарно. На основе полученных данных сделаны выводы о ресурсах адаптации к одинокой старости.

4. Результаты исследования. Сформулируем основные причины одиночества в пожилом возрасте, наличие которых позволяет определить, что есть одинокая старость и соответственно имеющиеся ресурсы адаптации у разных групп респондентов пожилого возраста к проблеме одинокой старости.

Автор, изучив опыт коллег и статистические данные, а также проанализировав результаты исследования, определяет одинокую старость как субъективную категорию, состоящую из комплекса внутренних установок и внешних факторов жизни пожилого человека, выражающуюся в особенностях проживания и отношения к жизни. Таким образом, одинокая старость – это негативно оцениваемое пожилым человеком собственное социально-психологическое состояние, возникающее прежде всего из ограничений и жизненных потерь (финансовых, статусных, межличностных) и в связи с невозможными утратами (смерть близких людей).

4.1. Внутренние предпосылки одинокой старости формируются на основе социально-психологических обстоятельств и личных установок пожилого человека относительно своей жизни.

Выражение собственной воли: желание самостоятельно и добровольно распоряжаться и контролировать свою жизнь, избегание зависимости и стремление к независимости, любовь к себе и потребность в уединении и самосохранении – сознательный выбор жизненных ценностей, ориентиров и приоритетов, на следование которым пожилой человек имеет полное право. Выбор в пользу жизни solo может быть сделан как в молодом возрасте, и тогда человек проживает всю свою жизнь для себя, так и в зрелом, когда даже при наличии детей и семьи происходит сознательное ограничение или прекращение контактов с близкими родственниками и ближайшим окружением.

Защитная реакция как следствие негативного опыта общения обусловлена потерями и обманом как со стороны ближайшего окружения, так и незнакомых людей. Сильные психологические переживания и обиды на прошлое не дают пожилому человеку уверенности в будущем. Возникает потребность отгородиться, закрыться, жить в вакууме с целью защиты от возможных будущих потерь в общении, когда быть одному означает не испытывать сильных эмоций по отношению к кому-то кто потенциально может обидеть, предать, использовать.

Социальная изолированность (ненужность, отчуждение от общества) выражается в отсутствии у пожилых людей возможностей для самореализации по достижению определенного возраста и ощущения себя неполноценными, зависимыми от общества. Пожилой человек рискует оказаться невостребованным, социально-изолированным только потому что подошел к определенному возрастному порогу: 55 лет для женщин и 60 лет для мужчин. И если в молодом возрасте пробовать новое и менять свою жизнь считается нормой, то все роли для представителей старшего поколения уже предопределены и прочно укоренились в общественном сознании. Именно поэтому люди предпенсионного возраста ощущают большее давление, безысходность и зависимость от возраста. Они понимают: впереди заслуженный отдых. Общество как бы выталкивает огромную группу самодостаточных, и еще полных сил, людей «на покой». Работодатели предпочитают более молодых специалистов, пусть даже с меньшим опытом работы; досуговая сфера по-прежнему ориентирована на детей, молодежь и людей среднего возраста.

Полностью решить вопрос с социализацией и адаптацией пенсионеров на государственном уровне пока не удастся. Разнообразить жизнь (быт и досуг) неработающих пенсионеров частично помогают различные городские и федеральные программы по задействованности старшего поколения. Но проблему изоляции такие мероприятия решают лишь отчасти: с одной стороны, пожилые люди попадают в среду сверстников и единомышленников, а с другой, - имеют возможность заниматься чем-то интересным только в специально отведенных местах. Задача именно интеграции старшего поколения в социум не решается, а вот проблема социальной изоляции набирает обороты и приобретает новый негативный оттенок: дискриминацию по возрастному признаку (разделение на: «это для молодых», а «это для пожилых»).

Внешние факторы, приводящие к одиночеству и одинокой старости, представляют собой обстоятельства, возникающие без участия и помимо воли пожилого человека (например, преклонный возраст, смерть партнера и/или близких родственников и т.д.).

Достижение определенного возраста. Средний возраст пожилых респондентов в подгруппе ощущающих одиночество составляет 71,4 года, в группе не чувствующих себя одинокими – 67,8 лет. На первый взгляд разница не так уже велика. Но, результаты исследования показывают, что в наиболее старой возрастной группе респондентов (80 и более лет) доля ощущающих себя одинокими более выражена и составляет 36,2 %. Для сравнения в более молодых группах: 70-79 лет – 26,3 %, а в группе 55-59 лет – 17,6 %.

По мере увеличения возраста респондентов растет доля ощущающих себя одинокими, и если в группе молодых пенсионеров каждый шестой чувствует себя одиноким, то в группе долгожителей - уже каждый третий.

Отсутствие партнёра – это одна из основных причин одинокой старости. По результатам исследования, почти каждый второй опрошенный пожилой россиянин не имеет партнера (48 %), из них: 74,5 % по причине вдовства, разведённых и никогда не состоявших в браке 20,1 % и 5,5 % соответственно.

«Старение нередко влечёт за собой одиночество, которое вызвано рядом причин. Умирают старые друзья, и хотя их можно заменить новыми знакомыми, мысль, что ты продолжаешь своё существование не служит достаточным утешением» [3, с. 181].

С точки зрения гендерных отличий, не состоявших в браке на момент опроса – 2/3 опрошенных пожилых женщин (63,1 %) и только четверть (24,5 %) мужчин. «Получается, что в старшем возрасте состоять в браке является нормой для мужчин, овдоветь – нормой для женщин» [10, с. 72].

Отсюда проблема феминизации одиночества в пожилом возрасте: одинокая старость с женским лицом. По мнению Величко Г.А. «специфика российского одиночества состоит в том, что из общего числа пожилых одиноких людей в возрасте старше 60 лет число одиноких женщин составляет 80 %» [16, с. 32].

Среди овдовевших респондентов, доля условно одиноких составляет 35,2 %, т.е. каждый третий респондент, переживший смерть партнера, ощущает себя одиноким, а вот среди никогда не состоявших в браке – эта цифра несколько меньше – 31 %, скорее всего за счет выработанной с годами привычки – жить одному/одной. А среди тех, кто состоит в первом и повторных браках, доля ощущающих себя одинокими не превышает 10 %.

Соответственно ощущение одиночества у пожилых людей зависит от наличия супружеских отношений в старшем возрасте. А восприятие одиночества среди тех, кто внезапно остался в одиночестве по причине вдовства сильно отличаются от тех, кто никогда не состоял в браке, либо же пережил развод [3].

Как установил Тихонов Г.М. «В противовес утвердившемуся мнению степень жизни в одиночку у пожилых людей не так высока. Большинство старых людей живут одни потому, что их партнер умер. <...> Другой фактор, обуславливающий диспропорциональность числа одиноких старых женщин, - это различие в повторном браке вдов и вдовцов. Овдовевшие женщины реже вступают в повторный брак, чем овдовевшие мужчины» [8, с. 69].

Формальность контактов в семье. Принято считать, что если у пожилого человека есть семья, в которую входят супруг и дети, то проблема одиночества и одинокой старости не является актуальной. Но результаты исследования показывают, что каждый четвертый пожилой респондент (24,7%), ощущающий одиночество, имеет партнера (состоит в официальном/гражданском браке). «Одиночество вдвоём» достаточно распространенная проблема, характерная не только для людей среднего возраста, которые вынуждены сохранять семью ради воспитания детей в полной семье и соответственно жить вместе, но и для пожилых людей. В ситуации со стариками такая вынужденность продиктована как материальными причинами (многолетним совместным бытом, общим жи-

льём), так и психологическими (привычка, страх остаться в одиночестве, осуждение со стороны членов семьи и прежде всего взрослых детей в случае разрыва отношений).

У более 90 % респондентов обоего пола есть дети, в возрасте старше 18 лет. Но выросшие дети заняты обустройством быта и построением своей семьи, и общение с родителями становится редким, поверхностным, приобретает оттенок повинности, долга, «обязаловки»; теряется глубина и душевная привязанность между взрослыми детьми и пожилыми родителями; происходит разрыв семейных связей, возникает отчужденность от семьи, статус пожилого члена семьи замещается на прислугу («хозяйственный резерв»), формируется «эксплуататорский подход» [1, с. 45].

Как отмечает Козлова Т.З. «взрослые дети отдаляются от родителей, иногда лишь физически, но чаще из стремления быть самими собой и иметь время и возможность заниматься своими собственными проблемами и взаимоотношениями. Со старостью приходят опасения, вызванные ухудшением здоровья и страхом смерти. И если болезнь приобретает хроническую или тяжелую форму, появляется страх умереть после того, как надоешь семье, и у нее не останется больше никаких чувств к тебе, и тогда умрешь не только один, но и одиноким» [3, с. 181].

Разрушение деловых связей. Согласно результатам исследования только четверть пожилых респондентов продолжают работать. Завершение трудовой деятельности и выход на пенсию приводит к дестабилизации повседневного ритма жизни пожилого человека. Утрата прежнего социального статуса, потеря должности/престижа, приводит к сужению роли в обществе, ощущению обрыва между «вчера» и «сегодня» и неопределенности «завтра».

Соответственно и доля ощущающих себя одинокими значительно больше в группе пожилых респондентов, не имеющих работы (совокупная доля по ответам «практически всегда» и «часто» составляет 13,6 % у работающих и 23,5 % у неработающих).

Падение уровня доходов. Для российских пенсионеров отсутствие работы и выход на пенсию сопровождается не только психологическим дискомфортом, но и означает резкое падение дохода, в отличие, например, от европейцев или американцев. Нередко это приводит к снижению значимости пожилого члена семьи, а следовательно, и сокращению внутрисемейного общения.

По результатам исследования размеры пенсий одиноких и семейных пожилых респондентов отличаются незначительно, составляя в среднем 14383 руб. для одиноких и 14020 руб. для имеющих семью. При этом чаще всего одинокие пожилые респонденты указывали 12 тыс. рублей, семейные - 15 тыс. рублей (значение моды).

В инструментарии исследования содержится отдельный блок вопросов, для определения могут ли респонденты позволить себе конкретные жизненно-важные действия, касающиеся вопросов питания, улучшения жилищных условий, накоплений на крупные покупки, проведения отпуска в России и за границей, оплаты дополнительных занятий и образования в вузе для детей. Фактически все вышеперечисленные вопросы косвенно направлены на определение до-

хода респондентов старшего возраста. Результаты исследования показывают, что материальные возможности большинства пенсионеров (80 % – одинокие; 89,7 % – семейные) позволяют лишь покупать заявленные в анкете продукты питания (мясо, птицу или рыбу), купить себе всё остальное, могут лишь единицы, но при попарном сравнении, доли положительных ответов, в подгруппе семейных в среднем в 2 раза выше, чем в группе одиноких.

Кроме того, те формы досуга, которые были доступны ранее, из расчета имевшегося дохода, становятся менее доступны и, соответственно, происходит потеря точек соприкосновения с людьми, некогда разделявшими общие хобби и увлечения. В данной ситуации пожилой человек либо находит единомышленников в других сферах, либо, не найдя себе «место», остается один.

Низкая социальной и физической активность. О досуговой деятельности и других активностях пенсионеров данных в базе RLMS – HSE в открытом доступе не содержится, поэтому проанализировать данный показатель можно только косвенно, например, в контексте организации собственного дела. Изучение опыта предпринимательской деятельности конечно показывает, что абсолютное большинство пожилых респондентов и одиноких, и не чувствующих себя одинокими никогда не пытались открыть свой бизнес (94,8 и 93,1 соответственно). Но доля тех, кто пытался всё же чуть выше в группе не ощущающих себя одинокими (6,1 % против 4,8 %).

А вот проблемы со здоровьем явно более характерны именно для респондентов, ощущающих себя одинокими. За последние 30 дней, предшествующих дате опроса, 76,3 % одиноких испытывали проблемы со здоровьем (в группе не ощущающих одиночества аналогичный показатель 58,5 %). И доля инвалидов заметно выше в группе ощущающих себя одинокими (31,4 % против 21,4 %). Соответственно и доля тех, кто не занимается физкультурой больше среди чувствующих себя одинокими (72,9 и 67 %).

Но здоровые привычки более выражены именно среди «одиночек»: ниже доля курящих (11,8 и 14,4 % соответственно) и выше доля принимавших за последние 30 дней на момент опроса какие-либо витамины, минеральные вещества, биологически активные добавки (18,3 и 15,5 %).

Ухудшение социального самочувствия. Среди пожилых людей, ощущающих одиночество («практически всегда», «часто») совокупная доля счастливых значительно ниже, чем в условной группе не чувствующих себя одинокими («редко», «практически никогда»): 12,7 и 37,4 % соответственно. А «совсем несчастными» являются 12 % - условно одиноких и менее 1 % условно не одиноких.

Почти каждый третий пожилой респондент (29,1 %), ощущающий одиночество, подтвердил и наличие серьезных нервных расстройств и депрессий за предшествующий опросу год. Доля испытывающих подобные психологические проблемы в группе не чувствующих себя одинокими в три раза ниже и составляет 9,5 %.

Соответственно и доля удовлетворенных жизнью в целом гораздо больше в подгруппе не ощущающих себя одинокими – 48,9 % (по совокупности от-

ветов «полностью удовлетворены» и «скорее удовлетворены»), против 21,2 % в группе ощущающих себя одинокими.

Старики нередко обращаются к Божьей помощи, ищут успокоения в вере, становятся более набожными. Результаты исследования показывают, что среди пожилых людей, не имеющих партнера, более 2/5 (43 %) относят себя к категории верующих в Бога, среди семейных доля верующих – не более 1/3 (29,8 %). Религия дает верующим пожилым людям чувство уверенности в будущем (для 58,1 % семейных и 62,3 % – одиноких).

Обращение к Богу связано не только с одиночеством, но и с возрастом. И 38,8 % верующих пожилых респондентов, не имеющих супруга, признались, что верят в Бога с детства, а еще 57 % стали верующими, когда повзрослели.

Очевидные социально-психологические и материальные трудности, сопутствующие одинокой старости, заставляют задуматься, какие у одиноких пенсионеров есть *ресурсы* (возможности) *адаптации*, кроме веры в Бога?

Ответы на вопрос о краткосрочной перспективе будущего не выявили существенной разницы между ощущающими одиночество и не чувствующих себя одинокими: 2/3 респондентов обеих групп считают, что в их жизни и через год ничего не поменяется (64,7 и 66,9 % соответственно). Но доля пессимистов неизменно выше в группе одиноких (28,7 % были уверены, что через год будут жить хуже чем на момент опроса, а в группе не чувствующих себя одинокими – 20,8 %), а оптимистов – в группе не ощущающих себя одинокими (12,4 % против 6,6 %).

И тем не менее, очень обеспокоены тем, что в ближайшие 12 месяцев (согласно дате проведения опроса) не смогут обеспечивать себя самым необходимым – 43 % условно одиноких и 26,3 % условно не одиноких.

Одинокие люди в принципе более тревожны, а одинокие старики в особенности. В конкретной ситуации опасности, например в тёмное время суток, 18,9 % условно одиноких чувствуют себя совсем не безопасно, а среди семейных таких только 8,5 %. Проблема недоверия людям также характерна для одиноких пожилых людей: каждый второй одинокий пенсионер (50 %) отметил, что в отношениях с другими людьми всегда надо быть осторожным.

5. Выводы.

Одинокая старость – это результат взаимодействия пожилого человека с социальной средой, при этом не всегда справедливый и адекватно воспринимаемый. Основные причины одинокой старости: желание быть одному (основанное либо на осознании жизни в одиночку, либо на страхе быть с кем-то), отчуждение от общества (ненужность, изолированность).

Проблема одиночества в старшем возрасте будет существовать всегда, вне зависимости от времени и традиций, уже хотя бы потому, что одинокая старость – это социально-демографическая тенденция и результат естественного воспроизводства населения, при котором рождаемость падает, а продолжительность жизни (особенно у женщин) – растет. Соответственно увеличивается и доля пожилого населения в общей демографической структуре населения. Но, чем старше человек, тем ближе одинокая старость. Согласно результатам проведенного исследования доля долгожителей (80 и более лет), ощущающих себя

одинокими, значительно превосходит долю одиноких «молодых пенсионеров». Уходят из жизни сверстники, друзья, ближайшие родственники, и человек остаётся один. Поэтому по достижению старческого возраста – одинокая старость приобретает статус неизбежности.

Кроме естественных и неминуемых причин возникновения одинокой старости (достижение определенного возраста и уход из жизни ближайшего окружения), формируются и укрепляются вполне преодолимые и устранимые причины одиночества в позднем возрасте, связанные с безразличием, невостребованностью, отчуждением пожилых людей от общества. Проблема социальной изолированности (ненужности, отчуждения от социума) уже была выделена автором как один из социальных рисков пожилых [17, с. 21] и нуждается в отдельном исследовании в контексте одинокой старости.

Укреплению тенденции одинокой старости способствует и спад рождаемости, имеющий социальные, психологические и экономические причины. Приверженность идеи бездетности, жизни для себя, построения карьеры, а не семьи более характерны для нынешнего поколения мужчин и женщин детородного возраста, проживающих в нашей стране. Отсутствие желания и/или возможности у взрослых детей заводить собственную семью диссонирует с общепринятыми представлениями пожилых родителей о семейной жизни, а желание молодых жить отдельно – с преемственностью поколений. С другой стороны, нынешние пенсионеры далеко не всегда решают ограничиваться ролью бабушек и дедушек и также хотят жить своей жизнью и по своим правилам. И теперь уже представления родителей о независимой и свободной жизни противостоят стереотипам взрослых детей о конце жизни, наступающим по достижению пенсионного возраста и необходимостью посвятить себя исключительно заботе о внуках. Мировоззрение, жизненные ориентиры, ценности и потребности молодежи и старшего поколения очень отличаются. В обеих ситуациях возникает недопонимание, конфликты и, как следствие, отчуждение и даже разрыв родственных связей.

Свой вклад вносит и научно-технический прогресс, разделяющий молодежь и пенсионеров, детей и родителей на 2 группы: сильно ресурсных и слабо-ресурсных. Пожилые люди ощущают себя ненужными после окончания трудовой деятельности, не знают, как построить свою жизнь и где себя применить. Это следствие утраты семейных контактов и потери связей с трудовым коллективом. Только каждому четвертому пенсионеру удаётся продолжить трудовую деятельность и не выпасть из современного ритма жизни. Невостребованность на рынке труда – один из главных барьеров социальной адаптации старшего поколения.

Показатели социального самочувствия заметно хуже именно у одиноких пожилых людей. Преодолевать возрастные изменения здоровья и социально-психологические трудности особенно сложно одиноким представителям старшего поколения. Но по результатам проведенного исследования они менее доверчивы, более осторожны, у них меньше ожиданий от жизни. Соответственно одинокие пенсионеры более устойчивы и ресурсны психологически.

Ещё один из ресурсов адаптации к одинокой старости – вера в Бога. Религия дает одиноким верующим старикам чувство уверенности в будущем. Именно одинокие пенсионеры более набожны и религиозны.

Неизбежный спутник одинокой старости и одна из её причин – материальное неблагополучие, связанное с падением уровня дохода. И если старикам, имеющим семью, партнера, могут помочь близкие и дальние родственники, то одиночки могут и должны рассчитывать только на себя. По результатам исследования жизнь одиноких пенсионеров более спланирована, и они знают, что их благополучие зависит только от них. Понимая такие обстоятельства жизни, одинокие пожилые люди более ответственно относятся к имеющимся ресурсам (например, к здоровью): среди них меньше доля курильщиков и выше доля принимающих витамины и полезные минералы, а также БАДы.

Универсального способа адаптации к завершающему периоду жизни человека не существует. Адаптация к старости, особенно одинокой, основана прежде всего на конкретных личностных ресурсах и возможностях отдельно взятого человека и его окружения. Но это не значит, что процесс адаптации к старости, и особенно одинокой, должен быть сугубо личным делом пожилого человека. Помощь в адаптации, соответствующая потребностям старшего поколения, должна предлагаться и оказываться на государственном уровне. А вот право выбора должно всегда оставаться за пожилым человеком.

Причины и способы адаптации к одинокой жизни в старшем возрасте заслуживают дальнейшего изучения как в контексте неудовлетворительных государственных мер социализации и адаптации к жизни на пенсии, так и в контексте социальных рисков.

Список литературы

1. Елютина М., Трофимова О. Одинокое проживание и переживание одиночества в позднем возрасте // Журнал исследований социальной политики. 2017. Т.15. №1. С. 37 – 50.

2. Корнилова М.В. «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. [сайт]. [2016]. URL: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> и <http://www.hse.ru/rlms> (дата обращения: 10.04.2019).

3. Козлова Т.З. Социальное время пенсионеров: этапы самореализации личности. М., 2003. 228 с.

4. Пузанова Ж.В. «Одиночество» как предмет эмпирического анализа // Социология: 4М. 2009. № 29. С. 132 – 154.

5. Троцук И.В. Как стать счастливым: новые смыслы одиночества в современном мире / рецензия на книгу: Кляйненберг Э. Жизнь соло: Новая социальная реальность // Социология власти. 2014. №3. С. 233 – 247.

6. Григорьева Н.А., Сизова И.Л. Траектория старения женщин в современной России // Мир России. 2018. Т.27. №2. С. 109-135.

7. Прохорова М.В. Феномен одиночества пожилых людей: социологический анализ: дис. ... канд. социол. наук. Нижний Новгород, 2007. 22 с.

8. Тихонов Г.М. Одиночество и старость: проблема стереотипа // Клиническая геронтология. 2006. №11. С. 68 – 73.

9. Бухалова Н.А. Семья – основа бытия пожилого человека и гарант активной и гарант активной старости // Вектор науки ТГУ. 2012. № 2 (20). С. 110 – 113.

10. Арбер С. Старение и гендер в глобальном контексте: роль семейного статуса* / пер. с англ. Е.В. Вьюговской, А.А. Ипатовой // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 2. С. 59 – 78.

11. Кляйненберг Э. Жизнь соло. Новая социальная реальность [сайт]. [2012]. URL: https://libking.ru/books/foreign_psychology/630594-erik-klyajnenberg-zhizn-solo-novaya-socialnaya-realnost.html (дата обращения: 06.05.2019).

12. Воронин Г.Л. Захаров В.Я., Козырева П.М. Одинокие пожилые: доживают или активно живут? // Социологический журнал. 2018. Т. 24. №3. С. 32 – 55.

13. Гехт И.А. Одинокая старость: медико-социальные аспекты // Клиническая геронтология. 2006. №4. С. 31- 35.

14. Романова И.В. Роль личностных факторов и ресурсов одиноких женщин в формировании адаптационных стратегий и их эффективности // Вестник ЧитГУ. 2011. №2 (69). С. 117 – 128.

15. Покачалова А.В. Принципы формирования жилой среды для одиноких пожилых людей // Наука образование и экспериментальное проектирование: тезисы докладов международной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, молодых ученых и студентов. М.: МАРХИ, 2014. С. 155-156.

16. Величко Г.А. Одиночество пожилых людей: социально-психологический анализ // Научные труды СЗИУ РАНХиГС. Т. 5. Вып. 1 (13). С. 30-36.

17. Корнилова М.В. Институт социальной защиты населения в условиях усиления социальных рисков (на примере социального обслуживания пожилых граждан г. Москвы): автореф. дис. ... канд. социол. наук. 2012. 22 с.

Корнилова Марина Валерьевна, канд. социол. наук, ст. науч. сотр., mmrr@mail.ru, Россия, Москва, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

LONELY OLD AGE: CAUSES AND RESOURCES OF ADAPTATION.

M.V. Kornilova

The article discusses the positive and negative aspects of loneliness in older age, shows the pros and cons of life solo. The analysis is based on a pairwise comparison of the main indicators of life of different groups of elderly people, classified according to the principle: single/family, feeling

lonely/not feeling lonely. Significant differences in social well-being, health status, income level and other aspects of life among single and family members of the older generation are shown.

Lonely elderly people are more suspicious and anxious, but also more attentive to themselves and their resources, for example about health: there is less share of smokers among them, and the share of taking vitamins and useful minerals, and also dietary Supplements is higher. "Loners" care more about themselves and their comfort. They less trust, more cautious, they have fewer expectations of life. Accordingly, single pensioners are more stable and psychologically resourceful. An important resource for adaptation to lonely old age and faith in God.

Key words: feeling lonely, elderly, lonely old people, resources for adaptation, social well-being, lonely old age.

Kornilova Marina Valerievna, candidate of sociological sciences, senior research fellow, mmrr@mail.ru, Russia, Moscow, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

УДК: 314.74:316.6

ЖИЗНЕННЫЕ СТРАТЕГИИ ИНОСТРАННЫХ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ: ОБЩЕСТРУКТУРНЫЕ И СПЕЦИФИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ

К.Н. Сердюков

Актуализируется проблематика жизненных стратегий иностранных трудовых мигрантов. Рассмотрены важнейшие составляющие самого понятия «жизненная стратегия». С учетом миграционной специфики уделено особое внимание механизму адаптации. В качестве фазы реализации и конкретизации жизненной стратегии предлагается рассматривать сформированную совокупность поведенческих стратегий социального субъекта. На данном основании представлена общая классификационная система стратегий поведения социальной общности. В заключение обозначается ряд принципиальных позиций автора относительно собственно раскрываемой категории, а также аспектов ее контекстуального осмысления.

Ключевые слова: жизненные стратегии, поведенческие стратегии, внешняя миграция, иностранные трудовые мигранты, социальная общность.

Жизнь современного общества претерпевает кардинальные изменения на фоне стремительного развития глобализационных процессов. В данных условиях наблюдается интенсификация и усложнение структуры миграционных потоков, развитие временных видов миграции [1]. Особенности социально-экономического положения, а также действующая миграционная политика определяют основные тенденции и особенности миграционных процессов тех или иных стран/регионов.

В результате международной миграции человек оказывается в условиях иной социокультурной реальности, сталкивается с необходимостью понимания новых требований принимающего сообщества, а также способов организации и планирования собственной жизни. Под влиянием новой среды в той или иной степени происходит трансформация внутренней структуры личности мигранта.

Социокультурные условия, совокупность внешних объективных факторов в целом влияют на жизненный путь личности. Вместе с тем, данное влияние всегда опосредовано сознанием самого человека, оценкой внешней среды и самого себя в ней.

Миграция – стрессовое событие, при котором человек оказывается в ситуации неопределенности и выбора. Лишившись привычных условий существования, наряду с негативными последствиями, перед мигрантами открываются и новые возможности, отличные от прежних способы организации жизни.

Миграция сама по себе является некоторой опорной точкой в жизненном пути ее участников. Данный выбор становится частью жизненной стратегии, интегрирующей жизненные планы и программы, сформированные, в свою очередь, для достижения основных целей личности. Именно жизненная стратегия человека во многом определяет его реальное поведение, деятельность, жизненный путь в целом.

Особенно актуальным видится исследование специфики жизненных стратегий внешних трудовых мигрантов.

Иностранная трудовая миграция является преобладающей в общем объеме всех миграционных перемещений, а также наиболее конфликтогенной, исходя из ее характерных особенностей. В условиях неопределенности и социальных рисков, характерных для внешних трудовых мигрантов, проблема их стратегического выбора приобретает особую научную актуальность и социальную значимость.

В отечественных исследованиях жизненных стратегий основной научный интерес прикован к молодежи, как специфической социально-демографической группе. Однако мигранты, являясь особой социальной группой, важным стратегическим ресурсом, играя существенную роль в современном российском обществе, в значительной степени выпадают из поля зрения исследователей.

Отметим, что относительно самого термина «жизненная стратегия» мы будем опираться на две его дефиниции, предложенные Т.Е. Резником (рассматривающим жизненные стратегии на личностном уровне), а также Г.Е. Зборовским (предлагающим свое определение с учетом особенностей общностного подхода). Итак, по мнению вышеназванных авторов, жизненная стратегия это:

- динамическая, саморегулирующаяся система социокультурных представлений личности о своей будущей жизни, ориентирующая и направляющая ее текущее (повседневное) поведение в течение длительного времени [2];

- главная линия поведения и жизнедеятельности социальной общности, интегрирующая в себе жизненные планы и программы данного субъекта для достижения основных целей и преодоления противоречий, характерных для него [3, с. 41].

В данном контексте подчеркнем, что жизненные стратегии являются предметом изучения целого ряда наук (прежде всего психологии и социологии), и представители каждой из них пытаются сформулировать свое определение, учитывая исходную дисциплинарную специфику. Более того, отдельные исследователи в своих научных трудах приводят сразу несколько авторских определений (например, К.А. Абульханова-Славская [4], Т.Е. Резник [2] и др.), отмечая тем самым сложную смысловую структуру анализируемого понятия. Таким образом, создание единой общепринятой дефиниции ввиду сложности и многоаспектности рассматриваемой категории не представляется возможным.

Рассмотрим основные структурные элементы обозначенного понятия.

Важнейшей составляющей жизненной стратегии является целеполагание. Способность человека к целеполаганию, по сути, определяет саму возможность стратегичности жизни. Благодаря данному процессу формируется иерархическая целевая система, на которую и ориентирована жизненная стратегия. Установленная иерархия в данной системе, соподчиненность ее элементов главным целям позволяют выработать и соответствующий алгоритм целенаправленной жизнедеятельности социального субъекта, преодолевая им имеющиеся препятствия, разрешая жизненные проблемы.

В данном ключе Г.Е. Зборовский трактует термин «стратегия» как определенную интегрированную модель действий, сформированную именно для достижения цели [3, с. 33].

Т.Е. Резник и Ю.М. Резник рассматривают целеполагание как завершающую стадию выбора человеком жизненной стратегии [5]. Ряд других исследователей [6; 7] истолковывают данный процесс шире, включая в него подпроцессы целепорождения, целепринятия и целереализации.

Цели, представляя собой идеальный образ будущих результатов жизнедеятельности субъекта, могут выражаться в планах. Л.И. Дементий и В.Е. Купченко, проводя различия между обозначенными понятиями, сравнительно отмечают большую масштабность и меньшую хронологичность целей [8, с. 75]. Сходной точки зрения придерживается и А.М. Гендин, указывая на бóльшую конкретность и подвижность планов в сравнении с целями. Более того, по мнению автора, социальным субъектом могут использоваться различные варианты планов, поэтапные их модели (включающие промежуточные планы) для достижения одной и той же цели [9]. Таким образом, можно заключить, что планы являются пространственно-временной конкретизацией целей, а также способом координации последних.

В работах Н.Ф. Наумовой достаточно полно проведен анализ целеполагания личности.

Согласно автору, система целеполагания человека состоит из трех блоков:

- объективные условия (нерасчлененное воздействие, конкретизирующееся в личностной ситуации, прежде всего в частной удовлетворенности);
- личностная ситуация (рациональность (как личностная черта), уровень притязаний, частная удовлетворенность, жизненный ресурс, система ценностных приоритетов);

- система ориентирования поведения (ценностный резерв, общая удовлетворенность, идентификация с объектом, цели (намерения), «неизвестный» элемент) [10, с. 103].

По мнению исследователя, целеполагание является основой жизненного планирования и прогнозирования. Жизненная стратегия же непременно характеризуется направленностью на достижение определенных целей в заданном социокультурном контексте жизни.

Стратегическое поведение, согласно Н.Ф. Наумовой, строго рационально. При этом данное качество личности в социальном измерении согласуется со стратификационной структурой общества (рациональность субъекта прямо пропорциональна его социальной позиции).

Итак, можно заключить, что система целеполагания выполняет ориентирующую, организующую и направляющую функции в жизни социального субъекта.

Рассматриваемая система действует, в том числе, через призму компромиссного соотношения между желаемым и возможным. Вместе с тем целеполагающая деятельность личности, являясь непрерывным процессом, содержит сравнительную оценку достигаемого с достигнутым на внутриличностном, а также межличностном (сравнение с социальным окружением) уровнях, что становится основой для переосмысления собственных целевых ориентиров, как неких желаемых результатов, на достижение которых направлены действия.

Таким образом, всю жизнь человека можно представить в виде непрерывного и изменчивого процесса постановки и достижения целей. При этом жизненные стратегии в данном контексте могут быть поняты как относящиеся к тому же временному состоянию обобщенный результат рассматриваемого процесса.

Дж. Роттер рассматривает целенаправленность в качестве фундаментального свойства жизнедеятельности любого человека, отмечая значимость жизненных целей в формировании поведения индивида [8, с. 52]. Для сущностного понимания следует упомянуть, что фундаментальную основу целей составляют жизненные ценности.

Реализация жизненных целей, как правило, не бывает быстротечной. Обычно это длительный процесс, предполагаемое будущее протекание которого отражается в жизненных планах субъекта, выстраивающих, в свою очередь, траекторию его жизнедеятельности, подчиняя поведение осознанным целям и ценностям.

Важно отметить, что целереализация неразрывно связана с необходимостью разрешения возникающих трудностей или противоречий, что, в свою очередь, влияет на содержание и значимость целей во временной перспективе.

Итак, система способов достижения целей является одной из важных составляющих рассматриваемого понятия.

Говоря о жизненных стратегиях в целом, в данном контексте кратко отметим следующее. Стратегия жизни, первоначально возникающая на идеальном уровне, далее требует реализации на практике. При этом весь жизненный мир человека можно представить как поле его актуальных и потенциальных воз-

возможностей [11]. В соответствии с принятыми ранее установками и ориентирами личность стремится успешно преобразовать имеющиеся внутренние и внешние обстоятельства, реализуя тем самым содержание своей жизненной стратегии. Вместе с тем, мера влияния отдельных детерминант реализации стратегии жизни принципиально различна в зависимости от рассматриваемого субъекта.

В процессе формирования и реализации жизненных стратегий, с учетом миграционной специфики, особенно важным представляется механизм адаптации. Рассмотрим примеры его освещения в соотношении со стратегией жизни.

Жизненная стратегия как сложная система вбирает в себя компоненты личностной, культурной и социальной сфер. Так, по мнению Ю.М. Резника и Е.А. Смирнова взаимобмен между данными сферами осуществляется посредством специальных механизмов:

- механизмы социализации (типизации и индивидуализации);
- механизмы регуляции (социальная регуляция и легитимизация);
- изменяюще-поддерживающие механизмы (адаптация и инновация)

[12, с. 225].

Другие исследователи, Ш.И. Алиев и Г.А. Ельникова, различают по своей направленности три типа систем личностного проектирования жизни:

- инновационные (ориентированные на достижение некоторых новых результатов);
- традиционные (ориентированные на устоявшиеся и разделяемые микросредой представления о будущем);
- адаптационные (ориентированные на приспособление к постоянно изменяющейся социальной среде) [13].

Н.Ф. Наумова, предпринимая попытку осмыслить стратегию жизни человека в условиях переходного общества, отождествляет понятия «жизненная стратегия» и «стратегия адаптации» [14].

Таким образом, в научной литературе отсутствует однозначное представление о месте механизма адаптации в соотношении с основополагающим для настоящей статьи понятием.

Обратимся к миграционной специфике. Положение и установки той или иной социальной группы (как субъекта деятельности) в обществе напрямую зависят от степени ее адаптации к условиям среды. Испытывая высокую адаптивную нагрузку в новых условиях, мигранты находятся в постоянном поиске адекватных форм реагирования. В сущности, чем быстрее и успешнее проходит адаптация, тем более соотносенными с принимающим сообществом должны быть и жизненные стратегии приезжих. Таким образом, последние следует рассматривать как феномен, с одной стороны, отражающий процесс и результат адаптации мигрантов в новом жизненном пространстве, однако, с другой стороны, безусловно детерминирующий адаптационный механизм.

В.В. Константинов, основываясь на результатах проведенного эмпирического исследования, выделяет четыре базовые стратегии адаптивного поведения мигрантов в принимающем поликультурном обществе [15]. Представим и кратко охарактеризуем их:

- S-активная адаптация - следствие установки мигранта на пролонгированное присутствие в принимающей среде. Результат трансформации социально-психологических и этнокультурных характеристик, без потери/с потерей национальной идентичности;

- S-активный негативизм - строится на отрицании чужой культуры при сохранении национальной идентичности. Ориентация на поддержание определенной изоляции от доминантной культуры;

- S-пассивная адаптация - проявляется в отсутствии существенных изменений социально-психологических и этнокультурных характеристик мигранта. Среда адаптации остается неосвоенной;

- S-пассивная дезадаптация - предполагает потерю национальной идентичности, при отсутствии идентификации с культурой принимающего общества.

Стиль адаптации личности, по мнению автора, определяется сочетанием в реальном поведении вышеупомянутых стратегий, в свою очередь, обусловленных типом миграции, социально-психологическими характеристиками принимающего сообщества, а также типом проживания мигранта [16].

Считаем, что адаптационные стратегии, специфика самого процесса и результат адаптации являются важнейшими для понимания особенностей развития и смены жизненных стратегий мигрантов, их типичных образцов и форм. Вместе с тем, непрерывный поиск путей успешной адаптации мигрантов к новым условиям жизни диктует необходимость проведения систематических исследований в сфере их жизненного ориентирования, теоретического осмысления данной проблематики.

Еще один исследователь, Н.В. Осмачко, справедливо трактует стратегию адаптации как категорию, репрезентирующую стратегию жизни, отражая такую ее сторону, как приспособление личности к обществу, его требованиям. Стратегия поведения же, в свою очередь, репрезентирует как стратегию адаптации, так и стратегию жизни личности [17, с. 60-61]. Рассмотрим данное понятие (стратегия поведения) подробнее.

Ю.М. Резник и Е.А. Смирнов определяют стратегическое поведение как внешнюю, предметно-чувственную форму выражения и реализации жизненных стратегий [12, с. 82].

В нашем представлении с учетом рассматриваемой специфики под поведенческой стратегией (на общностном уровне) следует понимать устойчивый способ организации жизнедеятельности социальной общности (внешних трудовых мигрантов) в определенной сфере путем концентрации ее ресурсов и способов осуществления деятельности вокруг значимой цели [3, с. 44]. Считаем, что широкий спектр упорядоченных и взаимосвязанных поведенческих стратегий, основанных для представителей рассматриваемой социальной общности на единой ценностно-нормативной системе, репрезентирует содержание жизненной стратегии и представляет собой фазу ее реализации и конкретизации в данном социокультурном пространстве.

Итак, система поведенческих стратегий, охватывающая различные сферы жизни социального субъекта, рассматривается нами как определенный ре-

зультат выражения и реализации жизненной стратегии. На этой основе наглядно представим общую классификационную систему стратегий поведения социальной общности в виде таблицы.

Общая классификационная система поведенческих стратегий социальной общности

№	Основание	Тип
1	Сфера жизнедеятельности социальной общности	экономические, образовательные, профессиональные, карьерные, семейно брачные, репродуктивные, стратегии бытового обеспечения
2	Функции поведенческих стратегий	адаптационные, конкурентные, инновационные, стратегии выживания, стратегии взаимодействия и т.д.
3	Характер социальной активности	активные, реактивно адаптивные, пассивные
4	Характер социального обмена	присваивающие, сбалансированные (гармоничные), отдающие
5	Влияние на результаты жизнедеятельности	конструктивные, деструктивные
6	Наличие элемента творчества	креативные (созидающие), обыденные (повседневные)
7	Направленность изменений	прогрессивные, регрессивные
8	Степень инновационности моделей поведения	инновационные, традиционные
9	Степень аффилиации	сближающие, обособливающие

Окончание табл.

10	Степень осознания представителями социальной общности сущности и целей реализуемой линии поведения	сознательно конструируемые, стихийно складывающиеся
11	Степень совпадения с целями и задачами общества	просоциальные, асоциальные, антисоциальные
12	Возможности достижения главной цели	эффективные, малоэффективные, неэффективные

¹ Составлено и дополнено (№ 4, 9) автором на основе классификации Г.Е. Зборовского [3, с. 44-45].

Попытки классификации жизненных и поведенческих стратегий многократно предпринимались представителями различных наук. В миграционном контексте, исходя из, пожалуй, самой распространенной типологии жизненных стратегий, предложенной Т.Е. Резником, Ю.М. Резником и Е.А. Смирновым [12; 18] (стратегия: жизненного благополучия, жизненного успеха, самореализации), отметим, что деятельность трудовых мигрантов в наибольшей степени соответствует стратегии жизненного благополучия. При этом собственно миграция выступает в роли способа трудоустройства, а ведущая (трудовая) деятельность в месте вселения превращается в один из главных источников жизнеобеспечения.

Итак, обозначим ряд наших принципиальных позиций относительно рассматриваемого понятия.

Жизненная стратегия:

- система целевых ориентаций, имеющая социально-психологический генезис, т.е. являющаяся отражением и выражением как индивидуальных свойств субъекта, так и особенностей средовых воздействий на него. Таким образом, находясь в постоянной динамике, рассматриваемая система безусловно охватывает весь социальный (социокультурный) и психологический контекст жизни;

- реализуется в ходе повседневной жизни (настоящее) и ориентирована на достижение определенных целей (будущее);

- включает в себе идеальное и реальное, субъективное и объективное, психическое и социальное, индивидуальное и типическое, представляя собой сложнейший междисциплинарный феномен;

- являясь динамической системой, предполагает непрерывность процесса определения и корректировки целей, а также средств и способов их достижения в контексте социальных взаимодействий и отношений;

- регулирует социальное поведение субъекта, раскрывая свое содержание в различных жизненных ситуациях, связанных с выбором.

Вместе с тем, внесем следующие уточнения и дополнения:

- анализ структуры и содержания целей, последовательности их возникновения и степени реализованности, позволяет исследователю прояснить спе-

цифику, а также будущность жизнедеятельности социального субъекта, т.к. ни одна цель не может быть воплощена в жизнь вне данного процесса;

- жизненная цель социальной общности в сущности должна являться интегратором множества частных целей одного порядка, сформированных отдельными представителями рассматриваемого субъекта. Вместе с тем, цели социальной общности имеют особые наиндивидуальные свойства (не всегда могут четко осознаваться отдельными членами; достижение некоторых целей может осуществляться на протяжении жизни нескольких поколений и др.);

- процесс реализации жизненных целей неизбежно сопряжен с необходимостью разрешения трудностей или противоречий, присущих жизнедеятельности любого социального субъекта;

- жизнедеятельность социального субъекта непременно предполагает некоторую активность (как один из основополагающих элементов социального поведения, в том числе выполняющий функции организации и регуляции жизни).

В заключение обратимся к миграционной специфике. Этот элемент (социальный субъект) непременно находится в постоянной динамике, постепенно трансформируясь, приобретая новые качества. При этом специфика жизненных стратегий и их осуществление во многом определяется характером «встроенности» субъекта в общественные связи.

Прежние социальные и культурные стандарты, их смысловое содержание, безусловно формируют обобщенные установки приезжих, в том числе характеризующие возможности их настоящей жизни. Однако для мигранта, успешно усвоившего некогда новую для себя специфику ценностно-нормативной системы принимающего сообщества, характерно (в той или иной степени) переоценивание и переориентация собственной жизни с выработкой/корректировкой поведенческих моделей (адекватных новому социокультурному пространству), а также отказом от некоторых прежних неэффективных установок, стереотипов и предрассудков, препятствующих успешной жизнедеятельности на новом месте.

Внешние трудовые мигранты как особая социальная общность вероятно ориентированы на выработку и воплощение эффективных стратегий поведения как способов решения, неизбежно возникающих на новом месте жизненных трудностей и достижения поставленных целей.

Стратегическое поведение, как уже отмечалось ранее, основано на социальных ожиданиях и представлениях о будущем. Однако следует отметить, что жизненное пространство иностранных работников достаточно рискогенно, т.к. их проживание и трудовая деятельность в местах вселения зачастую не в полной мере охвачены нормами права, а также знанием этих норм, общественной морали, местных традиций и др. Среда проживания представителей рассматриваемой социальной общности в целом характеризуется для них некоторой неопределенностью и нестабильностью. Тем не менее, в имеющихся условиях все же необходимо осуществлять тот или иной жизненный выбор. Таким образом, предполагаем, что жизненные стратегии внешних трудовых мигрантов отличаются своей нечеткостью, а также неустойчивостью.

Следует признать, что характер жизненных стратегий мигрантов в значительной степени определяется состоянием и установками принимающего сообщества. Считаем, что для успешной адаптации иностранных работников, самореализации и раскрытия их человеческого потенциала в местах вселения безусловно необходимо активное содействие местного населения, в том числе в направлении формирования эффективных жизненных стратегий в соответствии с поставленными целями и задачами.

Знание специфики жизненных стратегий внешних трудовых мигрантов очень важно, поскольку реализация этих стратегий нередко вступает в противоречие с жизнью принимающего сообщества. В ряде случаев намерения приезжих, их цели и задачи порождают открытый конфликт с местным населением.

Сбор и анализ информации об особенностях жизненного ориентирования иностранных трудовых мигрантов, их социальных ожиданиях и представлениях о будущем безусловно будет способствовать правильному пониманию их поведения в целом; формированию адекватных управленческих решений, позволяющих раскрыть потенциал всего мигрантского сообщества, реализовав их социальный капитал; а также созданию среды, эффективной и малоконфликтной межкультурной коммуникации.

Список литературы

1. Сердюков К.Н. Трудовая миграция населения: основополагающие теории, система детерминации, адаптационно-интеграционные процессы // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2019. Вып. 2. С. 87-98.
2. Резник Т.Е. Методология комплексного изучения жизненных стратегий личности // Личность. Культура. Общество. 2000. Т. II. Вып. 2 (3). С. 40-59.
3. Управление стратегиями поведения городских общностей: проблемы и возможности / Г.Е.Зборовский, Е.А. Шуклина, П.А. Амбарова, М.В. Певная, А.А. Кузьминчук / Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. 200 с. [Электронный ресурс]. URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/28072/1/978-5-7996-1338-9_2014.pdf (дата обращения: 01.10.2018).
4. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. 160 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://rubinstein-society.ru/engine/documents/document214.pdf> (дата обращения: 02.10.2018).
5. Резник Т.Е., Резник Ю.М. Жизненное ориентирование личности: анализ и консультирование // Социологические исследования. 1996. № 6. С. 110-119.
6. Маслова Е.С. Исследовательские различия трактовок детерминант и механизмов поведенческих и жизненных выборов субъектов жизнедеятельности // Гуманизация образования. 2016. № 3. С. 24-30.
7. Селезнева Е.В., Мельничук А.С. Способность к целеполаганию как фактор стратегичности жизни // Мир психологии. 2009. № 4 (60). С. 215-223.
8. Дементий Л.И., Купченко В.Е. Жизненные стратегии. - Омск: Изд-во ОмГУ, 2010. 192 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.book.org/book/2913371/bb6219> (дата обращения: 11.11.2018).

9. Исакова Т.А. Теоретические аспекты формирования жизненных и профессиональных планов личности детей-сирот // Вести БГПУ. Сер. 1. Педагогика. Психология. Философия. 2009. № 2. С. 32-35.
10. Наумова Н.Ф. Социологические и психологические аспекты целенаправленного поведения. М.: Наука, 1988. 199 с.
11. Резник Ю.М. Жизненный выбор человека: сущность и стратегии реализации // Личность. Культура. Общество. 2012. Т. XIV. Вып. 2 (71-72). С. 123-136.
12. Резник Ю.М., Смирнов Е.А. Жизненные стратегии личности (опыт комплексного анализа). М.: Ин-т человека РАН, Независимый ин-т гражд. об-ва, 2002. 259 с.
13. Алиев Ш.И., Ельникова Г.А. Динамика системы личностного проектирования жизни // Вестник Дагестанского научного центра, 2011. № 40. С. 58-64.
14. Наумова Н.Ф. Жизненная стратегия человека в переходном обществе // Социологический журнал, 1995. № 2. С. 5-22.
15. Константинов В.В. Стратегии поведения мигрантов в процессе их социально-психологической адаптации к новым условиям жизни // Мир науки, культуры, образования, 2018. № 2 (69). С. 422-426.
16. Константинов В.В. Социально-психологическая адаптация мигрантов в принимающем поликультурном обществе // автореф. дис. ... д-ра. социол. наук. Саратов, 2018. 53 с. [Электронный ресурс] URL: https://www.sgu.ru/sites/default/files/dissertation/2018/06/25/konstantinov_dissertaciya.pdf (дата обращения: 23.11.2018).
17. Осмачко Н.В. Жизненные стратегии студенческой молодежи в социокультурном пространстве России: дис. ... канд. социол. наук. Владивосток, 2005. 260 с.
18. Резник Т.Е., Резник Ю.М. Жизненные стратегии личности // Социологические исследования. 1995. № 12. С. 100-105.

Сердюков Константин Николаевич, аспирант, customs-toll@yandex.ru, Россия, Владивосток, Дальневосточный федеральный университет

LIFE STRATEGIES OF FOREIGN LABOR MIGRANTS: GENERAL STRUCTURAL AND SPECIFIC COMPONENTS

K.N. Serdyukov

The article actualizes the problems of life strategies of foreign labor migrants.

The most important components of the concept of "life strategy" are considered. Taking into account the specifics of migration, special attention is paid to the adaptation mechanism. As a phase of implementation and concretization of the life strategy it is proposed to consider the formed set of behavioral strategies of the social subject. On this basis, a general classification system of social community behavior strategies is presented. In conclusion, a number of principal positions of the author are presented regarding the category itself, as well as aspects of its contextual understanding.

Key words: life strategies, behavioral strategies, external migration, foreign labor migrants, social community.

Serdyukov Konstantin Nikolaevich, postgraduate, customs-toll@yandex.ru, Russia, Vladivostok, Far Eastern Federal University

АКТИВИЗАЦИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ И СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИЙ

З.И. Коннова, Г.В. Семенова

В статье говорится об исследовании социокультурной и социолингвистической компетенций в профессионально ориентированном обучении иностранным языкам в неязыковом вузе. Это вызвано потребностью в изменении дидактических условий языковой подготовки студентов в соответствии с современными требованиями высшего образования, профессиональными и личностными интересами будущих специалистов. Авторами разработана модель формирования социокультурной и социолингвистической компетенций студентов бакалавриата в процессе изучения иностранного языка, которая предусматривает гармоничное сочетание учебной и внеучебной деятельности.

Ключевые слова: социокультурная компетенция, социолингвистическая компетенция, иноязычная компетенция, социокультурный аспект, активизация познавательной деятельности, профессиональная деятельность, неязыковой вуз.

В настоящее время во многих европейских странах, в том числе и в России, наблюдаются изменения социокультурного контекста иностранного языка, что проявляется, в первую очередь, в соизучении языков и культур. Тезис о неотделимости преподавания языка от параллельного ознакомления с культурой стран изучаемого языка, их историей и современной жизнью рассматривается как отражение национальной культуры. На этом основании можно заключить, что социокультурный аспект является постоянной, неотъемлемой частью образовательного процесса, что особенно актуально в рамках иноязычного обучения студентов высших учебных заведений.

Научный интерес к исследованию социокультурной компетенции в профессионально ориентированном обучении иностранным языкам в неязыковом вузе вызван потребностью в изменении дидактических условий языковой подготовки студентов в соответствии с современными требованиями высшего образования, профессиональными и личностными интересами будущих специалистов.

В настоящее время речь идет о необходимости более глубокого и тщательного изучения мира (не языка, а мира) носителей языка, их культуры в широком этнографическом смысле слова, их образа жизни, национального характера, менталитета и т. п., потому что реальное употребление слов в речи, реальное речевоспроизводство в значительной степени определяется знанием социальной и культурной жизни говорящего на данном языке речевого коллектива [1, с. 28].

В современных социолингвистических исследованиях принята аксиома обучения, которая состоит в том, что без личностной активности студентов, без применения форм и методов, активизирующих их познавательную деятельность в процессе обучения, никакая качественная подготовка специалиста не

получится. Опыт высшей школы показывает, что в практике вузовского обучения постоянно идет поиск путей интенсификации обучения.

Основу исследования проблемы формирования иноязычной социокультурной и социолингвистической компетенций составляют теоретические положения, разработанные отечественными и зарубежными учеными в различных научных областях (Е.М. Верещагин, И.А. Зимняя, В.Г. Костомаров, И.Л. Бим, Як ван Эк, С.Г. Тер-Минасова, Н.Д. Гальскова, Г.Д. Томахин, В.В. Сафонова, П.В. Сысоев, Р.П. Мильруд, И.И. Халеева и др.).

В социокультурном плане активизация познавательной деятельности выступает и в качестве предпосылки, и в качестве результата сознательного овладения знаниями, навыками и умениями, ведь никакие приемы и способы преподавания не смогут стать эффективным средством активизации познавательной деятельности без осознания природы управления в системе «преподаватель – студент» [2, с. 227]. Осмысление традиционных и нетрадиционных форм и методов взаимодействия преподавателя и обучаемого студента с позиций педагогической и социальных наук необходимо считать одним из важнейших путей решения проблемы управляемости учебным процессом в вузе.

Для того чтобы студент осознанно и глубоко усваивал материал и при этом у него формировались необходимые приемы познавательной деятельности, ему следует обладать сформированной последовательностью умственных операций. А для этого деятельность студента должна быть не только организуемой, но и управляемой преподавателем на всех этапах обучения, включая и создание условий для творческой деятельности, если нет жесткой схемы действий обучаемого.

От того, насколько студент будет заинтересован в приобретении знаний, от его внутренней установки на обучение и воспитание, инициативы, настойчивости и трудолюбия в определяющей степени зависят успехи или неудачи в подготовке будущего специалиста. Познавательная активность может в известных пределах компенсировать недостатки в лингвистических способностях студентов неязыковых специальностей к овладению тем или иным языковым материалом.

Учитывая отечественные и зарубежные результаты социокультурных и социолингвистических исследований, можно сказать, что к числу основных современных находок в этих поисках можно отнести: проблемно-поисковое обучение, деловые и познавательные игры, веб-квесты, ситуационные задачи, кейсы и т.п. Названные методики позволяют повысить активность и самостоятельный поиск студентов в учебном процессе в вузе. Они перспективны для развития социокультурной и социолингвистической иноязычной компетенции, поэтому авторы считают, что в сегодняшней ситуации есть необходимость рассмотреть и проанализировать приемы и способы активизации их познавательной деятельности. Этого можно достигнуть только при полном понимании обучения как личностно-опосредованного процесса взаимодействия и обучения преподавателя и студентов, направленного на достижение объединяющей их цели – подготовке высококвалифицированного специалиста.

Наиболее характерным направлением совершенствования содержания подготовки и активизации познавательной деятельности студентов является создание такой образовательной среды, в которой обучающийся студент может занять активную личностную позицию и в наиболее полной мере раскрыться как субъект учебной деятельности. Без необходимого уровня активности студента, выражающегося в элементарных актах внимания, не сможет произойти даже простейший факт познания. Поэтому речь должна идти не о противопоставлении "активный" – "пассивный", а об уровне и содержании активности студента, обусловленных тем или иным методом обучения: активности на уровне восприятия и памяти, воображения и творческого мышления, активности воспроизведения, воссоздания или создания нового, а также социальной активности обучающегося и т.д.

Интенсификация процесса обучения иностранным языкам, повышение его эффективности обеспечивается в значительной степени формированием у обучаемых адекватных мотивов учения, а также, как пишет Б. А. Лапидус, воспитанием "продуктивного в учебном отношении внутреннего поведения" на практических занятиях [3, с. 6]. Однако реализация этой цели подразумевает наличие в представлении обучаемых и у преподавателя некоторого эталона, который обеспечивал бы сопоставимость результатов усилий по овладению иностранным языком на разных этапах обучения и конкретизировал бы общую перспективу движения к конечному результату.

Наиболее эффективный способ активизации – вовлечение студентов в творческий процесс решения будущих профессиональных задач, показ диалектики научного поиска. Для студента важно мысленно пройти все существенные этапы активного поиска, пережить противоречия творческого мышления.

Новые социально-политические, экономические и культурные реалии, процессы интеграции привели к значительному расширению всесторонних контактов, в том числе профессиональных. Поэтому роль иностранного языка как общеобразовательной дисциплины поднялась на качественно более высокий уровень, т.к. он реально востребован в практической и интеллектуальной деятельности специалистов не только языкового профиля.

Таким образом, для более качественной подготовки студентов неязыковых вузов к реальной профессиональной деятельности и социальному взаимодействию, включая знание предмета, развитие и воспитание личности обучающегося, обучение иностранному языку следует рассмотреть как:

- 1) средство межкультурного общения и обобщения достижений различных культур, составляющих единое целое в общем наследии человечества;
- 2) обучение формам общественного самовыражения в обществе, которые призваны этически приемлемыми;
- 3) обучение этике речевого дискуссионного поведения;
- 4) взаимосвязанное формирование и развитие всех компонентов коммуникативной компетенции (языковой, речевой и социокультурной) [4, с.78].

Отсюда можно сделать вывод, что основой обучения иностранному языку является целенаправленное соизучение языков и культур в процессе овладения нормами межкультурного общения в изучаемых сферах (социально-бытовой, деловой, общественно-политической, научной, технической, педагогической), включающее коммуникативно-познавательное соизучение национальных языковых культур в контексте жизнедеятельности стран изучаемого и родного языков [5, с. 269].

В настоящее время востребованными оказываются компетенции, повышающие статус гуманитарных специальностей [6, с.31]. В современных исследованиях особое внимание уделяется анализу коммуникативных актов и их соотносительности с культурой поведения носителей различных языков, представителей тех или иных социальных слоев конкретного общества, их ролевого поведения в конкретном ситуативном контексте. Человек развивается в социальной среде, поэтому содержание образования должно быть приближено к социальным процессам [7, с. 15]. Поэтому упор на формирование социокультурной и социолингвистической компетенции у студентов обусловлен необходимостью развивать способности использовать языковые формы в соответствии с ситуацией общения, т.е. владеть ситуативными вариантами языка [8, с.118].

Известно, что у каждой культуры своя логика, свое представление о мире, влияющее на коммуникативное поведение. То, что значимо в одной коммуникативной культуре, может быть несущественным в другой. Приобретение социолингвистической компетенции другого языка может быть процессом долгим и сложным, так как он подразумевает осознание социальных ценностей, которые лежат в основе различных способов использования языка данным лингвистическим социумом.

В связи с вышесказанным следует отметить, что в настоящее время сложились противоречия между потребностью общества в специалистах, способных осуществлять профессиональную деятельность в поликультурном бизнес-пространстве и отсутствием социокультурных образовательных моделей для их подготовки.

В ходе настоящего исследования было выявлено, что формирование социокультурной и социолингвистической компетенций у студентов находится в прямой зависимости от уровня их профессионального мышления, от правильно поставленной цели в обучении иностранному языку, от подходов и принципов, способствующих реализации цели нашего исследования, от технологий, используемых на занятиях по иностранному языку и способствующих формированию социокультурной и социолингвистической компетенций, а также от условий, создаваемых для эффективного достижения поставленной цели. Процесс овладения компетенциями должен строиться на процессе развития профессионального мышления, которое определяет успешность овладения социокультурной и социолингвистической компетенциями будущего специалиста [9].

Авторами была разработана следующая модель формирования социокультурной и социолингвистической компетенций у студентов бакалавриата в процессе изучения иностранного языка, которая предусматривает гармоничное сочетание учебной и внеучебной деятельности (табл.).

Модель формирования социокультурной и социолингвистической компетенций студентов в процессе обучения иностранным языкам в неязыковом вузе

ЦЕЛЬ:
развитие социокультурной и социолингвистической компетенций студентов
ЗАДАЧИ:
<ul style="list-style-type: none"> - умение логически верно, аргументировано и ясно строить устную и письменную речь; - владение одним из иностранных языков на уровне, обеспечивающем эффективную профессиональную деятельность; - владение высокой иноязычной конкурентоспособностью в сфере профессиональной деятельности с учетом региональных особенностей
ПОДХОДЫ:
компетентностный, культурологический, коммуникативный, личностно-деятельностный
ПРИНЦИПЫ:
социализации, социокультурной и социолингвистической направленности, активизации творческого потенциала студентов, ситуативно-стимулирующей организации обучения
СОДЕРЖАНИЕ:
<p><i>Учебная деятельность:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> - курс «Иностранный язык»; - курс «Иностранный язык в профессиональной сфере»; - курс «Деловой иностранный язык»; - курс «Профессиональный иностранный язык»; - курс «Иностранный язык в сфере юриспруденции». <p><i>Внеучебная деятельность:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> - олимпиады; - ролевые игры; - творческие конкурсы; - конференции, Студенческие чтения; - проектные технологии
УРОВНИ:
высокий, средний, низкий
РЕЗУЛЬТАТ:
переход на более высокий уровень сформированности социокультурной и социолингвистической компетенции

С содержательной точки зрения формирование социокультурной компетентности студентов возможно посредством сочетания учебной и внеучебной работы. Программы многих учебных дисциплин по иностранному языку предусматривает взаимосвязанное обучение всем видам речевой деятельности в рамках определенного программой предметно-тематического содержания, а также овладения технологиями языкового самообразования. Подготовка дидактически правильного подбора учебного материала по формированию социо-

культурной компетенции способствует повышению уровня общего и международного образования студентов [10, с. 78].

К основным принципам подбора материала относится актуальность его содержания, возможность усвоения данного содержания при определенных условиях обучения, а также технология их поэтапного применения для успешного формирования социокультурной компетенции при профессиональной ориентации обучения в неязыковом вузе. При отборе материалов необходимо ориентироваться на содержание в них реальных фактов, на значение этих фактов в иноязычной культуре и, соответственно, на дидактическое значение для обучаемого [11, с. 78].

Таким образом, формирование социокультурной и социолингвистической компетенций является инновационной стратегией современного языкового образования, в частности, ее развитие у студентов неязыковых специальностей. И этот процесс:

- совершенствует умения адекватно оценивать коммуникативную ситуацию и реагировать на высказывания собеседника, используя речевые образцы, модели, приемлемые в конкретной ситуации общения;

- стимулирует интерес обучающихся к проблемам социокультурной коммуникации;

- знакомит обучаемых с языковыми и межкультурными конфликтами, возникающими в обществе при нарушении языковых и гражданских норм, с существующими способами их устранения в мировой практике;

- обеспечивает социокультурное оснащение изучаемых тем посредством лингвострановедческого, страноведческого, культуроведческого, социолингвистического и социологического обогащения коммуникативной практики;

- усиливает когнитивную и развивающую функции учебного процесса, что положительным образом влияет на отношение обучающихся к другим лингвокультурам;

- модернизирует процесс обучения иностранным языкам в неязыковом вузе за счет включения в содержание учебной программы заданий коммуникативной направленности, в процессе выполнения которых обучающиеся имеют возможность познакомиться с особенностями коммуникативного поведения представителей иноязычных стран.

Таким образом, представленная модель формирования социокультурной и социолингвистической компетенций отражает профессионально направленную специфику обучения иностранному языку в неязыковом вузе. Она отвечает современным образовательным требованиям к выпускникам бакалавриата, а также их профессиональным и личностным интересам. Комплексное формирование всех составляющих социокультурной и социолингвистической компетенций в рамках профессионально ориентированной иноязычной коммуникативной компетенции направлено на достижение определенного уровня владения социокультурными знаниями и умениями, необходимых для осуществления адекватного межкультурного профессионального иноязычного общения.

Список литературы

1. Тер-Минасова Г.С. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000. 146 с.

2. Коннова З.И. Развитие профессиональной иноязычной компетенции будущего специалиста при многоуровневом обучении в современном вузе: дис. ... д-ра пед. наук / Тульский государственный университет. Тула, 2003. 356 с.

3. Лapidус Б.А. О необходимости специальной воспитательной работы со студентами языкового вуза в интересах повышения эффективности аудиторных занятий (к постановке проблемы) // Иностранные языки в школе. 1982. Вып. 17. С.5-12.

4. Сафонова В.В. Изучение языков международного общения в контексте диалога культур и цивилизаций. Воронеж: Истоки, 1996. 237 с.

5. Захарова Е.В., Посельская Н.В. Основы формирования социокультурной компетенции студентов при обучении иностранному языку в неязыковом вузе // Сибирский педагогический журнал. 2012. № 4. С. 268-273.

6. Батанина И.А. Реализация основных образовательных программ гуманитарного профиля по ФГОС ВПО: проблемы и перспективы // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2011. Вып. 3. Ч.2. С.31-35.

7. Кондратенко Н.А. Подготовка к непрерывному образованию как социальная функция института образования в современной России: монография / под ред. д-ра полит. наук, проф. И. А. Батаниной. Тула: Изд-во ТулГУ, 2008. 208 с.

8. Маргус Т. О социолингвистической компетенции студентов // Высшее образование в России. 2007. № 2. С. 118-120.

9. Грибова Н.С. Модель формирования социокультурной компетенции у студентов-медиков в процессе изучения иностранного языка // Вестник ТГУ. 2012. Вып. 6. С. 149-153.

10. Коннова З.И., Семенова Г.В. Формирование социокультурной компетенции студентов на занятиях по иностранному языку // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2018. № 4. С. 71-80.

11. Там же.

Коннова Зоя Ивановна, д-р. пед. наук, проф., зав. кафедрой иностранных языков, konnova71z@gmail.com, Россия, Тула, Тульский государственный университет,

Семенова Галина Владимировна, к. пед. н., доцент, кафедра иностранных языков, galinasem27.03@mail.ru, Россия, Тула, Тульский государственный университет

ACTIVATION OF COGNITIVE ACTIVITY OF STUDENTS IN THE FORMATION OF SOCIO-CULTURAL AND SOCIOLINGUISTIC COMPETENCIES

Z. I. Konnova, G. V. Semenova

The article deals with the study of socio-cultural and sociolinguistic competences in professionally oriented teaching of foreign languages in a non-linguistic University. This is due to the need to change the didactic conditions of language training of students in accordance with modern requirements of higher education, professional and personal interests of future specialists. The authors have developed a model of formation of socio-cultural and sociolinguistic competences of

students in the process of learning a foreign language, which provides for a harmonious combination of educational and extracurricular activities.

Key words: sociocultural competence, sociolinguistic competence, foreign language competence, sociocultural aspect, activation of cognitive activity, professional activity, non-linguistic University.

Konnova Zoya Ivanovna, doctor of pedagogical sciences, professor, head of foreign languages department, konnova71z@gmail.com, Russia, Tula, Tula State University,

Semenova Galina Vladimirovna, candidate of pedagogical sciences, associate professor at foreign languages department, galinasem27.03@mail.ru, Russia, Tula, Tula State University.

УДК 316.346.32

ФОРМЫ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ И СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЯ ЖИТЕЛЕЙ ВОЛГОГРАДА)

М.Б. Полтавская

Представлен анализ социальной активности жителей г. Волгоград двух поколений: молодежи и граждан пожилого (третьего) возраста. Приводится обзор теорий социальной активности граждан третьего возраста, имеющих общее основание – активную позицию акторов, их включенность в общественную жизнь. Данные проведенного исследования жителей Волгограда методом формализованного интервью подтвердили гипотезу о снижении социальной активности с возрастом. Результаты исследования могут быть использованы руководителями муниципальных образований Волгограда для разработки мероприятий, позволяющих задействовать потенциал молодежи и граждан третьего возраста для социально-экономического и культурного развития территории.

Ключевые слова: социальная активность, социально ориентированные некоммерческие организации, молодежь, третий возраст, поколение, благотворительность.

Статья подготовлена в рамках реализации гранта № 17-13-34010 «Ресурсный потенциал некоммерческих организаций в сфере социального предпринимательства» при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Волгоградской области.

Сегодня ключевыми критериями для дифференциации являются образование, уровень дохода, профессиональная принадлежность, половозрастная структура населения. По этим критериям или их комбинациям можно охарактеризовать социальный статус и социальные роли индивида. Однако в современном обществе социальные роли меняются, границы между ними стираются. В данной статье речь пойдет о социальной активности двух поколений: молодежи (от 18 до 29 лет) и граждан пожилого (третьего) возраста, представленных в данном исследовании респондентами в возрасте 60 лет и старше. Мы используем понятие «поколение», вкладывая в него помимо демографической трактовки (поколение как когорта - люди, рожденные в одно время и составляющие

структуру населения), социологическую [1], в которой важно «самосознание группы индивидов, родившихся в одно время и имеющих общий опыт, общие интересы и взгляды» [2, с. 213].

Разграничение разных этапов жизни имеет долгую историю и восходит к средневековью [3]. Молодежь, возрастные границы которой в данном исследовании представлены от 18 до 29 лет, часто наделена «наибольшим зарядом социальной активности, готовностью к реальному действию и творчеству, более рискованна в борьбе за свои убеждения и интересы» [4]. В период молодости закладываются базисные составляющие, определяющие жизнедеятельность человека в дальнейшем: ценностные ориентации, жизненные стратегии и социальные практики. Положение молодежи, как правило, в общественной структуре нестабильно.

Общемировая тенденция увеличения количества пожилых людей, растущая продолжительность жизни позволяют им сохранять свою социальную активность в различных сферах, следовательно, существует потребность интеграции данной категории граждан в активную социальную жизнь современного российского общества. Концепция третьего возраста в отечественной научной литературе в методологическом и теоретическом плане начала активно обсуждаться менее десяти лет назад [5; 6; 7], в то время как за рубежом различные аспекты жизнедеятельности представителей третьего возраста исследуются с конца XX века.

В середине XX в. доминировала точка зрения, что пожилой человек перестает быть социальным актором, теряет социальную значимость, а индивидуальные особенности и внутренние обстоятельства перестают сильно влиять на личностную идентификацию [8]. В конце XX в. разрабатывается концепция третьего возраста, рассматривающая людей, вышедших на пенсию, как акторов, обладающих большим «агентским» потенциалом [9].

Наряду с концепцией третьего возраста в зарубежной литературе можно выделить релевантные теории, исследующие социальную активность старших поколений. Концепция «активного долголетия» (active aging), подчеркивающая взаимосвязь между старением, активностью, здоровьем и независимостью [10]. Концепция «здорового старения» (healthy aging), которая учитывает не только показатели здоровья, но и психологические, социальные и экономические аспекты старения в гендерной и культурной перспективе [11]. Концепция «успешного старения» (successful aging) сосредотачивается на образе жизни, подразумевающим активную включенность в общественную жизнь, низкую подверженность болезням, способность к умственному и физическому функционированию [12]. Концепция «позитивного старения» (positive aging) основана на идее геротрансцендентности: таком мироощущении, которое возникает при переходе от периода взрослости к периоду старения [13].

Все эти концепции, изучающие представителей старших поколений, имеют общее основание – активную позицию акторов, их включенность в общественную жизнь. Период третьего возраста называют «второй жизнью» зрелых людей, поскольку с уходом на пенсию у них появляется возможность самореализации, рефлексии опыта прожитых лет, а современные медицинские

технологии позволяют сохранять не только социальную, но и физическую активность вплоть до 70 лет и более [14, с. 32]. Таким образом, под гражданами третьего возраста в данном исследовании понимается возрастная категория граждан от 60 лет и старше, которые с уходом на пенсию не изменили привычный ритм жизни и свое поведение.

Среди современных отечественных исследований социальной активности молодежи можно отметить работы, посвященные: активности студенческой молодежи вузов [15]; формам, мотивам, психологическим детерминантам социальной активности [16; 17]. Социальная активность представлена как элемент самоопределения молодежи [18], как основа гражданской активности [19]. По мнению И.А. Скалабан, интерес к социальной активности служит признаком потребности общества в участии как механизме мобилизации ресурсов [20, с. 226].

В современном обществе, в том числе и российском, происходит смена парадигм в понимании старения, изменилась политика государства по отношению к пожилым [21]. Ученые предпринимают попытки социологической концептуализации и проблематизации тематики старения, уважения старости [22], исследуются статусные характеристики и выявляются проблемы старшего поколения [23].

Исследованию социальной активности старшего поколения посвящен ряд современных работ. Направления социальной активности пожилых людей изучает Т.Р. Марунова [24]. Факторы, влияющие на социальную активность старшего поколения, выделены в работе Е.В. Щаниной [25]. Практики социального участия старших поколений в современном российском обществе исследуются М.Э. Елютиной [26]. Приведенные в обзоре литературы работы составили теоретическую и методологическую основу данного исследования.

В исследовании социальная активность определяется как интегральная оценка целенаправленной деятельности, ориентированной на преобразование общественной среды. Из многообразия сфер социальной активности жителей г. Волгоград были выделены сфера благотворительной и общественно-полезной деятельности, выявлены причины участия/неучастия в деятельности некоммерческих организаций, в благотворительности. Социальная активность различных поколений жителей г. Волгограда зависит от объективных (социально-экономическое развитие города, уровень дохода, качество жизни и др.) и субъективных факторов (личностные качества индивида, мотивация, жизненная позиция и др.). Цель исследования - выявить, каким образом проявляют социальную активность представители молодого и старшего поколения (60 лет и старше) жителей Волгограда.

Исследование осуществлялось методом формализованного интервью лиц старше 18 лет, постоянно проживающих на территории Волгограда, в апреле 2018 г. Генеральная совокупность – население Волгограда (по данным Росстата на 1 января 2017 г. численность населения Волгограда 1015586 чел.), N=655. Формирование выборочной совокупности происходило по принципу стратифицированной выборки с использованием метода случайного бесповторного отбора респондентов и процедуры квотирования по половозрастному и территориальному признакам. Из массива N=655 были отобраны

согласно возрастным границам исследования N=321 (165 чел. (18-29 лет), 156 чел. (старше 60 лет). Анализ данных осуществлялся с помощью программы SPSS Statistics.

Одной из задач исследования являлось определение отношения населения Волгограда к социально ориентированным некоммерческим организациям (далее СО НКО) как институциональным структурам, аккумулирующим социальную активность граждан.

Гипотеза о том, что с увеличением возраста информированность граждан снижается, в основном подтвердилась. Такая тенденция прослеживается на примере различных видов некоммерческих организаций. Исключение составляют организации, работающие с инвалидами и пожилыми людьми, информированность о них с возрастом увеличивается. Это закономерно, поскольку они ориентированы в большей степени именно на эту целевую аудиторию. В табл. 1 структурированы данные ответа на вопрос «Вам приходилось слышать о следующих видах организаций? Отметьте все подходящие варианты ответов».

Таблица 1

Информированность о деятельности некоммерческих организаций в зависимости от возраста

Виды организаций	Вид распределения	Возраст, лет		Всего
		18-29	свыше 60	
Благотворительные организации	Частота	152	131	283
	%	53,7	46,3	100
Детские и молодежные организации	Частота	136	99	235
	%	57,8	42,2	100
Работающие с инвалидами, пожилыми людьми и др.	Частота	114	122	236
	%	48,3	51,7	100
Патриотические организации	Частота	108	104	212
	%	50,1	49,9	100
Спортивные и формирующие здоровый образ жизни	Частота	128	85	213
	%	60,0	40,0	100
Экологические и организации защиты животных	Частота	101	79	180
	%	56,1	43,9	100
Профессиональные и творческие союзы и ассоциации	Частота	89	77	166
	%	53,6	46,4	100
Количество, чел.	Частота	165	156	321
	%	51,4	48,6	100

Например, о деятельности детских и молодежных организаций молодое поколение информировано гораздо лучше: 57,8 % респондентов в возрасте от 18 до 29 лет, 42,2 % в возрасте старше 60 лет. Спортивные и формирующие

здоровый образ жизни организации также больше известны молодому поколению (60,0 %), чем старшему (40,0 %). А вот информированность о деятельности патриотических организаций практически одинаковая у разных поколений и от возраста не зависит: 50,1 и 49,9 % соответственно. Полученные данные позволяют сделать вывод, что информировать население о деятельности СО НКО следует с учетом социально-демографических характеристик целевой аудитории.

Характеристика социальной активности может быть дана через участие в деятельности СО НКО (табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Приходилось ли Вам участвовать в работе таких организаций?» в зависимости от возраста

Источник	Вид распределения	Возраст	
		18-29	свыше 60
Я и сейчас участвую	Частота	22	11
	%	13,3	7,0
Раньше принимал(а) участие, сейчас нет	Частота	53	52
	%	32,2	33,3
Нет, никогда не участвовал(а)	Частота	90	93
	%	54,5	59,7
Всего, чел.	Частота	165	156
	%	100	100

С возрастом активность снижается: среди респондентов до 29 лет участвующих в работе СО НКО 13,3 %, а среди тех, кому свыше 60 лет, таковых в два раза меньше (7 %). Однако примерно равное количество активных респондентов как среди молодежи, так и среди тех, кому старше 60 лет, раньше принимали участие в работе НКО: 32,2 и 33,2 % соответственно. Таким образом, по опыту участия в общественных организациях респонденты старше 60 лет (граждане, рожденные до 1957 г.) ничем не отличаются от нынешней молодежи.

Сравнивая данные ответа «раньше принимал участие, а сейчас нет» необходимо помнить, что опыт участия старшего поколения может относиться как минимум к четырем десяткам лет назад, тогда как у молодежи период, в котором они могли раньше принимать участие, около одного десятка лет. 54,5 % респондентов до 29 лет никогда не участвовали в работе общественных организаций, среди граждан третьего возраста таковых 59,7 %.

На вопрос, выявляющий причины участия в работе СО НКО («Почему Вы участвуете в работе организации? Отметьте все подходящие варианты ответов»), отвечали те респонденты, кто на данный момент участвует в деятельности СО НКО (рис. 1).

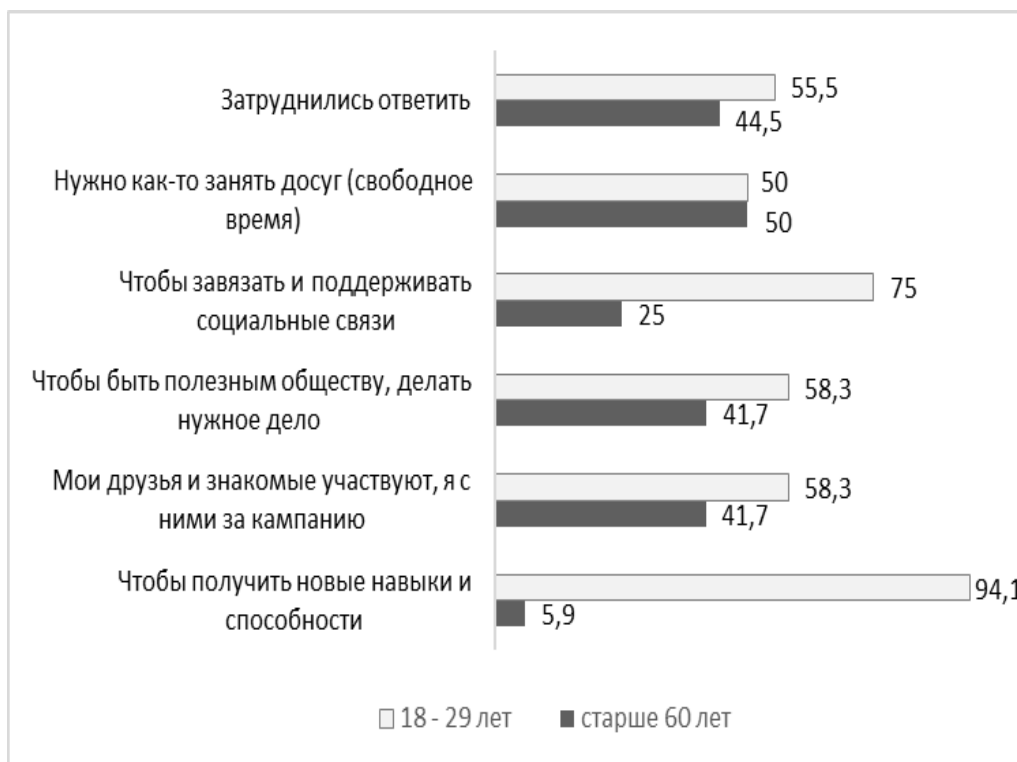

Рис.1. Причины участия в деятельности некоммерческих организаций, в %

Самой популярной причиной, по которой молодежь участвует в работе СО НКО, является получение новых навыков и способностей (94,1 %), в то время как граждан третьего возраста эту причину выбрали только 5,9 % респондентов.

Участвовать «за кампанию» более склонна молодежь, чем пожилые люди: 58,3 и 41,7 % соответственно. Завязывать и поддерживать социальные связи через участие в работе СО НКО также стремится чаще молодежь (75,0 %), чем старшее поколение (25,0 %). С одинаковой частотой была выбрана причина «чтобы как-то занять свободное время» (50,0 %) в обеих возрастных группах. Для старшего поколения самой распространенной причиной выступила необходимость занять свой досуг (50,0 %), далее расположились причины «быть полезным обществу, делать нужное дело» (41,7 %) и мотив «за кампанию» (41,7 %).

Среди причин неучастия в деятельности СО НКО (отвечали на вопрос респонденты, никогда не участвующие в работе СО НКО – 183 чел.) на первом месте нехватка времени. На рис. 2 представлены данные распределения ответов на вопрос «По каким причинам Вы не участвуете в работе организаций? Отметьте все подходящие варианты ответов». Так, среди граждан старше 60 лет нехватка времени как причина неучастия названа в 55,3 % случаев, среди молодежи до 29 лет – 44,7 %.

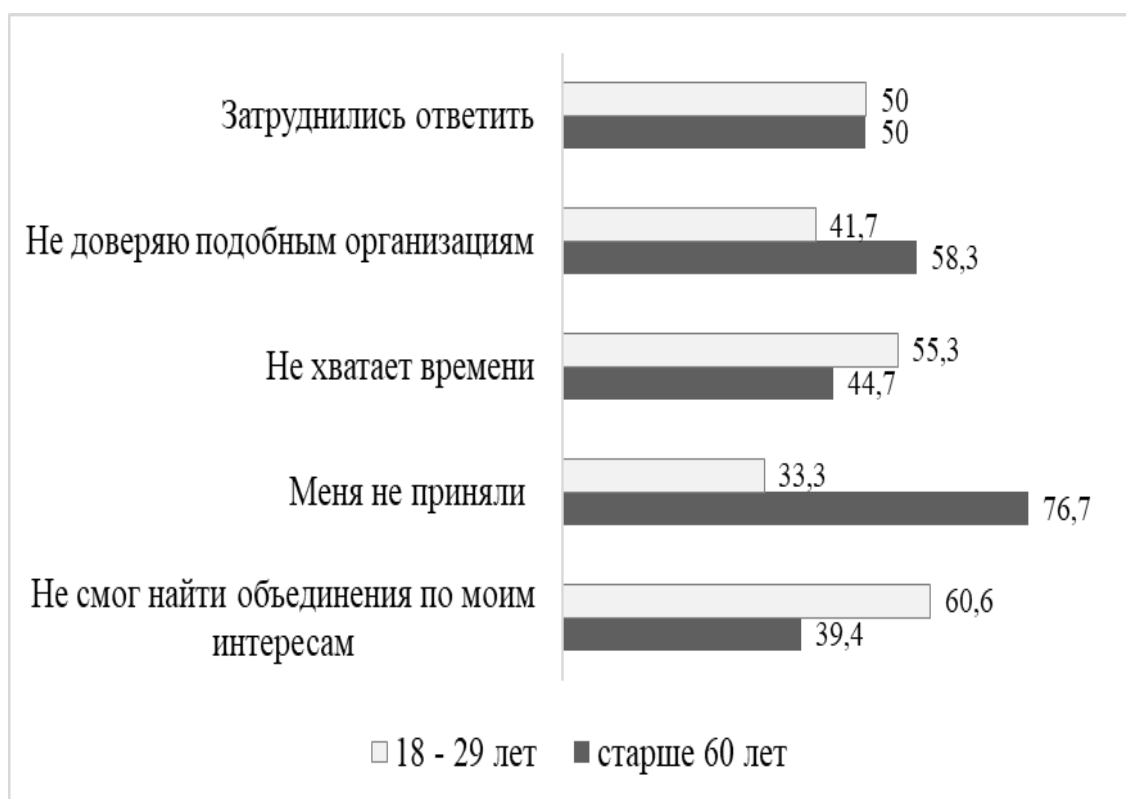

Рис. 2. Причины, по которым граждане не участвуют в деятельности некоммерческих организаций, множественный ответ, %

Причина «не смог (смогла) найти объединения по моим интересам» актуальна для молодежи до 29 лет (60,6 %), среди респондентов старших возрастов она называлась реже (39,4 %). Не доверяют подобным организациям, а потому и не участвуют в их деятельности 41,7% молодежи до 29 лет, 58,3 % респондентов старше 60 лет. Среди старшего поколения более чем в два раза чаще встречается причина «меня не приняли» (76,6 %), чем среди молодежи (33,3 %). Можно предположить, что возраст выступает барьером для участия в деятельности СО НКО.

Вовлеченность граждан в различные формы благотворительной и общественно-полезной деятельности позволяет охарактеризовать социальную базу СО НКО. Одной из задач исследования являлась характеристика участия волонтеров в добровольческой и благотворительной деятельности. При этом участие рассматривалось в трех формах – добровольчество (личное участие), финансовая помощь (перевод денежных средств) и материальная помощь (вещами и прочим). Среди граждан старше 60 лет не оказывают благотворительную помощь 60 %, в то время как среди молодежи до 29 лет такую помощь не оказывают 40 %. В качестве добровольцев пожилые граждане участвуют реже молодежи: не участвовали в качестве добровольца 68 % респондентов старше 60 лет и 32 % молодежи до 29 лет (рис. 3).

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Вы каким-либо образом оказывали благотворительную помощь?», %

Анализируя формы благотворительной и добровольческой деятельности, воспроизводимые на территории Волгограда, можно отметить, что среди респондентов старше 60 лет организовывали благотворительный проект 44 % респондентов, а среди молодежи до 29 лет – 56 %. Пожилые граждане старше 60 лет предпочитают такие формы участия: «Переводить деньги на благотворительный счет фондов, ассоциаций» – 48 %, «материальная помощь (вещами и прочим)» – 43 %, «переводить деньги на счет конкретного человека» – 41%. Представители молодого поколения в целом более активно проявляют себя в благотворительной деятельности, 56 % молодежи организовывали благотворительные проекты. Молодежь гораздо чаще предпочитает участвовать в качестве добровольца в благотворительном проекте (68 %), чем граждане третьего возраста (32 %).

Факторы мотивации участия в благотворительной и добровольческой деятельности можно выявить исходя из данных, полученных при ответе на вопрос «Почему Вы готовы принимать участие в такой деятельности?» Можно отметить, что получить новый опыт стремится прежде всего молодежь (70 %). Тех, кто преследует личную выгоду от участия в данных видах деятельности (получить социальные льготы и привилегии) среди респондентов старше 60 лет больше (59 %), чем среди молодежи (41 %) (табл. 3).

Таблица 3

Причины участия в благотворительной и добровольческой деятельности, множественный ответ, %

Высказывание	Вид распределения	Возраст, лет		Всего
		18-29	свыше 60	
Можно получит новый опыт	Частота	49	21	70
	%	70	30	100
Можно получить социальные льготы и привилегия	Частота	7	10	17
	%	41	59	100
Можно получить одобрение и признание со стороны общества	Частота	23	20	43
	%	53	47	100
Это хорошее средство для рекламы и формирования имиджа	Частота	4	3	7
	%	57	43	100
Мне нравится помогать другим людям	Частота	98	71	169
	%	58	42	100
Можно бесплатно принять участие в мероприятии или получить подарки	Частота	14	4	18
	%	78	22	100
Затруднились ответить	Частота	3	7	10
	%	30	70	100

В одобрении и признании со стороны общества заинтересованы оба поколения: 53 % в возрасте до 29 лет, 47 % в возрасте свыше 60 лет. Причина «мне нравится помогать другим людям» выбиралась чаще других, наибольшее количество респондентов как среди пожилых, так и среди молодых, отметили именно ее, однако молодежь ее выбирала чаще (58 %), чем граждане третьего возраста (42 %). Мотив бесплатно принять участие в мероприятии или получить подарки в три с половиной раза чаще выбирали молодые люди (78 %), чем граждане третьего возраста (22 %). Небольшое количество респондентов, представляющих оба поколения, выбрали мотив «это хорошее средство для рекламы и формирования имиджа». Это позволяет сделать вывод о непопулярности данной мотивации для участия в благотворительной и добровольческой деятельности.

На следующий вопрос отвечали те респонденты, кто не принимал участия в добровольческой и благотворительной деятельности. Нехватка материальных средств как причина отказа от участия в благотворительной и добровольческой деятельности называлась респондентами чаще всего, независимо от возраста. Однако недостаток материальных средств больше влияет на граждан

третьего возраста и является основной причиной неучастия граждан старше 60 лет (59 %) в благотворительной и добровольческой деятельности (табл. 4).

Таблица 4

Причины неучастия в благотворительной и добровольческой деятельности, множественный ответ, %

Высказывание	Вид распределения	Возраст, лет		Всего
		18-29	свыше 60	
Я считаю, что каждый может помочь себе сам	Частота	7	10	17
	%	41	59	100
Такая помощь неэффективна	Частота	14	9	23
	%	61	39	100
У меня не хватает времени на помощь другим	Частота	38	18	56
	%	68	32	100
У меня нет материальных средств для помощи другим	Частота	46	66	112
	%	41	59	100
Затруднились ответить	Частота	7	8	15
	%	48	52	100

Неэффективной считают благотворительную и добровольческую помощь чаще молодежь (61 %), чем старшее поколение (39 %). Возможно, успешные примеры конкретной помощи более значимы для людей старших возрастов, которые сами в такой помощи нуждаются больше молодежи. Молодежь в два раза чаще называет причиной неучастия нехватку времени (68 %), чем граждане третьего возраста (32 %). 59 % респондентов свыше 60 лет причиной отказа от благотворительной и добровольческой деятельности указали «каждый может помочь себе сам», а вот респонденты до 29 лет выбирают эту причину реже (41 %).

Статья фокусировалась вокруг постановки исследовательского вопроса - каким образом проявляют социальную активность жители Волгограда: представители молодого поколения до 29 лет и граждане третьего возраста? В целом молодое поколение до 29 лет более активно, чем старшее поколение. Концепция третьего возраста, по нашему мнению, имеет эвристический потенциал при анализе данных эмпирических исследований с учетом возрастного критерия. Восприятие возраста социально обусловлено, оно изменяется по мере развития общества и роста продолжительности жизни.

Как свидетельствуют данные эмпирического исследования, с увеличением возраста информированность жителей Волгограда о деятельности СО НКО в целом снижается, однако информированность об организациях, работа которых связана со старшими возрастными категориями (инвалидами, социально незащищенными) более присуща старшему поколению. Если о детских, мо-

лодежных и спортивных организациях молодое поколение информировано гораздо лучше, то информированность о деятельности патриотических организаций практически одинаковая у разных поколений и от возраста не зависит.

С возрастом социальная активность снижается примерно в два раза (с 13,3 до 7 %). Однако опыт участия в деятельности некоммерческих организаций у молодежи и граждан старшего поколения одинаков: около трети опрошенных представителей двух поколений раньше принимали участие в работе некоммерческих организаций.

Причины участия и неучастия в деятельности некоммерческих организаций у молодежи и граждан старшего поколения различны: необходимость занять свой досуг, быть полезным обществу, делать нужное дело важны для граждан третьего возраста, в то время как самой популярной причиной участия молодежи является получение новых навыков и способностей.

Разные формы участия в благотворительной и волонтерской деятельности характерны для молодежи и граждан третьего возраста. Пожилые граждане старше 60 лет предпочитают переводить деньги на благотворительный счет фондов, ассоциаций, оказывать материальную помощь вещами. Представители молодого поколения в целом более активно проявляют себя в благотворительной деятельности, чаще организуют благотворительные проекты. Молодежь в два раза чаще предпочитает участвовать в качестве добровольца в благотворительном проекте, чем граждане третьего возраста (32 %).

Молодежь, в первую очередь, стремится получить новый опыт при занятии благотворительной деятельностью. Такой фактор мотивации участия, как получение социальных льгот и привилегий, для респондентов старше 60 лет почти в полтора раза важнее, чем для молодежи. Доминирующе причиной участия в волонтерской и благотворительной деятельности как среди пожилых, так и среди молодых респондентов выступает желание помогать другим людям. Среди причин неучастия в благотворительной и добровольческой деятельности нехватка материальных средств называлась респондентами чаще всего. Однако недостаток материальных средств больше влияет на граждан третьего возраста, в то время как для молодежи весомой причиной является нехватка времени.

Данные, полученные в ходе эмпирического исследования, могут помочь в разработке мероприятий и программ, с целью задействовать потенциал молодежи и граждан третьего возраста, которые могут представлять определенную социальную базу для развития территории. В ходе реализации таких программ молодежь и граждане третьего возраста получили бы возможность для дальнейшего личностного роста, разнообразили виды общественного участия и формы социальной активности.

Список литературы

1. Дубин Б. Поколение: социологические границы понятия // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2002. № 2(58). С. 11-15.

2. Семенова В. В. Современные концептуальные и эмпирические подходы к понятию «поколение» // Россия реформирующаяся: Ежегодник - 2003 / отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Институт социологии РАН, 2003. С. 213-237.
3. Thane P. Social Histories of Old Age and Aging // Journal of Social History. 2003. N 37(1). P. 93–111
4. Тишков В. А., Бараш Р. Э., Степанов В. В. Идентичность и жизненные стратегии студенчества в России // Социологические исследования. 2017. № 8. С. 81-87.
5. Добрынина В. И., Кулешова Н. С. Старшие поколения в России или люди третьего возраста // Безопасность Евразии. 2010. № 2. С. 473–479.
6. Иванов В. Н. Феномен старости // Социологические исследования. 2017. № 11. С. 164–170.
7. Кабанова Е. Е., Ветрова Е. А. Актуальные проблемы социально-экономической интеграции людей «третьего возраста» в современное российское общество // Социально-экономические явления и процессы. 2018. Т. 13. № 1. С. 31–36.
8. Tibbits C. Handbook of Social Gerontology. Chicago: University of Chicago Press, 1960. 789 p.
9. Laslett P. The Emergence of the Third Age // Ageing and Society. 1987. N 7(2). P. 133–160.
10. Knapp R. J. The activity theory of aging: An examination in the English context // The Gerontologist. 1977. Vol. 17. N. 6. P. 553–559.
11. A Life Course Approach to Healthy Ageing / ed. by D. Kuh, R. Cooper, R. Hardy, M. Richards, Y. Ben-Shlomo. N. Y.: Oxford University Press, 2014. 304 p.
12. Rowe J. W., Kahn R. L. Successful Aging // The Gerontologist. 1996. Vol. 37 (4). P. 433–440
13. Tornstam L. Gerotranscendence: A Developmental Theory of Positive Aging. N. Y.: Springer Publ., 2005. 213 p.
14. Кабанова Е. Е., Ветрова Е. А. Актуальные проблемы социально-экономической интеграции людей «третьего возраста» в современное российское общество // Социально-экономические явления и процессы. 2018. Т. 13. № 1. С. 31–36.
15. Щемелева И. И. Социальная активность студенческой молодежи: факторный и кластерный анализ // Социологические исследования. 2019. № 4. С. 133-141.
16. Соколова Е. С. Социальная активность современной российской молодежи // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 1. С. 197-202.
17. Сохадзе К. Г. Социальная активность российской молодежи: масштабы и факторы сдерживания // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Социология». 2017. № 17 (3). С. 348-363.
18. Акбарова А. А. Социальная активность как элемент социального самоопределения молодежи // Известия Саратовского университета. Новая серия. «Акмеология образования. Психология развития». 2015. Т. 4. Вып. 1 (13). С. 41-45

19. Савельева Е. А. Гражданская активность молодежи: варианты концептуализации понятия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Социология». 2013. № 2. С. 21-31.

20. Скалабан И. А. Общественное участие: теория и практика социального конструирования. Новосибирск: НГТУ, 2015. 407 с.

21. Старения больше не будет: монография / И. А. Григорьева, И. Л. Сизова, Л. А. Видясова, А. В. Дмитриева, О. А. Парфенова, И. С. Петухова / СПб.: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2018. 136 с.

22. Смолькин А. А. Уважение к старости: социологическая концептуализация // Социология власти. 2014. № 3. С. 31-46.

23. Киенко Т. С. Статус и проблемы геронтогруппы (по материалам опросов жителей Ростовской области) // Социологические исследования. 2019. № 3. С. 32-41.

24. Марунова Т. Р. Направления социальной активности пожилых людей // Известия Саратовского университета. Серия «Социология. Политология». 2014. № 4. С. 56-63.

25. Щанина Е. В. Факторы социальной активности старшего поколения // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2009. № 2. С. 57-67.

26. Интегрированная старость : практики социального участия / под ред. М. Э. Елютиной. Саратов : Изд. центр «Наука», 2007. 254 с.

Полтавская Мария Борисовна, канд. социол. наук, доц., poltavskaya@volsu.ru, Россия, Волгоград, Волгоградский государственный университет

FORMS OF SOCIAL ACTIVITY OF YOUTH AND THE OLDER GENERATION (A CASE STUDY OF THE POPULATION OF VOLGOGRAD)

M.B. Poltavskaya

The article is devoted to the study of social activity of the population of Volgograd of two generations: youth and citizens of the elderly (third) age. The review of theories of social activity of citizens of the third age is given in this paper; these theories have a uniform basis-an active position of actors and their inclusion in public life. Research of social activity of the population of Volgograd was carried out by a method of the formalized interview. The data of the study of the population of Volgograd confirmed the hypothesis of a decrease in social activity with the age. The results of the study can be used by the heads of municipalities of Volgograd to use the potential of young people and citizens of the third age for the socio-economic and cultural development of the territory.

Key words: social activity, non-profit organizations, youth, third age, generation, charity

Mariya B. Poltavskaya, candidate of sociological sciences, associate professor, poltavskaya@volsu.ru, Russia, Volgograd, Volgograd State University

ОТНОШЕНИЕ МОЛОДЕЖИ К ВОЛОНТЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ОПЫТ ФОКУС-ГРУППОВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Н.В. Проказина, А.А. Алексеенок

Представлены результаты авторского исследования студенческой молодежи областного центра, которые позволили определить отношение студентов к волонтерской деятельности; способы участия в волонтерской деятельности; основные направления волонтерской работы; препятствия, возникающие в ходе волонтерской деятельности. Удалось выявить оценку роли государства в волонтерской деятельности, а также направления по повышению уровня вовлеченности молодежи в волонтерскую деятельность.

Ключевой вывод состоит в том, что в студенческой среде доминируют представления о необходимости волонтерской работы и вовлечения в ряды волонтеров не только молодежи, но и всего населения в целом. Для увеличения числа волонтеров и привлечения внимания к данному виду деятельности были обозначены следующие мероприятия: концерты и массовые мероприятия, где будут представлены своеобразные отчеты о волонтерской деятельности; широкое освещение волонтерской деятельности в федеральных и региональных средствах массовой информации; популяризация данного вида деятельности в социальных сетях.

Ключевые слова: фокус-группа, волонтерство, волонтерская деятельность, личностные качества волонтера, экология, направления волонтерской деятельности, государственная поддержка волонтерской деятельности.

Актуализация исследований феномена волонтерского движения обусловлена множеством факторов: от повышенного государственного интереса к данной проблематике как фактора, обеспечивающего «социальную интеграцию и устойчивость общественной жизни» [1] до «утилитарных» характеристик этой деятельности для самих волонтеров, проявляющейся в «самовыражении, чувстве принадлежности к общности, духовном росте» [2].

Природа добровольческой деятельности предполагает активную жизненную позицию участников, подкрепленную эмоциями, высоким уровнем эмпатии и толерантности, разнонаправленности осуществляемой деятельности. В связи с этим использование именно качественных методов исследования позволит расширить общие представления о добровольческих/волонтерских настроениях, представлениях, мотивах и ценностях.

В последние годы в социологических исследованиях качественные методы находят все более широкое применение, порой даже заменяя количественные, а не являясь их дополнением, как было ранее. Это объясняется как сложной природой объектов исследований, так и новыми методологическими принципами и подходами, характерными для изучения социальных процессов и явлений.

В настоящих исследованиях начинают превалировать экологические ценности, набирают популярность исследования национальной культуры, патрио-

тизма, народности, этнического сознания и единства, милосердия и «человеческого процветания». Одним из предназначений качественных методов становится воссоединение «духовности» с «научностью» и продвижение социологических исследований к свободе и самодетерминации [3].

Самым популярным качественным методом в социологии является фокус-группа.

Фокус-группа представляет собой качественный метод сбора социологической информации, проводимый в однородных группах, в ходе которого участники методом «мозгового штурма» ищут решение какой-либо проблемы. Фокус-группа своего рода групповая дискуссия, в ходе которой выясняется отношение участников к определенному процессу или явлению действительности. Ценность получаемой информации заключается в том, что независимые собеседники под умелым руководством модератора методом «мозгового штурма» находят неординарные решения поставленных задач.

Групповая дискуссия предусматривает создание благоприятных условий для общения всех участников, проходящего в атмосфере комфорта и доброжелательности.

Основными характеристиками данного метода являются:

- численность участников групп – составляет от шести до десяти человек, и как правило, не превышает двенадцать участников;
- состав группы – формируется с учетом целей исследования;
- продолжительность по времени – полтора-два часа и не превышает трех часов;
- организованный характер – дискуссия проходит под руководством модератора, в роли которого выступает опытный социолог или психолог.

Технологически в процессе проведения дискуссии необходимо создавать благоприятные условия для искреннего выражения мнений респондентов, спонтанного проявления эмоций, которые в процессе интерпретации и обработки результатов исследования помогут более корректно обосновать полученные данные и сформулировать основные выводы.

Целью проведенной фокус-группы было выяснить отношение студенческой молодежи к волонтерству, определить проблемы, связанные с волонтерской деятельностью, выявить основные направления повышения эффективности волонтерства, расширения количества его участников и привлечения к нему внимания общественности.

В беседе приняли участие студенты старших курсов четырех вузов Орла (Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС, ОГУ, ОГИИК и ОГАУ). Все они в той или иной степени имеют отношение к волонтерской деятельности. Этот критерий был одним из основных на этапе рекрутирования участников.

В начале беседы на этапе «растопки льда» участникам было предложено представиться и сказать, что лично они понимают под волонтерской деятельно-

стью. По данному вопросу участники довольно единодушно ответили, что считают волонтерство бескорыстной помощью нуждающимся.

Участникам было предложено написать на листе бумаги три слова, с которыми у них ассоциируется волонтерство. Среди ответов преобладали такие понятия, как «доброта», «забота», «бескорытность», «милосердие», «помощь», «радость». Таким образом, эмоциональная составляющая волонтерской деятельности является одной из базовых для ее осуществления.

Необходимо отметить, что почти половина участников беседы акцентировала внимание на том, что помощь должна оказываться не только населению из определенных социальных слоев, но и животным и природе. Это свидетельствует о том, что молодежь волнуют экологические проблемы и они готовы заботиться об окружающей среде. В этой связи модератор решил развить данную тему и предложил высказаться о наиболее важных направлениях волонтерской деятельности, конкретизировав вопрос «Какое направление волонтерской деятельности в Орловской области нуждается в развитии на данный момент?»

Помимо помощи людям, попавшим в трудную жизненную ситуацию, участники единодушно отметили, что необходимо заботиться об окружающей среде, экологии.

«... И помощь в уборке территорий, потому что на данный момент с этим плохо справляются, люди сами за собой не следят».

«... Необходимо облагораживать и обустраивать дворовые территории. В настоящий момент во дворах много мусора, плохое освещение, нет оборудованных детских площадок, ходит много голодных бездомных животных».

Данные высказывания являются свидетельством того, что дворовые территории в городе находятся не в лучшем состоянии. Результаты фокус-группы подтверждают данные, полученные в ходе исследования «Социальная напряженность в регионе», проводимого на кафедре «Социология и информационные технологии» в октябре 2018 г. и мае 2014 г. Респондентам предлагалось выявить проблемы, на решение которых должны быть направлены действия областной администрации в первую очередь. Среди прочих ответов респонденты указывали экологические проблемы, проблемы освещения улиц и дворов, грязь на улицах города. В 2014 году данные проблемы выделили 7,9 %, а в 2018 – 11,2 % [4]. Это говорит о том, что проблема не только не решается, а, напротив, начинает привлекать внимание большего числа граждан региона.

Следующий вопрос касался качеств, которыми должен обладать волонтер.

Участники назвали такие качества, как доброту, сострадание, бескорытность, милосердие, заботу.

Мнения участников разделились по поводу такого качества, как коммуникабельность. Одни считали, что волонтер должен иметь сторонников, с которыми он может связаться для оказания помощи. «Волонтеры должны иметь тесные связи и держаться друг друга. Иногда один не может оказать помощь и

обращается за помощью к другим... Например, помощь при передержке животных...»).

Некоторые респонденты под коммуникабельностью понимали тактичность: «Волонтерам в процессе своей работы приходится сталкиваться со стариками, инвалидами и необходимо очень осторожно подбирать слова, которые могут ранить человека, находящегося в трудном положении, и вместо пользы нанести психологическую травму».

Некоторые участники беседы, напротив, отметили, что волонтер не должен быть коммуникабельным: «... Это должен быть человек с открытой душой, не обязательно коммуникабельным, потому что не всегда нужно общаться с людьми, чтобы оказывать помощь».

Такая неоднозначность оценки качеств, которыми должен обладать волонтер, обусловила следующий вопрос фокус-группы: «По вашему мнению, должен ли волонтер быть специально обученным человеком?»

В ответах на данный вопрос мнения респондентов совпали. Они сошлись на том, что уровень квалификации зависит от характера деятельности. Так, если речь идет о помощи животным, об уборке территории или помощи, не связанной с непосредственным общением (уборка помещения, покупка продуктов, помощь на огороде), то от волонтера требуется только желание и его непосредственная деятельность и включенность. Если речь идет об организации Олимпиады, Чемпионата мира по футболу (где было задействовано много волонтеров), то от участников необходимо знание иностранного языка, при оказании помощи пострадавшим от стихийных бедствий требуются навыки оказания первой медицинской помощи, при работе с пожилыми людьми, подростками, людьми с ограниченными возможностями здоровья – основы психологии. «... Определенно навыки нужны... Это не обязательно должно быть профессиональное образование, но какие-то небольшие курсы, обучающие определенного рода деятельности». «... Если человек будет оказывать первую медицинскую помощь, не имея о ней ни малейшего представления, то он, скорее, может нанести вред, чем пользу. И нельзя забывать о причинении морального ущерба, который может быть нанесен некорректными словами волонтера людям из неблагоприятных категорий населения (детям-сиротам, беженцам и т.п.)» [5].

Участников попросили нарисовать животное, с которым у них ассоциируется волонтер. Большинство посчитали, что волонтер ассоциируется с собакой – верным и преданным другом и помощником человека, а также с дятлом – санитаром леса.

На вопрос «Что, на Ваш взгляд, сегодня выступает главным мотивом участия молодежи в волонтерской деятельности?», были получены интересные ответы. Помимо того, что многими волонтерами движет желание помогать людям, достаточно большое количество делает это «за компанию». «... Некоторые идут просто вслед за кем-то (друзья, знакомые), и так собирается необходимое количество людей». «... Я очень надеюсь, что людей, которые действительно хотят помочь кому-то безвозмездно, больше, чем остальных, но я также думаю,

что люди идут заниматься волонтерством за компанию». Из этого можно сделать вывод, что численность волонтеров можно увеличить за счет популяризации данного вида деятельности и привлечения в ряды волонтеров людей, которые в последующем приведут за собой знакомых и друзей.

Но были названы и другие причины участия молодежи в волонтерской деятельности. Несколько необычно прозвучало заявление, что молодежь может рассматривать волонтерскую деятельность в качестве социального лифта, канала восходящей вертикальной мобильности. «...Возможно, есть люди, которые видят в этом некий социальный лифт и могут как-то пробиться наверх, где он уже не является волонтером, но может стать членом организации, которая организовывает непосредственно мероприятия, может встретить там людей с необходимыми связями, завести полезные знакомства».

Установив мотивы, по которым молодежь участвует в волонтерской деятельности, было логично поинтересоваться, по каким причинам она, напротив, отказывается от участия. На вопрос «По каким причинам, на Ваш взгляд, молодежь не принимает сегодня участие в волонтерской деятельности?» участники фокус-группы отвечали следующим образом.

«Все максимально просто. Волонтерство – оказание бескорыстной помощи. Большинство людей эгоистичны и корыстны. Они не хотят работать бесплатно, предпочитая клубные тусовки и прочие развлечения...».

«...Возможно, у молодых людей нет времени, потому что учеба, если заниматься ей добросовестно, отнимает очень много сил и времени. Помимо занятий, которые нужно посещать, к ним надо готовиться».

«...Также некоторые виды волонтерства отнимают достаточно много времени, подготовки и прочего. Люди считают, что лучше потратить это время на себя, сделать в первую очередь себе полезное для себя, а не для общества. Я лучше пойду подрабатывать и не буду «сидеть на шее» у родителей, которые уже находятся в пожилом возрасте. Так что идти помогать чужим, в ущерб своим собственным близким людям не волонтерство, а ханжество».

«...Соглашаясь с тем, что студентам катастрофически не хватает времени, замечу, что я, например, начал встречаться с девушкой и то небольшое время, что остается после учебы и работы я предпочитаю проводить на романтических свиданиях в кино или кафе, или просто гуляя по городу, а не разгребая свалки мусора».

Из сказанного выше можно сделать вывод, что основная причина, по которой молодежь не занимается волонтерством – это отсутствие времени: «... Мне кажется, что из-за нехватки времени. Даже если вы хотите, его можно не найти, потому что работа, учеба, дом...».

В то же время некоторые студенты считают, что время найти можно. Отдых, который, несомненно, требуется, может быть и активный. Проблема в том, что не все знают, когда и кому предложить свою помощь, из-за отсутствия рекламы и слабой освещенности СМИ данного вида деятельности. «...Если захотеть – время найти можно. Я допустим, пошла бы заниматься уборкой террито-

рий, мне это нравится, причина, по которой я этого не делаю — я не знаю, как, самой пойти это делать. Нет каких-либо групп, в том же ВКонтакте, которые освещали бы эти проблемы. У меня не такое сильное желание, искать информацию самостоятельно, но, если бы я увидела информацию — я бы пошла».

Из сказанного следует, что существует определенная группа молодежи, готовая заняться волонтерством, при официальной или даже неофициальной, но централизованной организации данного вида деятельности [6]. В этой связи участникам фокус-группы был задан вопрос: «Как Вы считаете, должно ли государство поддерживать активность молодежи в волонтерской деятельности или ее уровень должен быть естественным, не надо вмешиваться?». По данному вопросу мнения респондентов разделились. Некоторые полагали, что государство оказывает поддержку волонтерам и даже был объявлен год волонтера. «...Насколько я знаю Правительство итак поддерживает волонтерство, дает льготы, билеты в театр, кино, скидки на что-то... В принципе, это уже неплохая помощь для волонтеров. Конечно же, людям хотелось бы побольше, но тогда пропадает вся суть волонтерства. Все должно оставаться так, как уже есть. В этом плане, как не странно, все неплохо».

Позиции участников исследования относительно помощи государства волонтерам разделились. С одной стороны, были те, кто отстаивал мнение о том, что есть определенные направления волонтерской деятельности, которые нуждаются в государственной помощи. «Есть такие места, в которые женщины могут приходить, если у них какие-то проблемы, допустим в их семье проблемы с мужем, а у них есть дети. Я слышала в каком-то интервью, как организатор такого центра содействия говорила, что они бы хотели получать помощь от государства, она как бы есть, но она маленькая, они бы хотели расширяться (в большем количестве городов находились эти центры). В этом случае государство не просто может, оно должно помочь, так как это серьезная проблема» [7].

С другой стороны, прозвучала идея об абсурдности помощи волонтерам. «Я не считаю, что государство должно помогать волонтерам. Я считаю, что государство должно помогать тем же людям, которым помогают волонтеры»; «... государство должно поддерживать незащищенные слои населения».

Значительная часть участников еще раз озвучили идею о том, что от государства требуется привлечение внимания к волонтерству посредством большего включения социальной рекламы, повышения информированности и популяризации в СМИ и социальных сетях.

«Я думаю, что государство не обязано, но может помочь поддержать волонтерство. Например, как говорили участники, из-за неосведомленности люди не идут заниматься волонтерством, в пропаганде, в рекламе этой деятельности государство может помочь, а в остальном волонтерство развивается своим чередом».

«...Помощь государства отчасти должна заключаться в информировании населения о волонтерских организациях, потому что кто-то хочет помочь, но не знает как...»

И в заключение участникам было предложено определить способы повышения уровня вовлеченности молодежи в волонтерскую деятельность? Какие меры лично Вас бы побудили стать волонтером?

Для увеличения числа волонтеров и привлечения внимания к участию в добровольческом движении в ходе дискуссии были выявлены следующие мероприятия: концерты, где будут представлены отчеты о волонтерской деятельности, широкое освещение волонтерской деятельности в федеральных и региональных средствах массовой информации, привлечение известных людей, политических лидеров к волонтерской деятельности, а также популяризация данного вида деятельности в социальных компьютерных сетях [7].

«Это определенно освещенность волонтерства в СМИ и соцсетях, потому что много молодежи, которая не задумывается о данном виде деятельности, а так бы увидели и сказали «почему бы и нет?». Второе — это личное участие, например, Президента, других политических лидеров. Должен быть всегда личный пример. Клычков А.Е. (Губернатор Орловской области) пришел в детдом, раздал игрушки. Есть люди более/менее известные, они должны заниматься волонтерской деятельностью, и об это должно освещаться в СМИ».

«Необходимо шире информировать населения о волонтерах. У человека может возникнуть ощущение, что он занимается этим один. А так он станет частью большой группы единомышленников».

«Устраивать концерты, фестивали, в ходе которых информировать население о волонтерской деятельности. Билеты на данные мероприятия должны быть бесплатными или стоить чисто символически. Это будет своеобразный вклад артистов, певцов, музыкантов в волонтерство».

«Пропаганда и информирование. Под пропагандой я не имею в виду призыв к деятельности. Важно говорить о том, что это хорошо, это важно, это кому-либо поможет, сделает этот мир лучше. То есть в адекватном ключе больше говорить об этом».

Таким образом, информация, полученная от участников фокус-группы, подтвердила гипотезу о повышенном интересе к волонтерской деятельности в молодежной студенческой среде, а также в целесообразности привлечения в ряды волонтеров разновозрастных и статусных групп населения в целом.

Список литературы

1. Проказина Н. В., Бобылева Н. Ю., Хатнюк Н. Н. Реализация добровольческого (волонтерского) потенциала в России // Научный результат. Социология и управление. 2019. Т.5. № 2. С. 47–56.
2. Певная М. В. Волонтерство как социологическая проблема // Социологические исследования. 2013. № 2. С. 114.
3. Алексеёнок А.А. Особенности изучения социального самочувствия различных категорий населения // Вестник государственного и муниципального управления. 2012. № 1. С. 52– 56.

4. Проказина Н. В., Алексеенок А.А., Каира Ю.В. Оценка населением основных сфер общественной жизни региона (на материалах Орловской области) // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. Т. 12. № 5. С. 226–235.

5. Алексеенок А.А., Домбровская А.Ю. Инвалиды в структуре российского общества // Фундаментальные исследования. 2013. № 1-3. С. 656– 659.

6. Батанина И.А., Константинова Л.А. Социальная дистанция через призму религиозных установок молодежи // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2012. Вып. 2. С. 223.

7. Каира Ю.В., Кузнецов Д.Н. Анализ основных направлений государственного регулирования снижения уровня бедности в России // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2016. Вып. 3. С. 87–95.

Проказина Наталья Васильевна д-р социол. наук, доц., зав. кафедрой, nvprokazina@mail.ru, Россия, Орел, Российская академия народного хозяйства и государственной службы,

Алексеенок Анна Алексеевна д-р социол. наук, доц., проф., alexaconst@rambler.ru, Россия, Орел, Российская академия народного хозяйства и государственной службы

YOUNG PEOPLE 'S ATTITUDE TO VOLUNTEER ACTIVITIES: EXPERIENCE OF FOCUS-GROUP RESEARCH

N.V. Prokazina, A.A. Alexeenok

The article presents the results of the author 's study of student youth of the regional center, which allowed to determine the attitude of students to volunteer activity; Ways to participate in volunteer activities; Main directions of volunteer work; Obstacles encountered in the course of volunteer activities. It was possible to identify an assessment of the role of the State in volunteer activities, as well as directions to increase the level of youth involvement in volunteer activities.

The key conclusion is that the student environment is dominated by perceptions of the need for volunteer work, and the involvement of not only young people but the general population in the ranks of volunteers. In order to increase the number of volunteers and draw attention to this type of activity, the following events were identified: concerts and mass events, where unique reports on volunteer activities will be presented; Wide coverage of volunteer activities in federal and regional media; Popularization of this type of activity in social networks.

Key words: focus group, volunteering, volunteer activity, personal qualities of volunteer, ecology, directions of volunteer activity, state support of volunteer activity.

Prokazina Natalia Vasilievna, doctor of sociological sciences, assistant professor, Head of the Department, nvprokazina@mail.ru, Russia, Orel, RANEPА,

Alekseenok Anna Alekseevna, doctor of sociological sciences, assistant professor, professor, alexaconst@rambler.ru, Russia, Orel, RANEPА

ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ РАБОТА КАК СРЕДСТВО АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННОГО СТУДЕНТА К УСЛОВИЯМ ВУЗА

Л.А. Мужилова

Рассмотрены особенности воспитательной работы с иностранными студентами в общежитиях, приведены проблемы их адаптации в условиях современного образования. В основу исследования положен комплексный анализ видов адаптации иностранного студента.

Ключевые слова: адаптация, иностранные студенты, воспитательная работа, общежития, адаптация молодежи.

Социальный заказ в сфере образования является отражением современной идеологии, мировоззренческим содержанием которой является формирование личности как субъекта не только национальной, но и мировой культуры [1, с. 31]. Организация воспитательной работы среди студентов, проживающих в общежитии, занимает особое место в воспитательной системе высшего учебного заведения. Общежитие – это не только место проживания, но и новая социальная микросреда, которая во многом определяет перспективные направления профессионального и духовного развития личности, преодоления противоречий процесса адаптации молодежи к новым социально-бытовым условиям.

В настоящее время в общежитиях Тульского государственного университета (далее ТулГУ), закрепленных за Институтом международного образования (далее ИМО), проживают представители 54 стран мира (студенты и аспиранты, ординаторы, слушатели подготовительного отделения. Рассматриваются общежития №4/1, 4/2, 7, расположенные по адресу: г.Тула, ул.Оружейная, д.1Б, д.15/1, д.15/2.). Следует отметить, что данный контингент требует к себе особого внимания прежде всего потому, что иностранным студентам важно приспособиться к новым климатическим и бытовым условиям, к смене социального окружения, к другой образовательной системе, к другому языку общения и к интернациональному характеру учебных групп и многому другому.

Проживание в общежитии непросто даже для иногородних российских студентов, а для иностранцев – тем более. Прежде всего потому, что большинство студентов начинают жить в иных условиях, и, кроме того, комната в общежитии становится не только местом жительства на долгие годы учебы (в случае с дальним зарубежьем часто без выезда на каникулы домой), но и местом для занятий вместе с одним-двумя проживающими. Указанные проблемы приводят к тому, что иностранным студентам приходится привыкать к новой обстановке, новым бытовым условиям, новому окружению.

В общежитиях проводятся собрания: общее - в начале учебного года, по этажам и землячествам – в течение года, в повестку дня которых включаются следующие вопросы:

-о правилах внутреннего распорядка в общежитиях ТулГУ; [2]

- о недопущении возникновения межнациональных конфликтов;
- обсуждение проблем, связанных с условиями проживания студентов и т.д.

Важным моментом в организации воспитательной работы в общежитии является формирование и развитие системы студенческого самоуправления и обеспечение педагогического руководства над ним. В течение первого месяца пребывания в вузе иностранный студент вынужден привыкать к «чужой» социальной среде, к необходимости говорить на незнакомом ему русском языке, к отсутствию родных и друзей, к жизни в студенческом общежитии, к самостоятельности в решении бытовых вопросов, к новому питанию, воде, к отношению окружающих. Это влечет за собой изменение психологического состояния и даже желание вернуться на родину. Также наличие иностранных студентов в вузе требует особого подхода к организации воспитательной работы в вузе, для того чтобы русские студенты и иностранцы легко адаптировались к совместному сосуществованию [3].

Для того чтобы помочь студенту на первоначальном этапе адаптации, отделом адаптации иностранных учащихся ИМО ТулГУ много лет назад была начата работа по созданию землячеств иностранных студентов и содействию их деятельности. Ведется непрерывно на протяжении многих лет и зарекомендовала себя исключительно с положительной стороны.

Иностранные студенты, обучающиеся в ТулГУ, объединены в землячество по признаку страны постоянного проживания. Данное объединение не носит политического и религиозного характера и своей основной задачей имеет активизацию участия иностранных студентов в учебной и научной жизни университета, воспитание в духе гуманизма, дружбы и мира между представителями разных народностей, обучающихся в ТулГУ.

Но одной из главных задач, стоящих перед иностранными землячествами, все-таки является работа с вновь прибывающими студентами. Под руководством и при непосредственном участии сотрудников отдела адаптации иностранных учащихся каждому новичку уделяется достаточно внимания, чтобы оказать необходимую помощь в размещении в общежитии, прохождении медицинского осмотра и, если потребуется, при сопровождении в случае дополнительного обследования. Важно, чтобы на начальном этапе пребывания в совершенно иных, чем на родине, условиях рядом оказался кто-то хорошо понимающий возникающие трудности и более опытный, тот, кто готов совместно проанализировать возникающие ситуации с тем, чтобы дать хороший совет. Именно земляки-студенты старших курсов становятся своего рода наставниками (в хорошем смысле слова) для своих младших товарищей.

Отдел адаптации иностранных учащихся – одно из подразделений ИМО, совместно с иностранными студентами организует землячества иностранных студентов, стремится к укреплению авторитета актива землячества, заботится о том, чтобы представители актива землячества представляли интересы всех иностранцев, входящих в данное сообщество.

Национальные и психологические особенности имеют способность оказывать влияние на эффективность воспитательной работы среди контингента иностранных граждан.

В многонациональных коллективах, которые отличаются своим составом, наиболее ярко проявляются особенности нации, традиции страны, нормы поведения людей в обществе, которые и влияют на межличностные отношения. Анализ практики показывает, что люди, которые работают с многонациональным коллективом, испытывают серьезные и нередкие затруднения в развитии межнациональных отношений, чаще всего на начальном, первостепенном этапе своей деятельности. Основная причина подобного рода затруднений – необходимость достаточного времени для наработки опыта взаимодействия в межнациональной среде. Большинству молодых специалистов, работающих с иностранными студентами, требуется определенное время для изучения поведения и взаимоотношений иностранных студентов. Специалисты сталкиваются с социальными и психологическими явлениями, которые возникли в многонациональном коллективе, и эти явления были им неизвестны. Социологические и статистические опросы говорят о том, что только примерно через 4,5-5 лет после начала профессиональной деятельности у людей, работающих с иностранными гражданами, появляется достаточный багаж знаний национальных и психологических особенностей этих людей, и только после этого создаются устойчивые навыки и умения работы в межкультурном и межнациональном коллективе.

На сегодняшний день органы местного самоуправления (например, Тульский областной центр молодежи, Фонд содействия молодежи «Молодежная инициатива» и другие), общественные организации под влиянием межкультурной и национальной напряженности начали проецировать внимание на проблеме изучения национальных и психологических особенностей, а также формах воспитательной работы с иностранными гражданами. На данный момент, издается не так много литературы, которую необходимо использовать в качестве инструкций в этом многообразии деятельности.

Следует отметить, что многонациональные коллективы в отличие от однопациональных групп отличаются своей социальной организацией. В таких объединениях люди консолидируются по национальному признаку, поэтому можно утверждать, что через специфику этого объединения должны проходить все воспитательные воздействия. Также, изменения в настроениях и переживаниях представителей одной нации в коллективе - это особый показатель, по данным которого можно говорить о результатах и эффективности воспитательной работы, а также определить перспективы дальнейшего развития коллектива.

Основной единицей многонационального коллектива считается этническая микрогруппа, которая рассматривается в рамках социологического исследования в качестве объекта, на который направлено воспитательное воздействие. Необходимо предоставить определение этнической микрогруппы - как объединение людей одной национальности, характеризующееся единым языком, общими национальными особенностями, психологическим состоянием, а также культурным единообразием, самосознанием, наличием внутригрупповых принципов и норм. Воспитательная работа значительно усложняется при работе с многонациональным коллективом, она требует высокой напряженности,

больших знаний, профессиональной подготовки и педагогического таланта. Важное значение приобретает знание специалиста об особенностях национальных и психологических процессов, которые происходят в многонациональном коллективе, умение анализировать закономерность их развития.

Представители разных национальных коллективов и групп по-разному интерпретируют стиль поведения работающего с ними специалиста. Они высказывают различные требования как к моральным, так и нравственным качествам и педагогическому таланту. К примеру, еще Лоуренс Аравийский говорил об арабах: « Всегда одобряйте их, а похвалив, изменяйте эти планы мало-помалу, заставляя незаметно его самого вносить новые предложения до тех пор, пока эти планы не будут совпадать с вашими собственными. ... Изучайте характеры арабов, их вкусы и слабости и держите все, что вы обнаружите, при себе... Ваш успех будет пропорционален количеству затраченной вами на это умственной энергии».

Изучение психологии разных наций должно быть процессом непрерывным, процессом, который постоянно совершенствуется. Незнание таких национальных особенностей членов разностороннего коллектива ведет к возникновению межнациональных конфликтов, наступает взаимная отчужденность. Последствия такого процесса являются опасными. Они ведут к ухудшению психологического климата в группе, отсутствию взаимопонимания и взаимопомощи между ее членами.

Специалисту следует знать, что допущение предвзятого отношения к представителям одной национальности и наделение привилегиями другой национальности ведет к негативным последствиям. Следует быть справедливым к каждому члену коллектива независимо от его расовой принадлежности.

Важным условием деятельности в многонациональных коллективах необходимо считать работу по предотвращению конфликтных ситуаций на национальной почве, которые, как показывает практика, являются следствием некорректного отношения представителей одной нации к другой. Специалисту необходимо работать не только со всем коллективом, но и с каждым его представителем в отдельности. Необходимо учить каждого человека видеть в окружающих лучшие черты, а к проявлению отрицательных относиться спокойно.

Таким образом, важным элементом воспитательной работы в многонациональном коллективе иностранных студентов является формирование и становление культуры межнационального общения, который включает в себя интерес к духовным ценностям каждой народности, доброжелательность ко всем людям независимо от их расовой принадлежности.

Список литературы

1. Батанина И.А. Реализация основных образовательных программ гуманитарного профиля по ФГОС ВПО: проблемы и перспективы // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2011. Вып. 3. Ч.2. С.31-35.

2. Официальный сайт «Тульский государственный университет». [Электронный ресурс]. URL: <http://tsu.tula.ru/> (дата обращения: 18.10.2019).

3. Семенова Я.Г. Вопросы адаптации иностранных студентов к условиям жизни и обучения в российских вузах // Вестник науки и образования. №5 2018. С.41.

Мужилова Лариса Александровна, аспирант, lori275@bk.ru, Россия, Тула, Тульский государственный университет

EDUCATIONAL WORK AS A WAY TO ADAPT A FOREIGN STUDENT TO THE CONDITIONS OF THE UNIVERSITY

L. A. Muzhilova

Features of educational work with foreign students in hostels are considered, problems of their adaptation in the conditions of modern education are resulted. The study is based on a comprehensive analysis of the types of adaptation of a foreign student.

Key words: adaptation, foreign students, educational work, hostels, adaptation of youth.

Larisa Muzhilova, postgraduate, lori275@bk.ru, Russia, Tula, Tula State University

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК 1(091)-051 ЛУНАЧАРСКИЙ А.В.

ФОРМИРОВАНИЕ А.В. ЛУНАЧАРСКОГО КАК ФИЛОСОФА И ПОЛИТИКА

Т.В. Данилкина

Выявлены и проанализированы малоизученные философские концепции XIX века, оказавшие существенное влияние на формирование представлений А.В. Луначарского о религии и трагизме жизни, соотношении эстетики и этики, взаимосвязи философского творчества и политической активности.

Ключевые слова: А. Бэн, А.В. Луначарский, биологическая оценка, гигиопсихическое развитие, Ж.М. Гюйо, панидеализм, Р.М. Хольцапфель, трагизм жизни, эстетизм.

«Всякий выдающийся лирик неминуемо должен быть философом. Вся религиозная философия, философия, оценивающая явления, философия, намечающая идеалы, утешающая, обещающая философия есть лирика великих сердец, прошедшая сквозь великий ум. Но не всегда великие сердца соединяются с великим умом; ... чем ... сильнее он (человек — Т.Д.), тем более растёт способность обобщать свои чувства, и мы последовательно имеем художника–лирика, философа–этика и, наконец, религиозного учителя или великого революционного вождя» [1, с. 7]. Рассуждения, посвященные жизни и творчеству конкретного человека, опубликованные в 1904 году, имеют универсальное значение, основанное на осмыслении опыта множества выдающихся личностей. Рассуждения включают не только ретроспективную, но и перспективную составляющую. В них угадываются три последующих десятилетия жизни автора — художника слова, философа, активного революционера, притязающего на разработку религиозной системы. Вряд ли тогда автор — А.В. Луначарский — осознавал в них автобиографическую составляющую.

Интерес к философии у А.В. Луначарского, как свидетельствуют автобиографические материалы, проснулся рано. Уже в гимназические годы наряду с марксистской литературой он изучал работы Дж. С. Милля, Г. Спенсера, А. Бэна. Знакомство с трудами В.В. Лесевича стало ступенью к творческому усвоению современного варианта позитивизма. Особое внимание первый в России представитель эмпириокритического варианта позитивизма уделял социальной проблематике. Идеи В.В. Лесевича о решающей роли позитивистской методологии в изучении социальных явлений предопределили философскую интенцию амбициозного молодого мыслителя. Влияние марксизма и эмпириокритицизма на формирование и содержание философских взглядов А.В. Луначарского достаточно глубоко раскрыто в советской и современной российской историко-философской литературе. Поэтому пристальное внимание в данной работе

уделено малоизученным аспектам выработки и развития его философских воззрений.

Определение основ своего философского мировоззрения А.В. Луначарский нашел в лекциях, трудах и на семинарах Р. Авенариуса. Особенно интересны и важны для него были те стороны учения швейцарского философа, которые обосновывали биологическую теорию оценки: «...если вопрос о познании сильно интересовал меня, то несравненно в большей степени привлекал моё внимание вопрос об оценке» [2, с. V]. Все оценки - грубо чувственные, утилитарные, эстетические, этические — могут быть разновидностями единой биологической оценки. Причём именно эстетика позволяет открыть самую глубокую сущность биологической оценки. Молодой философ полагал, что предмет его веры — научный социализм — связан с развитием религиозных чувств и представлений, является самым совершенным плодом, развившимся из исходных биологических страданий и наслаждений.

Создание философской биографии А.В. Луначарского невозможно без обращения к творчеству одного из самых известных мыслителей второй половины XIX века А. Бэна (1818 — 1903). Многие из его работ переводились и печатались в России в течение нескольких лет после издания на английском языке. Знакомство с работами позитивистски ориентированного А. Бэна «Чувства и интеллект», «Эмоции и воля», «Наука воспитания» в гимназические годы, имеющие особое значения для формирования психологической структуры личности, на всю жизнь оставило глубокий след в образе мыслей и деятельности, философском и художественном творчестве А.В. Луначарского. В публикациях А. Бэна, одного из инициаторов отделения психологии от философии, будущий нарком просвещения открыл для себя единство в психике человека интеллекта и эмоций, воли и активности, значение этического, религиозного и особенно эстетического развития и воспитания.

А. В. Луначарский настойчиво подчёркивает принадлежность своего философского мировоззрения к марксизму, однако крайне редко обращается к трудам Маркса и Энгельса при рассмотрении конкретных проблем. Например, создавая свой образ трагедии в конфронтации с рассуждениями Н.А. Бердяева, «марксист» Луначарский опирается прежде всего на Ф. Ницше, а также Э. Маха, Г. Гёфдинга, Аристотеля.

Философский диспут между А.В. Луначарским и Н.А. Бердяевым продолжался, в очной и заочной формах, не менее четверти века. Следует признать, это был поединок не только непримиримых, но и неравных по силам противников, примерно одинаково осознававших реальное соотношение философских потенциалов. Если А.В. Луначарский пытался уязвить оппонента в многословных обстоятельных полемических сочинениях, то Н.А. Бердяев ограничивался скупыми упоминаниями, указаниями на промахи махиста-материалиста. Давала себя знать также взаимная, особенно со стороны Н.А. Бердяева, межличностная антипатия, усилившаяся к тому же в советский период. Противостояние проявлялось как по фундаментальным для материализма и идеализма вопросам, так и по частным, обычно имеющим конкретный истори-

ко-философский и социально-политический фон проблемам. Именно такими в начале XX века были темы трагичности жизни и смерти.

Н.А. Бердяев увидел в отношении к трагедии пробный камень для двух типов мировоззрения — идеалистического и реалистического. Он обвинил позитивизм в бессилии осознать, осмыслить основной трагизм жизни — трагизм смерти. По мнению Н.А. Бердяева, трагизм состоит в столкновении чувства безысходности от осознания эмпирически неустранимой смерти с живущей в человеке жаждой жизни, бессмертия, бесконечного совершенства и бесконечного могущества [3, с.189].

Адепт Ф. Ницше, А. Бэна и Э. Маха без промедления откликнулся на работу Н.А. Бердяева. Его ответ подтверждает обоснованность бердяевских упрёков. Для А.В. Луначарского страх смерти является естественным продуктом столкновения животного инстинкта самосохранения с ясным сознанием будущего, сознанием неизбежности смерти. Значение этой проблемы для жизни совершенно ничтожно, она разрешается реальными силами конкретной личности. Активная личность, для которой жить — значит творить, принимать участие в социальном творчестве, просто не думает о смерти. Такой человек живёт мыслями о вещах долговечных и прекрасных, в создании которых он принимает горячее участие.

Одной из таких высоких, значительных сфер деятельности, по убеждению А.В. Луначарского, является познание. Человечество переживало мучительную трагедию, когда убеждалось в невозможности абсолютного познания. Возвышение до понимания культурно-исторического происхождения идеи об абсолютном знании делает возможным избавление от трагедии. Вслед за своим учителем, частично преодолевшим трагизм человеческой жизни, русский махист торжественно провозглашает новую абсолютную истину: «...Материал науки — человеческий опыт во всём его объёме, но ничего кроме опыта; цель её — возможность точно ориентироваться среди явлений и влиять на них; результат — культура, т. е. победа начала целесообразного творчества над стихийностью» [4, с. 34].

Подобно Ницше, А.В. Луначарский убеждён, что трагизм жизни служит сам себе оправданием, а глубоко трагическое отношение к жизни может быть бодрым и даже радостным. По его мнению, трагизм жизни заключается в противоречии между слепой стихийностью природы и чувствующей, сознательно-телеологической сущностью человека. Для двадцатисемилетнего революционера ужасна сама мысль об ослаблении трагедии, отказе от борьбы. Там, где больше всего страданий, жертв, усилий, — там торжествует человеческий дух. Война есть зло и сопряжена со страданием, но раз она необходима — страх смерти не существует для материалиста-марксиста благодаря высокому развитию социального чувства. В самом факте смертности людей нет ничего страшного и трагичного. Все знают, уверенно пишет А.В. Луначарский, что в битве храбрые люди меньше всего думают о смерти, которая висит над ними.

Особое место в философском наследии А.В. Луначарского занимает исследование жизни и творчества Ф. Бэкона, предназначенное для издания в серии «Жизнь замечательных людей». Работа, оставшаяся незавершённой, замет-

но выделяется на фоне пропагандистских текстов последнего десятилетия жизни наркома. Она свидетельствует о его верности основным философским интуициям, проблемам и путям их разрешения, определившимися в годы интеллектуальной юности. Интерес А.В. Луначарского к Ф. Бэкону был давним. Находясь в 1899 году в тюрьме, он изучал английский язык, читал в подлиннике Шекспира и Бэкона. Содержание работы свидетельствует об использовании автором книг, изданных в 1927 — 1930 гг. на английском и французском языках.

А.В. Луначарский, опираясь на анализ социально-психологических портретов современников основоположника философии науки, содержащихся в трагедиях Шекспира, предпринял попытку объяснить особенности менталитета, социальной структуры и социальной динамики эпохи Возрождения, формирования гносеологических, нравственных и политических взглядов философа. Автор биографии отмечает: своим стремлением отвергнуть или, по крайней мере, принизить роль дедуктивного метода, Бэкон придавал науке чрезвычайно односторонний эмпирический характер. Верный своим философским пристрастиям, А.В. Луначарский определяет результаты научных исследований как упорядоченный опыт.

Раскрывая родословную своей концепции религии, А.В. Луначарский, наряду с именами и трудами К. Маркса, Л. Фейербаха, И. Дицгена и других хорошо известных в современной России философов, называет Ж. М. Гюйо (1854 — 1888), характеризуя его как мыслителя бесконечно симпатичного, безмерно одарённого настоящим религиозным чутьём, заслуживающего самого внимательного изучения. Французский философ и поэт развил оригинальную концепцию «безверия», или иррелигиозности, которая должна прийти на смену современным ему религиозным формам. Время религии как системы догматов миновало, считал Гюйо, но безверие будущего — не антирелигиозная эпоха, не отрицание религии, а её высшая ступень. В книге «Иррелигиозность будущего» он проанализировал феномен религии, начиная с её происхождения и заканчивая изучением явлений кризиса и трансформации, рассмотрел социальные функции религии, этапы её становления и развития в обществе.

А.В. Луначарский в работе «Религия и социализм» отмечает, что Гюйо изящно и верно формулировал внутреннее содержание религии. Взгляды Гюйо - вовсе не безверие, во всяком случае, не иррелигиозность в смысле отсутствия ценностей старых религий. Скорее это своеобразная религия, отвергшая так много внешних форм прошлого, что она во многом является как бы противоположностью старой религии.

Экземпляр одной из книг Гюйо — «Очерк нравственности без обязательств и без санкций» — постоянно находился на рабочем столе ещё одного философского предшественника и наставника А.В. Луначарского — Ф. Ницше. Этика, по мнению французского мыслителя, должна быть учением о средствах, при помощи которых достигается цель, поставленная самой природой — рост и развитие жизни. В многочисленных философских сочинениях Гюйо даёт обоснование науки, морали, религии и искусства исходя из понятия жизни; общий для всех «порыв жизни» нерасторжимо связывает человека с другими людьми, создавая основу социальной солидарности и согласия; им обусловлено и чув-

ство единства человека с космосом. Все мироздание, отдельный человек и общество в целом законом расширения жизни и возрастания её интенсивности. В будущем свободное развитие жизненных сил может привести к возникновению новых форм жизни. Поскольку в жизни естественным образом согласуется точка зрения индивидуальная и коллективная, общественная, есть основание надеяться на создание общества будущего, где будут сняты противоречия эгоизма и альтруизма и утвердятся «мораль без обязательств и санкций», главный принцип которой — максимальное распространение жизни во всех направлениях, а значит, расширение общения людей, симпатии или альтруизма.

Гюйо писал о радости риска в мышлении, «метафизического риска», готовности создавать и воплощать социальные гипотезы. Гипотеза, представление о лучшей жизни, на практике имеет те же последствия, что и вера; она даже порождает веру, хотя и не догматическую. Искусство, также являющееся расширением жизни, создаётся людьми, способными уловить жизнь природы и передать свои впечатления другим людям путём «симпатии». Такова же и функция философии; кроме того, философия, в отличие от наук, способных только констатировать факты и управляющие ими законы, может судить и об идеалах и целях людей, хотя ни одна отдельно взятая доктрина не в силах полностью выразить творческие возможности жизни. Духовное родство и наличие влияния французского мыслителя на А.В. Луначарского не вызывают сомнений. Есть и ещё одна точка соприкосновения - в их судьбах. Страдавший туберкулёзом Ж.М. Гюйо, и больной опальный философ-нарком последние дни жизни провели в Ментоне — французском городе-курорте на границе с Италией.

А.В. Луначарский предпринял попытку создания всеохватывающей «реалистической» философской системы, в которой эстетике отводилась особая роль. Эстетику он определял как науку об оценке, теория познания и этика суть лишь её разветвления. Оценивает человек с трёх точек зрения: с точки зрения истины, красоты и добра. Предлагаются и критерии оценки: всё, что способствует жизни, есть истина, благо и красота; всё, что разрушает или принижает жизнь и ограничивает её, есть нечто отрицательное. Так как оценка есть явление жизни, то она подлежит изучению биологической психологии как раздела биологии. Психобиологическое исследование будет содержанием биологической эстетики. Но бесконечную сложность этого психического явления невозможно понять, изучая изолированный индивид. Изучение отдельной личности помогает разобраться лишь в самых простых формах оценки. Только социально-психологическое исследование может дать ключ к пониманию всех и всяких родов оценки.

В сознании «активного реалиста» истина, красота и добро соединяются в единый идеал полной жизни, который человечество может реализовать путём эмпирического познания, художественного творчества. Далее ортодоксальный коллективист парадоксальным образом утверждает: «... жизнь есть процесс самоутверждения, а идеал — та же жизнь, но полная, цельная, цветущая, торжествующая, творческая» [5, с. 37].

По сути, эстетизм А.В. Луначарского — отрицание, вслед за Ницше, всего нравственного во имя прекрасной, могучей жизни. Ф. Ницше в работе

«Рождение трагедии из духа музыки» отмечал соединение аполлонического и дионисийского начал, характерных для эллинской культуры, в образе Прометея Эсхила. Содержание, форма и стиль философских, драматических, пропагандистских сочинений русского ницшеанца свидетельствуют о немалых социальных, в том числе литературных, амбициях автора. Однако в его творчестве дионисийское эстетическое начало в конечном счёте берет верх над рассудочным аполлоническим стремлением к добру и истине, воплощённом в эмпириокритической проблематике и методологии. Объяснение этому феномену можно найти у поэта-романтика Новалиса, одного из философских предшественников Ницше. «У нравственного идеала, - писал он, - нет соперника более опасного, нежели идеал наивысшей силы или жизненной мощи, который иначе называют ещё (очень верно по существу и неверно по выражению мысли) идеалом эстетического величия» [6, с. 377].

В попытках фактической подмены философии эстетикой, в биологизации эстетики, даже в терминологии и аргументации А.В. Луначарского ощутимо влияние Г. Спенсера и М. Гюйо. Идеи биологизма, социал-дарвинизма, ницшеанства, эмпириокритицизма сплавляются с марксистскими представлениями о классовой борьбе, приоритете коллективного над индивидуальным. Образуется комплекс идей, объясняющий переход в будущем на позиции большевизма, внутреннюю готовность к участию в осуществлении и оправдании тотального насилия: «О мирной солидарной работе всечеловечества в настоящее время не может быть речи, самый страстный поклонник счастья «дальнего», ... а также самый прогрессивный и сознательный класс общества, должны вступить в борьбу с косностью, ленью, себялюбием других людей и классов, с жадностью, тупостью привилегированных, невежеством и рабским духом униженных; в этой борьбе они должны быть тверды и даже жестоки, они должны напрягать все свои силы, чтобы вести человечество своей дорогой во что бы то ни стало, потому что они не могут не считать своей дорогой ту, которая с их точки зрения является наиболее близким путём к идеалу» [7, с. 45-46]. Связь цитируемых положений с последующей большевизацией автора прямо подчёркнута в комментарии при переиздании работы в 1923 году.

В качестве критерия оценки явлений А.В. Луначарский предлагает фиксировать их влияние, позитивное или негативное, на жизнь человека. В этом он следует за учеником Авенариуса Р.М. Хольцапфелем, который определял оценку того или иного явления с точки зрения его полезности для жизни индивида и человечества.

Австрийский философ и психолог Р.М. Хольцапфель в своих основных работах «Панидеал. Психология социальных чувств» (1901 г.) и «Сущность и методы социальной психологии» (1903 г.) выстроил этику и психологию социальных чувств на базе субъективно-идеалистического сенсуализма. По его представлению, совершенный идеал («панидеал») есть комплекс этических, эстетических и «гигиопсихических» ценностей. Полное разностороннее развитие человека Хольцапфель предлагал называть гигиопсихическим. Гармония всех позитивных тенденций приведёт человечество к совершенному состоянию.

А.В. Луначарский, в отличие от Г.В. Плеханова, давал высокую оценку идеям Р.М. Хольцапфеля, считал интересной и во многих отношениях удачной его попытку построения эмпириокритической теории ценностей, хотя и отмечал, что расходился с ним в частностях. Русский позитивист и ницшеанец считал, что намеченный Р.М. Хольцапфелем панидеализм совпадает с эстетическим аморализмом, позволяет позитивистам выбить метафизиков из великой области науки об оценке и оценивающей философии. Критическое изложение мыслей философского единомышленника он использовал в качестве механизма формирования и развития собственной концепции эстетического. Анализ работы «Новая теория позитивного идеализма», в свою очередь, может способствовать более глубокому и более точному пониманию жизни и творчества автора. Возникает шанс увидеть зарождение концепции богостроительства. Вслед за Хольцапфелем, её будущий соавтор заявляет, что единение со своим идеалом, рождающее восторг и уверенность, мы охотно называем молитвой. Религия человечества, с ясными категориями добра и зла, с её возможностью внутреннего самовоспитания, внутренней борьбы между личными и сверхличными инстинктами, с её конкретными святыми и мучениками, по мнению А.В. Луначарского, действительно может стать рядом с христианством во всеоружии искусства, вдохновения, во всем богатстве живой веры, не противоречащей, однако, ни данным, ни методам науки, а являющейся её живым дополнением.

Такие декларации А.В. Луначарского сегодня воспринимаются как манифестация большевистской политики расправ с религиозным и политическим инакомыслием. За абстрактными и обтекаемыми метафизическими понятиями встают лозунги и конкретные действия большевиков. Например, по проблеме соотношения целей и средств их достижения, допустимости и оправданности революционного насилия философ соглашается с утверждением: панидеалист не любит человечество, как таковое, всякое человечество, он может любить лишь человечество, способное к развитию. Если бы человечество надо было жалеть, опекать, охранять, то панидеалист проникся бы презрением к такому «хилому отродью». Всякая личность, выработавшая идеал человеческого развития, может активно и насильственно содействовать такому развитию там, где смысл и ценность этого развития не может быть сразу понята другими. При этом, конечно, первой целью борьбы будет подведение противника к пониманию его настоящих выгод. Но там, где это невозможно, возможен переход к другим мерам борьбы с противником для его же блага. А.В. Луначарский признаёт, что Хольцапфель санкционирует вражду и насилие, но упрекает его лишь в том, что тот недостаточно разработал вопрос.

Изложение взглядов Р.М. Хольцапфеля дало А.В. Луначарскому возможность очертить также собственное представление о морали. Опираясь на ницшеанское понимание морали и используя позитивистскую терминологию в качестве вербального прикрытия, он сформировал основные элементы нравственного каркаса своей последующей политической деятельности. Напомним основные тезисы: моральная оценка есть оценка с точки зрения эгоизма и альтруизма; освободившись от этой узости, оценка становится сверхморальной и проходит две ступени - индивидуалистического аморализма и аморализма па-

нидеалистического. Панидеал диктуется и строится наукой, не научна в нем лишь основная инстинктивная любовь к роскошному развитию жизни. Человек должен заменить абсолютные приговоры о достоинстве эгоизма и альтруизма относительным суждением о них. Разница между альтруистической моралью и гигиопсихическим индивидуализмом громадна. Личность, стремясь к переоценке всех ценностей, становится адептом гигиопсихической революционной морали саморазвития, или, как предпочитает выразиться А.В. Луначарский, индивидуалистического аморализма.

Становится объяснимым политический разрыв с философскими единомышленниками, прежде всего с нравственным максималистом А.А. Богдановым. Перестаёт казаться трагическим недоразумением переход на политические позиции Л.Д. Троцкого, а затем и В.И. Ленина. Отзывы современников о А.В. Луначарском как о жуире и ловеласе, упрёки в барских замашках и финансовой нечистоплотности уже не воспринимаются неожиданными и безосновательными. Осознанный эстетический и эстетствующий аморализм, политическая неразборчивость, в конечном счёте, привели к настоящему самоотлучению обладающего несомненным философским даром человека от философии.

Однако даже в последние годы жизни в сознании А.В. Луначарского были живы фрагменты философских представлений юности. Свидетельством тому — предисловие к изданию в 1925 г. работ, написанных в начале века [8, с. 10-12]. Автор счёл необходимым подчеркнуть верность своим размышлениям о философском содержании творчества австрийского поэта Николауса Ленау, высказанным в уже в цитированной в начале статьи публикации 1904 г. В частности, он пишет: «Ленау никогда не мог выяснить окончательно свои мысли, они всегда слишком сильно сплетались с чувством, они были горячи и потому нетверды, но вследствие этого он и не перестаёт ни на минуту быть поэтом. Он страдает своими мыслями, его идеи разыгрывают драму в его душе и выливаются оттуда в виде диалогов, признаний, проповедей. Но Ленау обладал большим умом — умом истинно философским: в нем не было ни одного внутренне-го терзания, которое он не отвёл бы к общей причине, не сделал бы глубоко значительным, возвысив до идейного страдания» [1, с. 7-8]. Эти слова вполне справедливы в отношении самого А.В. Луначарского.

Список литературы

1. Луначарский А. В. Н. Ленау и его философские поэмы // А. В. Луначарский Собр. соч. Т. 5. М.: Худож. лит., 1965. С. 7–82.
2. Луначарский А. В. Этюды критические и полемические. М.: Изд. журн. «Правда»; 1905. VI. 410 с.
3. Бердяев Н.А. К философии трагедии. Морис Метерлинк // Н.А. Бердяев Философия творчества, культуры, искусства. Т.2. М.: Искусство, 1994. С.188-210.
4. Луначарский А. В. Трагизм жизни и белая магия // Луначарский А. В. Против идеализма: этюды полемические. М.: Работник просвещения, 1924. С. 21-45.

5. Луначарский А. В. Основы позитивной эстетики. М.: Петроград: Гос. изд-во, 1923. 133 с.

6. Манн Т. Философия Ницше в свете нашего опыта // Т. Манн Собр. соч.: в 10 т. М.: Худож. лит-ра, 1961. Т. 10. С. 346-391.

7. Луначарский А. В. Основы позитивной эстетики. М.: Петроград: Гос. изд-во, 1923. 133 с.

8. Луначарский А. В. Этюды критические. Западноевропейская литература. М.; Л.: Земля и фабрика, 1925. 397 с.

Данилкина Татьяна Владимировна, канд. филос. наук, доц., tdanilkina@yandex.ru, Россия, Тула, Тульский государственный университет.

*FORMATION OF A.V. LUNACHARSKY
AS A PHILOSOPHER AND A POLITICIAN*

T.V. Danilkina

Identified and analyzed the little-studied philosophical concepts of the 19th century, which had a significant influence on views of A.V. Lunacharsky about religion, and the tragedy of life, the relationship of aesthetics and ethics, the relationship of philosophical creativity and political activity.

Key words: A. Ben, A.V. Lunacharsky, biological assessment, hypsychological development, J.M. Guyot, Panideanism, R.M. Holzapfel, the tragedy of life, aesthetics.

Danilkina Tatyana Vladimirovna, candidate of philosophical sciences, docent, tdanilki-na@yandex.ru, Russia, Tula, Tula State University.

УДК 13+930.1

КАТЕГОРИЯ «ВРЕМЯ» В ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ Н.А. БЕРДЯЕВА

А.М. Хамидулин

Рассмотрена темпоральная проблематика в философии истории Н.А. Бердяева. Анализируется соотношение категорий «космическое время», «историческое время» и «экзистенциальное время». Выявляется значение символизации данных категорий и их роль в историческом движении. Исходя из чего делается вывод о линейно-циклическом понимании Н.А. Бердяевым историко-темпорального процесса .

Ключевые слова: философия истории, Н.А. Бердяев, время, человек

В главном своем труде, посвященном философии истории «Смысл истории» (1923), Н.А. Бердяев утверждает, что проблематика времени является «...основным вопросом, основной посылкой всякой философии истории...» [1, С. 66]. А в своей

философской автобиографии «Самопознание» (1940) философ именуется время «...величайшей метафизической тайной и сплошным парадоксом» [2, С. 292] и даже «...основной проблемой философии, особенно философии экзистенциальной» [2, С. 39]. В трактатах Н.А. Бердяева, относящихся к послеэмигрантскому, «зрелому» периоду его творчества («О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии» 1939 года и «Опыт эсхатологической метафизики. Творчество и объективация» 1947 года) им обоснована авторская типология времени.

«Есть три времени – время космическое, время историческое и время экзистенциальное» [3, С. 155] - утверждает русский мыслитель. И как справедливо отмечает О.В. Малова «...темпоральная триада Н.А. Бердяева выстроена на основе его концепции трех реальностей: природы, истории и внутреннего мира человека. Человек находится во всех перечисленных реальностях, каждая из них имеет свое значение для него» [4, С. 60]. Согласно подходу Бердяева, то время, которое ассоциируется с историей людей, народов и государств («история человеческих судеб» в терминологии Бердяева) – есть время историческое. Символом исторического времени у мыслителя выступает устремленная в будущее прямая линия, что логически означает необратимость времени и его одностороннюю направленность. Причем изобретением линейного исторического времени (как и самой философии истории), с точки зрения философа, мир обязан иранско-иудейско-христианской культуре [5, С. 259]. Историческое время стремится сохранить прошлое и достичь будущего, поэтому оно одновременно выступает в своей консервативной и в революционной ипостасях. Оно способно угнетать, поработать человека и отвлекать его иллюзиями лучшего прошлого и совершенного будущего, поэтому историческое время – есть время разорванное, исчисляющееся математически. При этом возникающая в истории новизна возможна как раз во времени историческом. Поскольку именно историческое время тесно связано с человеческой активностью и творчеством, каждая эпоха и каждый человек в истории по-своему индивидуальны и уникальны.

Однако возможна и повторяемость эпох, но не буквальная, а типологическая. Так, например, завершение исторической эпохи, свидетелем которой стал Бердяев в конце XIX – начале XX веков, представляется философу схожим с закатом античного мира и его варваризацией в IV-VI веках [6, С. 225]. А европейское просвещение XVIII века видится мыслителю схожим с периодом расцвета древнегреческой культуры времен софистов V-VI веков до нашей эры [1, С. 12]. Кроме того, всякая переходная эпоха, сопровождающаяся общественным переломом и кризисным состоянием всех сфер человеческой жизни, также имеет сходство с другими подобными периодами. Такого рода умозаключения позволяют Бердяеву, несмотря на векторную символику исторического времени, говорить в «Смысле истории» (1923) о некоторой повторяемости истории (цикличности развития культур [1, С. 12]). А в работе «Опыт эсхатологической метафизики» (1947) он отрицает закон прогресса по восходящей

линии, предполагает возможность относительного прогресса (касательно отдельных феноменов общественной жизни, причем прогресс в одних сферах жизни, может сопровождаться регрессом в других. Бердяев утверждает: «Прогресс есть задача, а не закон» [5, С. 244]. Вместе с тем, в сочинениях Бердяева взаимодействие цикличности и векторности в истории сохраняет свою диалектику. Так об этом пишет исследователь философии истории Бердяева И.В. Погодин: «Цикличность жизни переходит в векторность жизни, вследствие того, что цель развития исторического субъекта, согласно Бердяеву, располагается за пределами материального чувственного мира, имеет духовное измерение и предполагает непрерывное обновление содержания исторической действительности» [7, С. 21].

Называя человека существом историческим, Бердяев в то же время не забывает о естественно-природной составляющей жизни, и именует человека существом космическим. В системе Бердяева одновременно сосуществуют история человеческих судеб, ассоциирующаяся в своем глобальном масштабе с историческим временем, и природная или космическая история, которая ассоциируется со временем космическим. Космическое время символизируется в его концепции кругом и согласуется с ритмизированными природными процессами, связанными прежде всего с суточными, месячными и годовыми природными циклами, и измеряется, как и время историческое, математически, т.е. представляет собой время, повторяющееся или возвращающееся. В эпоху античности мыслители в подавляющем своем большинстве воспринимали именно космическое время, утверждает философ, оно было для них объектом эстетического внимания и онтологического мифологизирования. Однако если для древних греков космос был статичен в своей гармонии, то для Бердяева это оказывается не приемлемым. Космическое время не является статическим, оно подвижно. Примечательно, что Бердяев считает, что модус существования космического времени зависит от характера движения, осуществляющегося в этом времени, что может считаться скрытой аллюзией на общую теорию относительности, сформулированную Альбертом Эйнштейном в 1915-1916 годах (а именно на такое понятие, как «гравитационное замедление времени»). Это может свидетельствовать о том, что русский философ живо интересовался открытиями из иной предметной области. Тем не менее, для Бердяева космическое время также есть время разорванное, объективированное. Оно влечет все живое к смерти, представляет угрозу для отдельной личности (но не для жизнеподательной силы рода).

Человек живет в обоих этих временах – во времени историческом и во времени космическом. Причем интересно отметить соотношение времени исторического и космического. Если отождествить историю космоса (природы) со временем космическим (природным), а историю (человечества) с историческим временем, то, по мнению Бердяева, получается, что «...не история человечества есть часть истории природного мира, а история природного мира есть часть истории» [3, С. 154]. Это значит, что для философа несомненно, большее значе-

ние имеет история человечества, поскольку в свете общей историософской концепции Бердяева она предполагает наличие смысла, феномена творчества, а также различные коллизии, связанные со свободой самоопределения, которое трактуется в философско-исторической системе Бердяева как одна из движущих сил истории. Две другие – это Бог и рок [5, С. 265]. Рок ассоциируется у Бердяева с гегелевской «хитростью разума» и связан с различным проявлением исторического детерминизма в зарождении и гибели царств, с властью техники, созданной для роста человеческого могущества. В истории, согласно Бердяеву, есть также периоды богооставленности и ослабления воли, периодическое торжество рока. При этом рок следует отличать от судьбы, судьба – это всегда последствия свободного выбора человека. Это означает, что Бердяев согласно категоризации наук Генриха Риккерта (Бердяев был знаком с его концепцией, хотя и не принимал ее бесспорно [1, С. 19]), отводил истории место в разряде наук о культуре, изучающих уникальные, ценностно значимые феномены жизни, в отличие от наук о природе, которые раскрывают причины повторяющихся явлений. Не только история человечества включает в себя историю природы, поскольку смысловая оценка чего бы то ни было невозможна без участия человека, но и само время мыслится философом как результат изменения, а не наоборот. Это можно рассматривать как классическое утверждение христианского богословия о том, что время сотворено Создателем вместе с пространством, а можно в этом усматривать еще один пример влияния идей из области релятивистской механики на историософскую концепцию Бердяева: «Время есть потому, что есть активность, творчество, переход от небытия к бытию...» [8, С. 283]. При сопоставлении исторического времени с историей человечества (историей человеческих судеб) в концепции Бердяева можно отметить еще один важный аспект. Дело в том, что история человеческих судеб включает в себя как историю крупных сообществ (коллективных индивидуальностей [1, С. 1, 20; 9, С. 300]), так и историю отдельных личностей. А, в свою очередь, отдельные личности, кроме своей жизни в космологическое и историческое времена, обладают доступом к особому измерению времени, называемому Бердяевым временем экзистенциальным.

Экзистенциальное время обнаруживается человеком в персональных глубинах собственного «я», оно может быть понято как психологическое измерение времени исторического и космического, однако у Бердяева оно являет собой самостоятельную темпоральную категорию, которая связана как с земной временностью, так и с вечностью. Следует заметить, что экзистенциальное измерение человеческого бытия для Бердяева есть онтологическая, а не биологическая категория: «Существование человека есть его пребывание в себе, в своем подлинном мире, а не в выброшенности в мир биологический и социальный» [8, С. 254]. Экзистенциальное время символизируется у мыслителя точкой, что означает попытку внепространственного описания данной категории, придание ему измерения качественного, а не математически исчисляемого количественного. Вместе с тем, на символику экзистенциального времени в ви-

де точки можно посмотреть и иначе, представив, что точка есть не что иное как проекция вертикальной линии на плоскости. Если смотреть на символическую схему условно «сверху», где историческое время есть прямая линия (вектор), а космическое время есть круг (категории, расположенные на двухмерной плоскости), то при таком подходе время экзистенциальное как особое измерение свободы и творчества требует и особой символизации, которая возможна при добавлении к данной схеме третьего измерения. Вертикальная линия предполагает наличие трехмерного пространства, и данная интерпретация позволяет лучше представить, каким образом экзистенциальное время может соединять собой поле историко-космического времени и поле времени небесного. Причем основание такому прочтению символики времени можно обнаружить и в текстах самого мыслителя: «Все, что совершается в экзистенциальном времени, совершается по линии вертикальной, а не горизонтальной» [3, С. 158]. Также и в другом месте: «Подлинная творческая новизна совершается в экзистенциальном времени, во времени необъективированном, т. е. по вертикали, а не по горизонтали. Но творческие акты, совершающиеся по вертикали, проектируются на плоскости и воспринимаются как совершенные в историческом времени» [5, С. 243-244].

Примечательно, что эти рассуждения Бердяева созвучны позиции представителей философии жизни Вильгельма Дильтея и Анри Бергсона. Эти мыслители также выделяли реальность времени внутреннего и внешнего, и, как замечает отечественный философ П.П. Гайденко, они «...оба противопоставляют время как реальность, фиксируемую внутренним чувством и данную непосредственно, «абстрактному времени» математики и естествознания, т. е. времени, имеющему лишь количественные, а не качественные характеристики» [10, С. 321]. Так в трактате Анри Бергсона «Материя и память» (1896) мы встречаем буквально следующее выражение: «Что такое для меня настоящий момент?.. здесь не может быть речи о математическом мгновении» [11, С. 550]. Это означает, что Бердяев мыслит в схожем смысловом поле со своими старшими современниками, творчество которых, очевидно, было ему знакомо [8, С. 251, 252, 254, 260, 304].

Таким образом, принимая во внимания символику трех видов времени, можно сказать, что, в философии Бердяева, субъект познания, рефлексирова по поводу исторического процесса, обнаруживает взаимодействие циклического и прямолинейного времени с внутренним экзистенциальным временем, которое выступает смысловой сердцевиной истории. Экзистенциальное время субъективно, что предполагает лабильность его длительности, не привязанной жестко ко времени историческому или космическому, зависящей от личностных переживаний и состояний человека (радостных или страдательных). Во времени экзистенциальном нет различия между прошлым, настоящим и будущим. Данная категория времени связывает мгновение со временем небесным или вечностью, тем самым означает возможность прорыва вечности во временность посредством человеческого восприятия и воображения. Следовательно, история, понимаемая Бердяевым как взаимодействие времени и вечности, реализуется

непосредственно через человека, что отмечается И.В. Погодиным как постулат его историософской системы: «...Бердяев видит источник личностного и исторического роста, который создаёт интенсивную и непрерывную энергетику развития, укоренённым во внутреннем мире субъекта» [7, С. 33]. Показательно, что Бердяев связывает начало истории и ее конец со сферой экзистенциального времени. И именно из области экзистенциального времени возникает в историческом процессе настоящая новизна, так результат творческой деятельности субъекта истории экстериоризируется во времени историческом. Благодаря внутреннему измерению времени проявляется и пророческость сознания историка, и, следовательно, его способность проникать мыслью в отдаленное прошлое и будущее. «Таково явление всякого замечательного человека в истории» [3, С. 158] - подытоживает Бердяев, подразумевая тем самым, что великие люди не только создают историю, но и познают ее.

Таким образом, в этом круговороте темпоральностей разного уровня Бердяевым вскрывается линейно-циклическое или спиралевидное движение времени, а история рассматривается при помощи триады времен (космическое, историческое, экзистенциальное). Историософское измерение проблематики времени в творчестве Бердяева является синтетическим, соединяет традиционные метафизические представления о доминанте вечности над временем с модернистским, экзистенциальным по духу учением о преобладании реально длящегося времени над умозрительной вечностью.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Смысл истории // Новое средневековье. М.: Канон+, 2002. С. 7-220.
2. Бердяев Н.А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). М.: Книга, 1999. С. 7-333.
3. Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека // Опыт персоналистической философии / Царство Духа и царство Кесаря. М.: Республика, 1995. С. 4-163.
4. Малова О.В. Проблема времени в русской философии первой половины XX в. // Вестник Пермского университета. 2016. №4 (28). С. 57-63.
5. Бердяев Н.А. Опыт эсхатологической метафизики // Бердяев Н.А. Царство Духа и царство Кесаря. М.: Республика, 1995. С. 164-287.
6. Бердяев Н.А. Новое средневековье. / Бердяев Н.А. Смысл истории. Новое средневековье. М.: Канон+, 2002. С. 221-313.
7. Погодин И.В. Христианская историософия Н.А. Бердяева. М., 2001. 195 с.
8. Бердяев Н.А. Я и мир объектов // Философия свободного духа. М: Республика, 1994. С. 230-317.
9. Бердяев Н.А. Человеческая личность и сверхчеловеческие ценности // Современные записки: общественно-политический и литературный журнал. XLIII. Париж, 1937. С. 293-332.

10. Гайденко П.П. Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке. М.: Прогресс-Традиция. 2006. 464 с.

11. Бергсон А. Материя и память / Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память. Минск: Харвест, 1999. 1408 с.

Хамидулин Артем Маратович, канд. богословия, магистр профессионального обучения, ст. преподаватель кафедры, am-khamidulin@yandex.ru, Россия, Нижний Новгород, Нижегородская духовная семинария, НГПУ им. Козьмы Минина (Мининский университет)

THE «TIME» CATEGORY IN THE PHILOSOPHY OF HISTORY N.A. BERDYAEV

A.M. Khamidulin

The temporal problem in the philosophy of history N.A. Berdyaev is considered. The correlation of the categories “space time”, “historical time” and “existential time” is analyzed. The significance of the symbolization of these categories and their role in the historical movement are revealed. Based on what a conclusion is drawn about the linear-cyclic understanding of the historical and temporal process in N. A. Berdyaev.

Key words: philosophy of history, N. A. Berdyaev, time, man.

Khamidulin Artem Maratovich, candidate of theology, master of vocational training, senior lecturer of the department, am-khamidulin@yandex.ru, Russia, Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod Theological Seminary, NGPU im. Kozmy Minin (University of Minin)

УДК 101.1; 167

ПРОСТРАНСТВО ФИЛОСОФСКОГО ТЕКСТА: ОТ СЕМИОСФЕРЫ К МЕТАФИЗИКЕ ЛАНДШАФТА

А.А. Еникеев

Посвящается важной проблеме современной философии – обоснованию пространственной логики изучения философского текста. Философский текст рассматривается в ракурсе двух основных концепций: семиотической концепции текста Ю. Лотмана и «метафизики ландшафта» В. Подороги. Делается вывод, что пространственная логика (топология) понимания философского текста является перспективной, поскольку позволяет решить вопрос об отношении текста к философской традиции (историко-философский ракурс), к современной культуре (ракурс культурных исследований) и к гуманитарным наукам (ракурс современной гуманитаристики).

Ключевые слова: философский текст, метафизический ландшафт, семиосфера, топологическая аналитика.

Философский текст как предмет исследования в области современной гуманитаристики изучается либо в аспекте его структуры и логики построения, либо в качестве знаково-семиотического пространства порождения смыслов. В первом случае можно говорить о таких особенностях философского текста, как используемая теория аргументации [1], жанровое многообразие [2, 3, 4] или

даже «анатомии философского текста» [5]. Во втором случае современные исследователи говорят об онтологии текста [6], текстовой культуре [7, 8], роли метафоры в философском произведении [9, 10, 11, 12]. При этом немногие из современных аналитиков отдадут должное наследию московско-тартуской семиотической школы [13] или творчеству М. Бахтина [14], которые наряду с русскими формалистами были у истоков исследований литературных и философских текстов в России.

Подчас вне сферы интересов современных аналитиков оказывается проблема пространственного расположения философского текста, его топология. Топология текста – это сравнительно новая и актуальная область философских исследований, которая позволяет определить роль и место философского текста в современном гуманитарном дискурсе.

В качестве задач исследования следует предложить идею, согласно которой философский текст должен найти свою топологическую локализацию в трех наиболее резонансных аспектах: 1) по отношению к философской традиции (историко-философский ракурс); 2) по отношению к современной культуре (ракурс культурных исследований) и 3) по отношению к гуманитарным наукам (ракурс современной гуманитаристики).

В качестве действующей методологии исследования философского текста следует обозначить две наиболее перспективные стратегии. Первая стратегия связана с семиотикой текста и представлена в работах Ю. Лотмана и других представителей московско-тартуской семиотической школы. Вторая стратегия связана с пространственной логикой понимания социально-гуманитарных процессов современности, поэтому носит название «методы топологической аналитики» [15].

Топологическая аналитика философского текста представлена целым рядом независимых исследовательских проектов в области методологии гуманитарного познания. Первым в отечественной философской традиции убедительным примером использования методов топологической аналитики можно считать курс лекций о Прусте М. Мамардашвили [11]. Другим удачным опытом развития методов топологической аналитики для изучения философского дискурса можно считать проект «метафизики ландшафта» В. Подороги [16], в котором он убедительно показывает многообразие коммуникативных стратегий позиционирования философского текста в современной социокультурной ситуации. Из современных аналитиков, использующих топологическую методологию, следует назвать, прежде всего С. Азаренко [17], расширяющего данную проблематику до анализа культуры и общества. Определенную ценность имеет проект «топологической рефлексии» В. Савчука [18], в котором он обосновывает необходимость отхода от классической «оптической рефлексии» при определении роли и статуса философского дискурса современности. К названным авторам можно добавить также А. Грякалова [19], который использует топологическую методологию для анализа эстетического опыта и субъективных стратегий реализации личности. В целом следует сказать, что методология топологической аналитики получила широкое распространение в современной гуманитарной науке, во многом определив специфику исследований философского текста.

Проблема пространственной характеристики текста, в том числе текста философского, во многом была инспирирована исследованиями в области семиотики и литературоведения. В России это связано с деятельностью московско-тартуской семиотической школы и ее лидером Ю. М. Лотманом, который обозначил основные подходы к проблеме текста. Взгляд Лотмана на проблему текста был достаточно своеобразен, поэтому не все его положения применимы в рамках нашего исследования, однако основные компоненты семиотического понимания текста представляют вполне определенный интерес.

В частности, представляется важным выделение Лотманом трех основных функций любого текста в качестве семиотического объекта: творческая (или смыслопорождающая), транслирующая (передающая содержание) и сохраняющая (то есть воспроизводящая текст в культуре).

Проблема творческого компонента текста связывается Лотманом с возможностью создания принципиально «новых сообщений». Здесь имеются два варианта развития ситуации. Первый вариант связан с искусственными (формализованными) языками и проблемой перевода между ними. При правильном (точном) переводе с одного языка на другой, появившийся текст нельзя считать новым, поэтому творческая функция текста в собственном смысле слова здесь не реализуется. «Если перевод с языка L1 текста T1 на язык L2 приводит к появлению текста T2 такого рода, что при операции обратного перевода мы получаем исходный текст T1, то мы не будем считать текст T2 новым по отношению к T1. Так, с этой точки зрения правильное решение математических задач новых текстов не создает» [20, с. 21].

Второй вариант касается текстов, которые написаны на неформальных (естественных) языках, креативная функция которых наиболее выражена, например, языки поэзии или философии. «Очевидно, что если самое посредственное стихотворение перевести на другой язык (то есть на язык другой стихотворной системы), то операция обратного перевода не даст исходного текста. Самый факт возможности многократного художественного перевода одного и того же стихотворения различными переводчиками свидетельствует о том, что вместо точного соответствия тексту T1 в этом случае сопоставлено некоторое пространство. Любой из заполняющих его текстов t1, t2, ... tn будет возможной интерпретацией исходного текста» [20, с. 21-22].

Очевидно, что философский текст относится ко второй группе текстов, то есть по своей сути ближе к текстам поэтическим, чем научным в собственном смысле слова. Поэтому многие исследователи говорят о трудностях (или даже невозможности) перевода философского текста с одного языка на другой [21]. Не менее важным является и то обстоятельство, что любые попытки такого философского перевода имеют право на существование в качестве «возможной интерпретации исходного текста», поскольку создают особое семиотическое пространство его понимания и функционирования в культуре. Тяготение философского текста к полюсу художественного языка вполне очевидно, особенно для текстов современных, в определенном смысле дистанцирующихся от классической традиции.

Лотман также весьма точно указывает еще на одну особенность процесса смыслопорождения, применительно к тексту – это рефлексивность самого

языка, присущая как художественному, так и философскому тексту. «При пользовании искусственными языками... мы отделяем смысл от языка. При сложных операциях смыслопорождения язык неотделим от выражаемого им содержания. В этом последнем случае мы имеем не только сообщение на языке, но и сообщение о языке, сообщение, в котором интерес перемещается на его язык» [20, с. 24]. Здесь можно вспомнить идеи по поводу сущности собственного языка со стороны М. Хайдеггера и даже немецких романтиков, но истоки такого отношения к философскому (и поэтическому) языку следует искать в древнегреческой мысли, на что справедливо указывают такие отечественные авторы, как Т. В. Васильева [22], М. Л. Гаспаров [23], А. В. Ахутин [24] и некоторые другие.

Интерес к собственному языку присущ как поэту, так и философу, Лотман связывает это обстоятельство с «авторской рефлексией», которая подразумевает выражение субъективности языковыми средствами в пространстве культуры. «Язык искусства неизбежно гетерогенен... обязательно включает элементы рефлексии над собой, то есть метаязыковые структуры. Опыт европейского авангарда убедительно свидетельствует, что чем индивидуальнее художественный язык, тем более места занимает авторская рефлексия, направленная на язык и включенная в его же структуру. Текст сознательно превращается в урок языка» [20, с. 25]. Можно без преувеличения сказать, что своеобразный «урок языка» дает каждый значимый философский текст, определенным образом структурируя пространство культуры и требуя своего читателя и толкователя.

Относительно «авторской рефлексии» важным представляются замечания Мишеля Фуко, которые он развивал в своей программной работе «Что такое автор?» [25, с. 7-46]. Одним из тезисов Фуко является мысль о том, что научные тексты имеют ценность в культуре исходя из собственного содержания, поэтому авторская функция для них не столь важна. В то время, как тексты художественные (и, добавим от себя, большая часть современных философских текстов) приобретают значение только в ситуации, если мы знаем кто их автор. Анонимность художественного и подчас философского текста мало приемлема, поскольку деструктивно влияет на пространство нашего понимания, нарушает наш режим «удовольствия от текста». Вторым же важным тезисом Фуко является утверждение, что подлинная функция автора быть не просто создателем того или иного конкретного произведения, но формировать новый тип дискурса, открывать дискурсивные возможности для создания других текстов.

В этой связи Фуко называет конкретные имена философов, определивших дискурсивный ландшафт философии XX века – это Ницше, Фрейд и Маркс. Тексты данных мыслителей, по мнению Фуко, не просто оказались востребованными и предопределили пути развития гуманитарной мысли, но сумели задать параметры уникального дискурса. Уникальность данного дискурса носит двоякий характер: во-первых, он пронизан личностью его создателя, отражая в тексте структуры его субъективности, а во-вторых, он открывает возможность дальнейшего текстопорождения в данном направлении. Теперь любой философ, желающий оставить свой след в культуре, вынужден учитывать вклад Маркса, Ницше и Фрейда, вступая с ними в определенный диалог или даже полемику. Думается, что именно так реализуется «авторская функция» в

культуре, через освоение дискурсивного пространства и (пере)определение его топологических характеристик.

О дискурсивной логике текста в культуре говорит и Лотман, описывая третью функцию любого текста – функцию памяти. «Текст – не только генератор новых смыслов, но и конденсатор культурной памяти. Текст обладает способностью сохранять память о своих предшествующих контекстах. Без этого историческая наука была бы невозможна, так как культура предшествующих эпох доходит до нас неизбежно во фрагментах» [20, с. 28]. Если для Фуко целостность текста определяется «авторской функцией» и метод анализа (герменевтика текста) во многом опирается на установление данной функции, то Лотман исходит из самодостаточности текста, его культурной целостности в сознании читателя.

Лотман идет дальше и расширяет понятие текста до уровня культурного явления, поэтому появляется возможность говорить о «памяти текста», его особом семиотическом или смысловом пространстве. «Если бы текст оставался в сознании воспринимающего только самим собой, то прошлое представлялось бы нам мозаикой несвязанных отрывков. Но для воспринимающего текст – всегда метонимия реконструируемого целостного значения, дискретный знак недискретной сущности. Сумма контекстов, в которых данный текст приобретает осмысленность и которые определенным образом как бы инкорпорированы в нем, может быть названа памятью текста. Это создаваемое текстом вокруг себя смысловое пространство вступает в определенные соотношения с культурной памятью (традицией), отложившейся в сознании аудитории. В результате текст вновь обретает семиотическую жизнь» [20, с. 28].

Лотман вполне обоснованно предполагает, что ключевым вопросом семиотического пространства текста является вопрос о его границах, поскольку он не только определяет специфику «семиосферы», но и помогает понять специфику коммуникативных стратегий текста в культуре. «Единство семиотического пространства семиосферы достигается не только метаструктурными построениями, но, даже в значительно большей степени, единством отношения к границе, отделяющей внутреннее пространство семиосферы от внешнего, ее в «от вне» [20, с. 186]. Лотман указывает на специфику семиотического пространства в качестве, с одной стороны, неоднородного и асимметричного, а с другой – равномерного и единого способа организации текста.

В классической философии текста речь идет о тройной границе текста: первый уровень границы – это формальная граница между текстом и тем культурным или социальным контекстом, в котором он существует. Второй уровень – это коммуникативная граница между текстом и другим текстом, которая формирует пространство диалога между ними. Третий уровень границы – это смысловая и, собственно, семиотическая граница между текстом и интерпретацией, которая затрагивает также проблему «конфликта интерпретаций». Здесь граница понимания текста становится особенно резонансной и его «герменевтический шлейф» достигает своего апогея.

Другая важная особенность границы текста, о которой говорит Лотман, связана с тем, что граница не только разделяет, но и соединяет нечто, являясь пространством взаимодействия, диалога, коммуникации. «Граница би- и поли-

лингвистична. Граница – механизм перевода текстов чужой семиотики на язык «нашей», место трансформации «внешнего» во «внутреннее», это фильтрующая мембрана, которая трансформирует чужие тексты настолько, чтобы они вписывались во внутреннюю семиотику семиосферы, оставаясь, однако, инородными» [20, с. 196]. Думается, что данная «фильтрующая мембрана» и является ключевым механизмом пограничной функции текста. Лотман указывает на то, что здесь происходит сложная и не всегда очевидная работа семиозиса, понимаемого в качестве процесса смыслопорождения как внутри текста, так и при его интерпретации или включении в более широкий семиотический (культурный) контекст.

Обобщая взгляды Лотмана на семиотическое пространство текста, особенно в контексте проблемы границы, приведем еще одну цитату, посвященную описанию сложных и неоднозначных, топологически обусловленных отношений с границей внутри семиосферы. «Фактически все пространство семиосферы пересечено границами разных уровней, границами отдельных языков и даже текстов, причем внутреннее пространство каждой из этих субсемиосфер имеет некоторое своей семиотическое «я», реализуясь как отношение какого-либо языка, группы текстов, отдельного текста к некоторому их описывающему метаструктурному пространству. Пронизанность семиосферы частными границами создает многоуровневую систему. Определенные участки семиосферы могут на разных уровнях самоописания образовывать семиотическое единство, некоторое непрерывное семиотическое пространство, ограниченное единой границей, или группу замкнутых пространств, дискретность которых будет отмечена границами между ними, или, наконец, часть некоторого более общего пространства, отграниченную с одной стороны фрагментом границы, а с другой – открытую» [20, с. 198].

По всей видимости, обретение философским текстом «семиотической жизни» и есть конечный результат культурного семиозиса, ключевым механизмом которого является взаимоотношение текста и контекста. Именно контекстуальная составляющая текста задает параметры его семиотического пространства и можно предположить, что данное пространство не является линейным и дискретным, поэтому требует топологической методологии анализа.

Пространственная логика понимания философского текста с неизбежностью вовлекает возможного читателя в увлекательное путешествие по ландшафтам философской мысли. За метафоричностью данного путешествия скрывается большая и кропотливая исследовательская работа со стороны читателя. Особенности этой работы связаны, с одной стороны, с изменением типа метафизического («школьного» по выражению В. Подороги) мышления и выработкой принципов ризоматического, геофилософского понимания текста, а с другой, – с пониманием логики и структуры самого философского текста, его архитектоники, принципов его коммуникации. Уникальным в этом смысле является проект «метафизики ландшафта», развиваемый известным отечественным философом Валерием Подорогой. Его книга с одноименным названием вышла более четверти века назад и заложила основы нового направления в исследованиях философского текста.

Сам Подорога следующим образом объясняет название своей работы. «Некоторые пояснения названия: метафизика ландшафта? Речь идет о своеобразной топологии философского мышления, которое пытается передать основное содержание мыслимого, инсценировав его в образах-понятиях. Всякая мысль пространственна, и не только благодаря известным особенностям языка, но и телесной ориентации мыслящего: познавая, он активизирует ближайшее пространство, наделяет его духовными интенциями, проектирует во вне, приближая к себе самое удаленное. Так устанавливаются правила имманентности и теряется вера в опорные картезианско-кантовские трансцендентальные схемы» [16, с. 6]. Подорога, как и Делез, говорит о «топологике» философского мышления, поскольку насущно необходимо решить вопросы о пространственном расположении мышления и мыслящего. Трансцендентальная логика традиционной метафизики здесь не годится, она не имеет физической (телесной) привязки к имманентным условиям бытия и потому не помогает понять философский текст, но только выстроить свое (правильное) отношение к нему.

Далее, читаем у Подороги: «Настаивая на термине «ландшафт», я лишь усиливаю акцент на экзистенциальной пространственности мысли. И главное: западный философский опыт, даже у таких радикальных и свободных мыслителей, как Киркегор, Ницше и Хайдеггер, всегда оставался пространственным переживанием; темпоральные характеристики бытия – лишь следствие переработки ландшафтного (пространственного) чувства» [16, с. 6].

Идея телесно проживаемого ландшафта очень важна для развития топологических способов философствования. Другой известный отечественный мыслитель – Сергей Азаренко настаивает на том, что топология – это опыт «совместного» бытия людей, социальный опыт по преимуществу. Совместность здесь понимается как вмещенность некоторой совокупности людей в общее пространство (место) переживания смыслов, как телесный опыт проживания общего, «со-общества» как «со-общения». «Социальность возникает в ходе регулярного телесного взаимодействия между людьми посредством определенной социальной практики, благодаря которой порождается определенное сообщество, способствующее при-общению людей к своему со-обществу с определенными представлениями и ценностями» [26, с. 416]. В другом месте он так развивает эту мысль. «Бытие людей совместно. Со-вместность – это и есть сообщество тела – тела, которое воспроизводит социальность ее специфическими техниками и практиками, тела, которое продолжая себя во взаимодействии с другими телами, производит различные формы социального бытия» [27, с. 4].

Характерно, что и для Подороги вопрос о коммуникации является решающим в понимании философского текста. Не случаен подзаголовок работы «Метафизика ландшафта. Коммуникативные стратегии в философской культуре XIX-XX веков». Идея коммуникации важна не только как попытка рассмотреть отношение автор/текст в диалоге культур, но и как отношение текст/читатель в социальном контексте взаимодействия смыслов. Самым очевидным способом коммуникации с философским текстом является опыт его чтения. Подорога настаивает на том, что текст и появляется в момент его чтения. «Философское произведение до тех пор остается определяемым внешними, порой случайными обстоятельствами (именем автора, «идеей», жанром, ка-

тегориальной и понятийной конвенцией и т.п.), пока не начнется чтение, и произведение не вступит в сферу своего актуального существования. В моменты чтения открывается другая история произведения, ограниченная временем настоящего и ему имманентная, история того, как что-то читается» [16, с. 18].

Опыт чтения философских текстов, как его понимает Подорога, уникален в том смысле, что позволяет преодолеть догматизм «школьной философии». «Под «школьным» или «нормативным» можно, в частности, понимать господствующую в отечественной философии традицию историко-филологического комментария, которая в силу известных объективных и субъективных причин (...) превратилась в один из догматов философского метода для университетских и других учебных структур» [16, с. 18]. Важна не столько борьба с догматизмом школьной философии или «системой-деревом», как сказал бы Делез, сколько получение уникального топологического опыта чтения как работы по де/ре-территоризации философского текста. Здесь Подорога использует практически ту же топологическую терминологию, как и Делез при описании ризоматического способа геофилософствования.

«Линии чтения указывают на экстерриториальность подобных произведений, читая, мы покидаем жанровые, дисциплинарные, категориальные границы, как бы дрейфуем от одного смыслового содержания к другому, не встречая препятствий» [16, с. 18]. Речь идет о таких фигурах философского дискурса, как Киркегор, Ницше и Хайдеггер, каждый из которых проложил уникальную линию развития особого типа мышления в философии. Понять их значение, смысл их текстов и подлинное значение можно только отказавшись от жанровых, дисциплинарных, категориальных и прочих ограничений, позволить себе акт чтения, медленного чтения. «Тексты Ницше, Хайдеггера или Киркегора predeterminedены по своему мыслительному содержанию акцией чтения, только читая, мы участвуем в мысли, не до или после чтения. Кривая чтения движется по маршрутам экстерриториальной мысли, очерчивая контуры отдельного, индивидуального мира философии, не сводимого к коллективному или «субъективному» виду философствования или признанной конвенции истины» [16, с. 19].

Каждое философское произведение, по мысли Подороги, создает свой ландшафт мышления. Понять этот ландшафт можно только не спеша путешествуя по нему, чтение – это и есть такое путешествие. Но нужно учитывать также, что некоторые маршруты более сложны для прохождения, поскольку ландшафт мышления философа требует глубокой вовлеченности, приобщения к мысли, горного воздуха, которого не хватает читателям равнинного типа. Подорога также указывает на то, что каждое философское произведение топологически воплощает в себе некую «мировую линию», следуя по которой можно вступить в подлинную коммуникацию с автором текста. «Всякое произведение обладает «своей» мировой линией, которая связывает между собой отдельные движения письма/чтения и образы идеальной телесности. По отношению к форме произведения его мировая линия будет выполнять коммуникативные и композиционные функции: когда мы читаем текст, то осуществляем движение по той же линии и с той же скоростью, с какой движется письмо, пытающееся ухватить ритм мировой линии» [16, с. 20].

Подобно тому, как Делез описывал стремительный рост ризомы, который перекрывает все заранее расчерченные линии развития, взламывает логику системы и демонстрирует множественные стратегии реализации, посредством новой «сборки», также и в опыте чтения, согласно Подороге, «разрастается один текст», захватывая весь мир. «Пространство чтения – это место для мысли как события, причем, событие предшествует и включает в себя мысль, оно – очаг еще не ставших значений мыслимого, не омертвевших в философском термине, не введенных в категориальный порядок. В пространстве чтения коммуникативная власть философского произведения скрыта, там разрастается один текст... Текст, открывающийся в пространстве чтения, это наше другое тело, которым мы вновь и вновь желаем обладать. Пока мы читаем, оно не перестает разрастаться, захватывая собой мир, еще недавно принадлежащий только нам» [16, с. 22].

Говоря о пространстве текста, Подорога напоминает нам слова Гумбольдта, что «язык сплетается из пространства». Это означает, что «...язык предоставляет нам в распоряжение пространственное чувство в силу того, что становится языком благодаря своей способности к выражению отношений пространства» [16, с. 23]. У каждого философского текста есть свои правила организации пространства, своя топология, свои ловушки, труднопроходимые места, а также свои красоты и изумительные ландшафты. Подорога приводит в качестве примера особенности создания текстов у Киркегора, Ницше и Хайдеггера, которые подчеркивают топологическую составляющую их произведений.

«Как только мы начинаем чтение Ницше, то сразу же становимся пленниками афористической манеры письма. Афоризм, как первоначальная и наиболее адекватная форма выражения «танцующего мышления» Ницше, доминирует в текстовом пространстве и определяет его манеру философствования» [16, с. 23]. Важно подчеркнуть, что афористичность стиля Ницше – это не просто жанровый или стилистический прием, который используется и другими мыслителями, здесь это и способ движения по ландшафту, своеобразная танцующая походка, приплясывание, кривляние и перескакивание. В каком-то смысле прав Деррида, утверждавший, что стиль мышления Ницше определялся его «походкой», особенно когда ему мешали ходить «шпоры» и он был вынужден сделать их своим оружием [28].

Также и философский ландшафт текстов Киркегора имеет свои особенности, связанные с особенностями его мышления. «Останавливая свой выбор на стратегии пунктирования, Киркегор указывает на определенную коммуникативную форму мысли, которую собирается использовать в своих произведениях. Маевтическая манера философствования, «сократизм» Киркегора – не искусственный прием, внешний мысли, напротив, мысль оказывается выраженной лишь тогда, когда в ней уже предусмотрен определенный эффект воздействия на читателя» [16, с. 23]. Еще одной особенностью ландшафта мышления датского философа является его «псевдонимичность», то ризоматическое множество псевдонимов, масок и литературных имен, которые он себе выдумал и многократно использовал. «Внутренний диалогизм кьеркегоровской мысли проявляется даже в парадоксальной структуре и композиции его творчества. Было бы ошибкой отождествлять речь Кьеркегора с высказываниями псевдо-

нимов, от лица которых написаны его самые известные произведения... Ошибкой было бы также считать псевдонимную стратегию Кьеркегора не более чем оригинальным литературно-эстетическим приемом, постмодернистской «игрой в пустоту». Литературные шутки и приемы Кьеркегора всегда имеют вполне серьезное основание» [29, с. 112-113]. Псевдонимичность позволяет делать точечные, пунктирные уколы по читателю, особым образом избегая системы интерпретации, принятой в традиционной метафизике. «Его мысль требует для себя такого текстового пространства, где бы он свободно, минуя правила нормативного синтаксиса, распорядился внезапно точечных воздействий» [16, с. 23].

«Хайдеггер также заинтересован в особой языковой стратегии, которая бы заставляла читателя прежде учиться правилам произнесения-прослушивания мыслимого, чем пониманию. Именно поэтому он тщательно разрабатывает технику этимологического («дефисного») письма, которая должна вовлечь читателя в особую работу со смыслом, диалектным и архаическим, еще наделенным силами первоначальной геоморфной пространственности» [16, с. 24]. Этимологические штудии Хайдеггера – тема отдельного исследования, этому посвящена обширная научная и философская литература. Однако нельзя не согласиться с Подорогой, что все описанные авторы, в том числе и Хайдеггер, обладали особым «пространственным чувством», которое не только делало их уникальными стилистами своего времени (вспомним слова Гумбольдта, что «язык сплетается из пространства»), но и позволяло вести «борьбу за собственную метафизическую территорию» [16, с. 24]. И, думается, они эту борьбу с честью выиграли, оставив нам прекрасные метафизические ландшафты, воплощенные в их философских произведениях.

Таким образом проблема понимания пространства философского текста в современном гуманитарном дискурсе реализуется посредством использования двух относительно независимых стратегий исследования. Первая стратегия связана с наследием московско-тартуской семиотической школы, в частности, идеями Ю. М. Лотмана. Знаково-семиотическая концепция Лотмана позволяет понимать пространство текста (в том числе философского) как своего рода «семиосферу», которая является сложно структурированным пространством взаимодействия текста в культурном ландшафте с другими текстами и культурными артефактами (ракурс культурных исследований). Вторая стратегия может быть связана с концепцией ландшафтного мышления В. Подороги, который предлагает оригинальную методологию понимания «борьбы за пространство» в неклассической философской парадигме (историко-философский ракурс).

Обе названные стратегии сходятся в одном пункте – понимание философского текста, его роли в современной культуре и философской традиции возможно только через раскрытие логики его пространственной организации (топологии). Таким образом, решающее значение имеет методология топологической аналитики [15], которая помогает решить ряд традиционных для философского дискурса вопросов и проблем. В качестве дальнейших перспектив исследования в данном направлении можно указать следующие тенденции:

– необходимость раскрытия логики коммуникативных процессов в современном обществе и определение роли философского дискурса при решении значимых вопросов эпохи глобализации;

–дальнейшее исследование архитектоники философского текста, его структуры и организации, что может выражаться в развитии концепта «поэтики» философского текста;

–переопределение статуса мыслящего субъекта в современной гуманитаристике, определение места философского дискурса (звучащей речи) в междисциплинарном порядке знания, а также повышения роли читателя в процессе реализации философского текста (чтение философии).

Список литературы

1. Алексеев А.П. Философский текст: идеи, аргументация, образы. М.: Прогресс-Традиция, 2006. 328 с.
2. Многообразие жанров философского дискурса. Коллективная монография / под ред. В.И. Плотникова. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2001. 276 с.
3. Хлебникова О.В. Классификация жанров философской литературы. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 4(56) Т. 1. С.201 – 207.
4. Рорти Р. Историография философии: четыре жанра. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2017. 176 с.
5. Анатомия философии: как работает текст. / Под ред. Синеокой Ю.В. М.: Издательский дом ЯСК, 2016. 968 с.
6. Руднев В.П. Прочь от реальности: исследования по философии текста. М.: Аграф, 2000. 432 с.
7. Рыскельдиева Л.Т. О философской текстологии, или Чему может научить история философии // Вопросы философии. 2015. № 1. С. 106 – 114.
8. Рыскельдиева Л.Т. Текстовая культура как объект историко-философских исследований // Философский журнал. 2017. Т.10. № 1. С. 136 – 153.
9. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. СПб.: Симпозиум, 2005. 502 с.
10. Зубкова О.С. Метафора в философской парадигме: ученые записки // Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2010. № 1. С. 47- 56.
11. Мамардашвили М.К. Полный курс лекций. Философия Европы. Психологическая топология пути. М.: Изд-во АСТ, 2016. 968 с.
12. Рикер П., Гадамер Х.-Г. Феноменология поэзии. М.: Рипол-Классик, 2019. 353 с.
13. Лотман Ю.М. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб: Академический проект, 2002. 544 с.
14. Бахтин М.М. Работы 20-х годов. Киев: Next, 1994. 384 с.
15. Еникеев А.А. Методология топологической аналитики в социально-гуманитарном дискурсе XX века (Исторический экскурс и постановка проблемы) // Культурная жизнь Юга России. 2014. № 3(54). С.34-36.
16. Подорога В.А. Метафизика ландшафта. Коммуникативные стратегии в философской культуре XIX-XX веков, 2-е изд., перераб. и доп. М.: Канон+, 2013. 552 с.

17. Азаренко С.А. Топология культурного воспроизводства. Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. ун-та, 2000. 240 с.
18. Савчук В.В. Топологическая рефлексия. М.: Канон+, 2012. 416 с.
19. Грякалов А.А. Топос и субъективность. Свидетельства утверждения. СПб.: Наука, 2019. 568 с.
20. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. 416 с.
21. Алексеева М.Л. Проблема непереводаемости в философских исследованиях начала XXI в. // Вопросы философии. 2016. № 3. С.51 – 60.
22. Васильева Т.В. Поэтика античной философии. М.: Академический проект; Трикста, 2008. 735 с.
23. Гаспаров М.Л. Об античной поэзии. Поэты. Поэтика. Риторика. СПб.: Азбука, 2000. 480 с.
24. Ахутин А.В. Античные начала философии. СПб.: Наука, 2007. 784 с.
25. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. 448 с.
26. Азаренко С.А. Топологическое философствование и социальная коммуникация // Изв. Саратов. ун-та. Сер. «Философия. Психология. Педагогика». 2016. Т. 16. Вып. 4. С. 412-417.
27. Азаренко С.А. Сообщество тела. М.: Академический проект, 2007. 239 с.
28. Деррида Ж. Шпоры: стили Ницше // Философские науки. 1991. № 2. С.118 – 142.
29. Фришман А. О Серене Кьеркегоре и Михаиле Бахтине «с постоянной ссылкой на Сократа» // Мир Кьеркегора. Русские и датские интерпретации творчества Серена Кьеркегора. М.: Ad Marginem, 1994. С.106-122.

Еникеев Анатолий Анатольевич, канд. филос. наук, доц., rizoma69@yandex.ru Россия, Краснодар, Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина

*THE SPACE OF A PHILOSOPHICAL TEXT FROM SEMIOSPHERE
TO METAPHYSICS LANDSCAPE*

A.A. Enikeev

The article is devoted to an important problem of modern philosophy-the justification of the spatial logic of the study of a philosophical text. The philosophical text is considered in the perspective of two main concepts: the semiotic concept of the text of Yu. Lotman and "metaphysics of landscape" V. Podoroga. It is concluded that the spatial logic (topology) of understanding a philosophical text is perspective, since it allows to solve the question of the relation of the text to the philosophical tradition (historical and philosophical perspective), to modern culture (the perspective of cultural studies) and in relation to the Humanities (the perspective of modern Humanities).

Key words: philosophical text, metaphysical landscape, semiosphere, topological Analytics.

Enikeev Anatoliy Anatolyevich, candidate of philosophical science, docent, rizoma69@yandex.ru Russia, Krasnodar, Kuban State Agrarian University named I. T. Trubilin

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

УДК 001.2+168.5

ИНТЕГРАЦИЯ ЕСТЕСТВЕННЫХ И ТЕХНИЧЕСКИХ НАУК КАК ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

О.Д. Гаранина

Анализируется историко-генетическая связь технических наук и естествознания. Рассмотрено влияние научных достижений в естествознании на возникновение новых технических идей и конструирование технических устройств. Раскрыто значение конструкторских технических идей для развития естествознания. Обоснована фундаментальность и автономность технического знания по отношению к естествознанию, обусловленная спецификой объекта, методов и целей исследования.

Ключевые слова: техника, технические науки, естествознание, технологическое развитие, прикладная наука, взаимосвязь естествознания и технoзнания.

Проблема соотношения «наук о природе» и «наук о культуре», поставленная на рубеже XIX-XX веков неокантианцами В. Виндельбантом и Г. Риккертом с целью выяснения статуса социально-гуманитарного знания в системе наук, по-прежнему остается актуальной для философского анализа вследствие усложнения структуры современной науки и необходимости обсуждения различных аспектов взаимосвязи отдельных научных областей. Методологической основой ведущихся в философии дискуссий в указанном проблемном пространстве сегодня выступают идеи междисциплинарности и трансдисциплинарности, порожденные развертыванием процесса активной интеграции современного научного знания. В рамках таких дискуссий сложилось мнение, что трансдисциплинарность представляет новый уровень междисциплинарности [1, с.15]. Трансдисциплинарность, реализуемая, в частности, в НБИКС-конвергенции, раскрывает новые возможности научных исследований, в которых происходит выход за пределы одной науки, когда осуществляется конвергенция не только познавательных приемов, как в междисциплинарном подходе, но самого знания. Интегративное движение в современной науке на основе трансдисциплинарной методологии, по нашему мнению, отражает необходимость сущностного анализа коэволюции природного, духовного и социального [2, с. 6], что требует инновационных эпистемологических решений, в том числе по проблеме классификации наук.

В рамках междисциплинарных и трансдисциплинарных исследований, реализующих взаимодействие разных областей научного знания, философская рефлексия эпистемологических реалий конца прошлого столетия выходит на проблему прояснения статуса технических наук и определения направлений взаимодействия технического знания с естествознанием и обществознанием.

Необходимость исследования социальных аспектов техники была осознана почти три столетия назад. Сегодня очевидно, что именно техника является одним из главных драйверов существующих естественнонаучных теорий и разработки новых. Создание разнообразных технических приборов стимулировало в определенной степени появление новых научных проблем прежде всего в русле естествознания (исследование нано частиц в физике, секвенирование генома человека и т.д.) и одновременно развертывание новых отраслей промышленности (геновая инженерия, робототехника и т.д.) В настоящее время планирование научно-технического прогресса уже не может происходить без учета практических и познавательных функций техники, развития технических наук, дисциплинарное оформление которых связывают с XIX веком. Сегодня очевидно, что только техническое знание может обеспечить проектирование, конструирование и функционирование эффективных средств преобразования объективной действительности. Особое внимание, по-нашему мнению, следует обратить на эвристическую функцию техники. С конца XX века техническое творчество все чаще становится необходимым компонентом научных разработок, когда знание воплощается в техническое устройство. В настоящее время техническое творчество является важным условием научных исследований не только прикладного, но и фундаментального характера. Перед учеными-инженерами, занимающимися исследовательской работой в рамках технических наук, часто возникают чисто познавательные по своей сути вопросы, встают проблемы, имеющие мировоззренческий характер. Однако в сознании отдельных представителей научного сообщества сохраняется отношение к техническим наукам как к сугубо прикладным, своеобразным каналам, через которые естествознание связано с практической жизнью людей. Полагаем, что подобная установка в контексте современного развития технических наук является ошибочной.

Активное развитие технознания и его взаимодействие с другими областями науки получило отражение в философской литературе [3; 4; 5], однако ряд методологических вопросов анализа связи технических наук и естествознания, остаются нерешенными.

Технические науки в полном смысле этого слова сформировались только в конце XIX века. Одним из условий их создания было достижение высокого уровня технической оснащенности производства, который привел к тому, что дальнейший технический прогресс без участия естественных наук в конструировании технических устройств становился крайне сложным. Возникла необходимость проведения специальных исследований в рамках наук, пользующихся экспериментальным методом, для решения назревших проблем совершенствования технических средств. Однако это был не единственный возможный путь образования и развития технических наук.

В соответствии с принципом развития, предполагающем историческую непрерывность, технические науки как изначально прикладные вырастают непосредственно из теоретических наук, традиционно отождествляемых с естествознанием. Свидетельством этого являются многочисленные примеры ис-

пользования в технических науках законов и теорий, выработанных в рамках естествознания. Иногда законы, сформулированные в исследованиях технических наук, оказываются не чем иным, как прямой конкретизацией (детализацией) законов, открытых в рамках теоретических наук. Иллюстрацией этого могут быть электротехника, радиотехника, техническая механика и т.д. Такая эпистемологическая особенность технических наук породила две различные интерпретации их научного статуса. Одни авторы утверждают, что технические науки, обладая определённой спецификой, относятся к разряду естествознания, выступая его своеобразным прикладным ответвлением [5, с.161-162]. Другая точка зрения является наиболее распространённой, поскольку сегодня очевидно, что технические науки обрели автономность в структуре научного знания. Ее приверженцы считают, что технические науки - это прикладные науки, исследующие технику и процессы, которые связаны с её созданием, развитием и взаимодействием с окружающей средой и человеком [3, с. 97]. Они утверждают, что технические науки образуют особую научную область, претендуя на универсальное объяснение реальности [3, с.42]. Вероятно, истина находится где-то посередине: будучи самостоятельной областью теоретического знания (и даже претендуя на фундаментальность), технические науки опираются на теоретико-методологические ресурсы естествознания, имеют собственный объект исследования, выступают одновременно плацдармом для апробирования теоретических выводов как естественных, так и социально-гуманитарных наук [6, с.103].

Технические науки занимают свое собственное место в структуре современного научного знания, представляют совокупность научных дисциплин о различных артефактах (видах техники, приборах, измерительных инструментах, строительных конструкциях, технологических процессах), таких, например, как теория машин и механизмов, сопромат, детали машин, металлургия, строительство, теория связи, космонавтика, фармацевтика, навигация, судостроение, военное дело и др. [7, с.69]. Поэтому можно отметить, что к созданию технических наук ведут, с одной стороны, естественнонаучные экспериментальные исследования технических объектов, классификация и обобщение процессов, происходящих в производственной практике, а с другой – законы и теории естественных наук, перерастающие в технические (или, шире, в технически-практические) правила, относящиеся к функционированию этих объектов. Заметим, что прежде чем появилась наука о прочности материалов, первоначально методом проб и ошибок выявлялись прочностные свойства материалов, употребляемых в производстве тех или других инструментов и устройств.

Анализ связей между естественными и техническими науками приводит к утверждению, что они имеют как общую историко-генетическую, так и методологическую основу. Можно привести в пример классическую механику, которая стала почвой для развития технической механики. На основе положений теоретической механики образовалась новая область науки, касающаяся конструирования и действия механизмов и машин – общая теория машин и механизмов. Развитие теоретической механики способствовало возникновению таких технических наук как сопротивление материалов, гидротехника и др.

Именно благодаря тому, что предметом физических исследований стали, кроме всего прочего, твердые тела, а также явления упругости, образовалась новая область техники – сопротивление материалов, базирующаяся, прежде всего на теории упругости. То же самое происходило и в гидротехнике, в рамках которой ученые начали исследовать такие сложные феномены как движение и равновесие жидкостей.

Об историко-генетическом характере связей между техническими и естественными науками, единстве их методологических оснований, свидетельствует появление таких областей техники и технических наук как радиотехника и ядерная энергетика. Развитие этих наук является яркой иллюстрацией тенденции, характерной для взаимодействия между техническими науками и физикой в XX веке.

Теоретические результаты работ Д. Максвелла, создание Г. Герцем теории затухающих электромагнитных волн стали решающим фактором зарождения нового направления технических наук. Существенную роль в возникновении ядерной энергетике сыграли физические исследования М. Склодовской и П. Кюри; ее создание опиралось на открытия Э. Резерфорда и П. Вилларда, хотя эти ученые считали, что техническое использование ядерной энергии невозможно. Значительные теоретические достижения ядерной физики вызвали впоследствии стремительное развитие соответствующей отрасли промышленности, что, в свою очередь, способствовало появлению новых технических проблем, требующих быстрого решения в рамках как технических, так и фундаментальных наук. Дальнейший прогресс в ядерной физике в значительной степени зависит от достигнутого уровня производства, а практическая реализация новых научных достижений возможна лишь после перехода промышленности на новую, более высокую ступень состояния производительных сил.

Из истории развития науки видно, что естественные науки выполняют иную роль, чем технические. Первые концентрируются в основном на реализации познавательных и мировоззренческих целей. Это проявляется в определении методов исследований и их направлений, с помощью которых ученые открывают законы природы, предлагают новые теории, наконец, формируют естественнонаучную картину мира. Технические науки нацелены, прежде всего, на достижение практических (а не только познавательных) задач, которые могут быть решены только на основе использования достижений естественных наук. Они направлены на создание искусственной среды, орудий труда, новых технологий. Таким образом, технические науки развиваются в непосредственной зависимости от практических производственных потребностей, а развитие естественных наук детерминируется производством опосредованно, лишь в конечном счете. В процессе их исторического развития довольно часто случалось, что на протяжении длительного времени законы и гипотезы естествознания не использовались в практике. И причин для этого много. К наиболее значительным следует отнести низкий уровень материальной базы, невозможность предусмотреть экономический эффект, связанный с использованием той или иной теории, консерватизм в сфере организации производства и т.д.

В начале XXI века существенное внимание уделяется вопросам более полного практического использования теоретических достижений естествознания. Необходимость решения этих вопросов требует тесной интеграции естественных и технических наук. Это обусловлено тем, что современные технические науки, как правило, создавались на основе естественных наук. Изучение какого-либо явления природы в рамках естественных наук, находя применение во многих областях техники, одновременно инспирирует исследования, требующие участия в них специалистов в области различных технических наук.

Следуя требованиям времени, уже со второй половине XX века развитие технoзнания включается в общенаучную тенденцию интеграции научного знания. Среди многообразия научно-исследовательских проблем в технических науках на передний план выдвинулись: открытие форм развития технических объектов, оценка их пригодности не только с точки зрения технических, но и общественно значимых социально-экономических критериев, установление связи между технической целью и средствами ее достижения. Все эти и другие проблемы были обусловлены развитием промышленности, совершенствованием общественной жизни. Их решение невозможно без междисциплинарного подхода. Междисциплинарные исследования сегодня являются необходимым условием использования и преобразования информации, которую доставляют как производственная практика, так и технические науки.

Взаимосвязь технических и естественных наук стала основанием решения целого ряда новых научных и технических проблем. В частности, только на основе интеграции этих областей научного знания могут быть преодолены трудности, возникающих в процессе разработки НБИК-технологий. Ориентация современного естествознания на решение практических задач обусловила изменение интерпретации соотношения естественнонаучного и технического знания. По мнению исследователей, в настоящее время развитие естествознания приобретает новые черты, что проявляется в появлении новых научных направлений, таких как Science and Technology Studies (STS), а также соответствующих им журналов. Меняется постепенно и организационная структура научных исследований. Вместо «научоградов» возникают технопарки или инновационные центры [6, с.106]. Присоединяемся к мнению С.А. Лебедева, утверждающего, что характерное для предыдущих этапов развития научного знания отождествление фундаментальной науки (естествознания) и собственно научной деятельности сегодня снимается, поскольку почти 80% современных научных исследований составляют прикладные исследования и опытно-конструкторские, инженерные, технические и технологические разработки, главная цель которых – создание, испытание и последующая передача в массовое промышленное производство материальных образцов (прототипов) новых товаров и услуг, т.е. получение инноваций в собственном смысле этого слова [4, с. 60].

Говоря об автономизации технических наук и возрастании их роли в современном научном знании и соответственно в решении социальных проблем, не следует недооценивать значение естествознания как их материнского лона. Именно оно дает техническим наукам направления, позволяющие получать

фундаментальные знания. Ученые, создавая теории в рамках естественных наук, исследуют явления объективной действительности, раскрывают сущность и структуру объекта, законы его функционирования. С этой целью естествоиспытатели должны применять процедуру идеализации, абстрагирования от его конкретных свойств. Таким образом и создаются идеальные объекты (например, материальная точка, идеальный газ, абсолютно черное тело и т.п.), которые являются некоторым подобием структуры или функций реально существующих объектов. Сформулированные ими законы и теории касаются свойств и структуры идеальных объектов, которые нередко содержат взаимоисключающие характеристики (например, материальная точка).

Иначе обстоит дело в технических науках. Поскольку своим возникновением и развитием они обязаны естественным наукам, можно предположить, что технические науки также оперируют идеализированными объектами, трактуя их как основание своих теорий. Однако, несмотря на то, что технические науки опираются на открытия естественных наук, их теоретические построения по своему характеру радикально отличаются от концепций естественнонаучного знания. Эти различия возникают не потому, что технические науки не содержат идеализированных утверждений, но в силу того, что главная задача технических наук – формулировка законов и методов преобразования материальных природных объектов в искусственные артефакты. На высшем уровне развития технических наук их характерной чертой становится абстрагирование от ряда свойств материальных объектов ради совершенствования технических изделий, структурно-функциональной организации конструкций.

Итак, в технических науках есть законы и идеализированные объекты точно так же, как и в естественных науках. Однако теории технических наук связаны не столько с использованием законов естественных наук, сколько с установлением условий и методов их упорядочивания, учетом объективных закономерностей мироздания для реализации общественно значимых целей социального действия.

Говоря о взаимодействии естественных и технических наук, следует иметь в виду, что в истории их развития естественные науки, как правило, значительно опережали развитие технических. Однако известны случаи, когда первоначально возникала техническая концепция какого-либо объекта или процесса в форме изобретения (сформированная в результате эмпирического обобщения имеющегося опыта), которая реализовалась в производственной деятельности, а затем через некоторое время происходило познание сущности данного объекта или процесса (5, с. 125-126).

Взаимодействие естественных (как теоретической базы становления и развития технических наук) и технических наук (как экспериментальной базы возникновения новых отраслей фундаментального естествознания) является настолько тесным, что их очень сложно разграничить, поскольку между ними существует не только историко-генетическое единство, но и общность методологических оснований. Место технических наук в современной эпистемологии определяется тем, что они выступают существенным источником знаний, полу-

ченных в ходе исследований широкого круга новых сложных объектов, не порожденных естественной природой, а созданных рациональной деятельностью человека.

Список литературы

1. Наука. Технологии. Человек. Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. 2015. № 9. С.5-39.
2. Гаранина О.Д. Трансдисциплинарная методология интегративного движения в современной науке // Инновации в гражданской авиации: электронный журн. 2018. Т.3. № 1. С.5-14. [Электронный ресурс] // URL:http://www.mstuca.ru/upload/Innovatcii_blok_3.1.pdf (дата обращения: 02.06.2019).
3. Кудрин Б.И. Онтология технической реальности // Философские науки. 2017. № 6. С. 96-103.
4. Лебедев С.А. Пересборка эпистемологического // Вопросы философии. 2015. № 5. С. 53-64.
5. Чешев В.В. Техническое знание. Томск: изд-во Томск. гос. арх.-строит. ун-та, 2006. 267 с.
6. Маркова Л.А. Другая наука, в результате – новая научная политика // Вопросы философии. 2017. № 12. С. 102-113.
7. Лебедев С.А. Структура научной рациональности // Вопросы философии. 2017. № 5. С. 66-79.

Гаранина Ольга Денисовна, д-р филос. наук, проф., odgar@mail.ru, Россия, Москва, Московский государственный технический университет гражданской авиации

INTEGRATION OF NATURAL AND TECHNICAL SCIENCES AS THE EPISTEMOLOGICAL BASIS OF TECHNOLOGICAL DEVELOPMENT OF THE SOCIETY

O.D. Garanina

The article reveals the genetic and methodological relationship of technical sciences and natural science. The role of discoveries in the natural sciences for the emergence of new technical ideas and the design of technical devices is defined. The importance of technical design ideas for the development of natural science is shown. The fundamentality and autonomy of technical knowledge in relation to natural science, due to the specificity of the object, methods and objectives of the study, are substantiated. The increasing role of technical sciences in the structure of modern scientific research caused by the social need for technological development has been proved.

Keywords: technology, technical sciences, natural science, technological development, applied science, the relationship of natural science and technology.

Garanina Olga Denisovna, doctor of philosophical sciences, professor, odgar@mail.ru, Russia, Moscow, Moscow State Technical University of Civil Aviation.

ДЕСТРУКТИВНЫЙ КУЛЬТ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ

У.С. Перцева

Рассматривается феномен деструктивного культа, находящий свою реализацию в современном медиaprостранстве. Автор приводит различные трактовки терминов «медиа», «медиасреда» и «медиапространство», а также анализирует неоднозначное влияние данных явлений на духовную жизнь современного человека. В работе раскрыты механизмы воздействия деструктивного культа на потребителя информации и описана стратегия социальной мимикрии, с помощью которой решаются поставленные перед культом задачи, реализуемые через цифровые коммуникационные технологии.

Ключевые слова: деструктивный культ, новые религиозные движения, Интернет, медиа, медиафилософия, медиaprостранство, медиасреда.

Сегодня предметная дискуссия о сущностных характеристиках феномена жизненного мира современного человека немислима без рассмотрения окружающего его медийно–информационного пространства. Исследовательский авангард фундаментальной и прикладной философии исходит из того, что в настоящее время средства массовой коммуникации и информации уже не просто механизмы, но в большей степени движущие силы социальных изменений и неоднозначных метаморфоз в сфере духовного, что приводит к появлению инновационных научных направлений и коллабораций. В качестве наглядного примера данной тенденции стоит упомянуть медиафилософию, ставящую своей целью «исследовать (почти лабораторным способом) влияние новых медиа на образ жизни, мировоззрение и сознание больших масс людей, становящихся пользователями Интернет и тем самым втягиваемых в медиареальность» [1, с. 186].

Используя термин медиа, мы будем иметь в виду «технические средства создания, записи, копирования, тиражирования, хранения, распространения, восприятия информации и обмена ей между субъектом (автором медиатекста) и объектом (массовой аудиторией)» [2, с. 24]. Добавим, что зачастую эти средства рассматриваются и с точки зрения некой абстрактной модели межличностной коммуникации, где особая роль отведена фигуре посредника между информационными потоками, обусловленными применением конкретных инструментов; более того, медиа также могут быть представлены как системообразующая среда – форма аудиовизуального пространства, без которого массовая медиакommunikация становится невозможной.

Понятие медиaprостранства в отечественной науке трактуется весьма широко – оно выступает своеобразной «формой коммуникативного пространства: как среда социального взаимодействия и как средство разворачивания

коммуникации» [3, с. 45]. Однако необходимо помнить, что медийно-информационное пространство одновременно способно играть и роль своеобразного буфера для триады «потребитель-информационно-коммуникационные технологии-средства массовой информации и коммуникации». Научный дискурс рассматриваемого нами явления также зачастую оперирует дефиницией «медиасреда» (или медиасфера), которая, в свою очередь, подразумевает «то, что окружает человека (окружающая среда), а также он сам, включённый в медиасреду» [4, с. 170]. Таким образом, мы считаем целесообразным отождествлять понятия медиапространства и медиасреды и использовать их для обозначения современного медийно-информационного пространства в целом (в том числе к частным компонентам его медиареальности).

Ведя речь о социальных изменениях и тех неоднозначных метаморфозах, которые разворачиваются в рамках современного медийно-информационного пространства, мы, в первую очередь, имеем в виду опасности, с которыми сталкивается не только отдельно взятая личность, но и общество в целом. Глобализационные процессы затрагивают всё больше сфер человеческой жизни, что постепенно приводит нас к необходимости тщательного анализа хаотичной и несистемной институционализации перманентного взаимодействия на уровне различных мировоззренческих парадигм. Пристальное внимание ко всему этому обусловлено также и тем, что механизмы проникновения малоизученных и потенциально вредоносных движений и идей находятся в постоянном развитии, эффективно адаптируясь под условно безопасные и «привычные» для обывателя механизмы и инструменты социальной коммуникации, тем самым усиливая вероятность создания идеологических рисков и их последствий. Данная ситуация несёт в себе угрозу не только для духовного здоровья индивида, но и для государственных приоритетов в области правового регулирования национальных интересов нашей страны. Например, стратегия национальной безопасности Российской Федерации документально закрепляет необходимость противодействия религиозно-экстремистской идеологии и выступает против разрушения традиционных для России духовно-нравственных ценностей [5].

Под основными источниками опасности для духовного здоровья современной личности мы предполагаем деструктивные культы и секты тоталитарного характера, относящиеся к новым (нетрадиционным) религиозным движениям (далее НРД). Определяя сущность и содержание понятия НРД, укажем, что это «религиозные объединения, которые формируют инновационную модель религиозной жизни, по отношению к действующим в обществе религиозным традициям, и при этом рекрутируют членов данного общества» [6, с. 70].

Маргинализация духовных практик и различных мировоззренческих идей в нашей стране изначально имела исторически опосредованный характер. Однако сегодня данная проблема стоит гораздо острее, чем десятилетия назад. Обусловлено это отставанием научного осмысления процесса информационно-коммуникационной экспансии относительно порождаемых им нежелательных морально-нравственных последствий. Под новыми религиозными движе-

ниями мы также подразумеваем модели духовного мировоззрения, не столько отличающиеся от традиционных (в широком смысле слова), сколько радикально настроенные организации, в том числе – экстремистские, ставящие своей целью разрушение существующего социального строя посредством вовлечения личности в процессы деструктивной социализации, что в последствии приводит к пагубным последствиям для установившегося в обществе этноконфессионального баланса.

Феномен деструктивного культа в срезе современного социально–философского знания может выступать не только в роли своеобразной «ниши» для компиляции синкретических учений и культивирования антиобщественных взглядов, но и как катализатор межнациональной напряженности, провокатор религиозно и политически окрашенных конфликтов и столкновений на почве расовой ненависти, этнической атолерантности, в том числе – как фактор риска проявления агрессии со стороны религиозного фундаментализма.

Сама по себе культовая деятельность всегда содержит в себе определённые контркультурные ценности, однако информатизация духовной сферы общественной жизни более не позволяет нам утверждать, что пропагандистская направленность той или иной формы новой религиозности может быть своевременно распознана и нейтрализована по причине существенной деформации самой системы вовлечения неопитов в нетрадиционную религиозную организацию.

Мы исходим из того, что деструктивный культ как основная форма НРД обуславливает свою внутреннюю иерархию «манипулированием, контролем сознания, деструкцией личности и общества, обманом, тоталитарным типом отношений» [7, с. 138]. В дополнение к этому важно сделать акцент на том, что современные культы обладают обширными возможностями для включения в свою систему ранее не вовлечённых в сферу религиозных отношений адептов, среди которых находятся и те, кто изначально обращался к телекоммуникационной сети Интернет как к средству для удовлетворения своих повседневных рекреационных потребностей (пользователи социальных сетей, участники тематических виртуальных сообществ, читатели форумов или онлайн–игроки). Таким образом, мы приходим к пониманию того, что для вербовки новых сторонников организации нетрадиционной религиозности более не прибегают к использованию стратегий прямого контакта или непосредственного межличностного воздействия на будущих членов культа.

Социальные сети обладают уникальным набором инструментов для повышения доступности медийно–информационной коммуникации и стимуляции её мобильности, так как применяемые ими цифровые алгоритмы и технологии способны не только включить личность в глобальную виртуальную реальность, но и вытеснить из её сознания установившуюся духовно–нравственную парадигму, исказив при этом фундаментальные основания мировоззренческой картины мира.

По причине постоянно возрастающего темпа виртуального общения и его интенсификации, а также ввиду принятой модели коммуникации «24/7» ря-

довой пользователь социальных сетей зачастую становится неспособным применять на практике свои навыки критического мышления и оценивать риски и когнитивно–поведенческие искажения, в той или иной степени сопутствующие процессу общения с иллюзорно знакомым собеседником. Этот пользователь считает данный формат межличностного взаимодействия относительно безопасным (при сравнении его с прямыми социальными контактами, свойственными повседневной жизни).

Далее, для нашего исследования принципиальную значимость имеет тот факт, что специфика социальных сетей заключена в самом формате возникновения и циркуляции контента. Медiateксты интернет–ресурсов такого рода формируются непосредственно пользователями той или иной социальной сети, которые одновременно выступают производителями, посредниками и потребителями информации, что существенным образом определяет характер конвергенции данного вида медиа по отношению к сущности и содержанию цифрового наполнения новой виртуальной реальности. Несмотря на ряд предпринимаемых правоохранительными органами мер, своевременная модерация содержимого медiateкстов в социальных сетях достаточно затруднена, а зачастую принципиально невозможна. Данное обстоятельство может возникнуть, например, в случае трансформации первоначального (со)общения на публичных страницах в формат «анонимной» коммуникации посредством личной переписки.

Мы считаем, что именно по причине своей двойственности (одновременной открытости и закрытости) социальные сети стали наиболее востребованной площадкой для разворачивания экстремистской пропаганды и распространения радикальных взглядов религиозного фундаментализма, превратившись в прикладной медийный инструмент самооправдания терроризма и средство реализации задач поступательной вербовки в деструктивную систему, а также в целом стали использоваться для трансляции нетрадиционных духовных ценностей, представляющих угрозу морально–нравственной целостности и стабильности нашего общества [8].

Сегодня новые медиа всё чаще выносят на повестку дня вопросы, связанные с национальной безопасностью, в том числе с её духовно–нравственными и этико–моральными аспектами. Примером тому могут служить широко распространяемые и активно обсуждаемые в информационной среде сведения о факторах, механизмах и результатах вербовочной деятельности ИГИЛ (террористической организации, запрещённой на территории Российской Федерации). Эксперты в области противодействия терроризму единогласно сходятся во мнении, что «в социальных сетях проще всего расставлять капканы. Молодые люди оставляют много информации о себе – там вербовщику легко начать ‘душевный’ разговор с потенциальной жертвой» [9].

Соглашаясь с данной точкой зрения, уточним, что в целом механизмы социальной мимикрии террористической вербовки можно разделить на два основных направления, которые дифференцируются друг от друга по признаку отнесения потенциальной жертвы к конкретной половозрастной группе – это

вербовка, нацеленная на молодых людей, а также вовлечение в систему религиозного фундаментализма девушек в возрасте от 16 до 30 лет [10].

Обращаясь к первому направлению террористической вербовочной деятельности, мы укажем на снижение возраста её целевой аудитории, что связано с психофизиологическими особенностями молодёжи как социальной группы в целом. Отечественные специалисты, занятые в сфере прикладной психологии, утверждают, что со стороны членов культовых организаций «интерес к этой возрастной группе обусловлен повышением её уязвимости и неустойчивости к внешним манипулятивным воздействиям» [11, с. 113].

Безусловно, юный возраст жертвы и поверхностный с точки зрения его осмысления социальный опыт привлекательны для развёртывания виктимной манипуляции. В первую очередь это объясняется тем, что у формирующейся личности молодого человека отсутствуют крепкие межперсональные и межгрупповые связи, не развиты навыки эффективного социального взаимодействия с представителями сомнительных движений и идей, а также в силу протекания внутриличностных процессов, направленных на решение проблем самоидентичности и самоидентификации.

Ярким примером успешной террористической вербовки молодых женщин посредством использования социальных сетей является так называемый «синдром Варвары Карауловой», который де-факто выступает как «уже ставший рядовым случай, ведь только вместе с ней границу пытались пересечь ещё тринадцать человек» [12, с. 132]. Для решения задач по организации мировой религиозной революции боевики Исламского государства ведут вербовку на постоянной основе, действуя независимо от обострения либо затухания военных конфликтов, вызванных разночтениями в трактовках Корана и попытками экстремистов ИГИЛ отмежеваться от мирных мусульман. Вовлекая женщин в террористические группировки, радикально настроенные фундаменталисты преследуют несколько целей: во-первых, молодые девушки часто используются ими как персональная прислуга и (или) бесправный «живой товар», удовлетворяющий бытовые, эмоциональные и сексуальные потребности агрессоров; во-вторых, жертвы деструктивной религиозности могут быть вовлечены в систематическое репродуктивное насилие, заключающееся в последующем рождении детей и вынужденном воспитании их в русле джихадистской традиции; и, наконец, зачастую именно женщине отводится роль смертницы, осуществляющей акт террора посредством преднамеренного и осознанного самоубийства.

Возвращаясь к истории Варвары Карауловой, стоит упомянуть об отмеченном правоохранными органами её социальном портрете как обвинённой в пособничестве терроризму – в целом она характеризуется как молодая девушка из благополучной и финансово обеспеченной семьи, бывшая студентка философского факультета МГУ [13]. Наглядность этого примера несоответствия бытовым представлениям о целевой аудитории террористической пропаганды по отношению к существующим процедурам вовлечения личности в нетрадиционные религиозные движения заключается в типичном проявлении по-

веденческой аддикции потенциальной или реальной жертвы в ситуации её погружения в виктимное медиапространство.

На втором месте по частоте использования и широте инструментального применения в вербовочных целях у представителей НРД мы можем обнаружить целый пласт рекреационной составляющей всемирной интернет-среды, а именно – их экспансивное внедрение в индустрию онлайн-игр, которая с каждым годом охватывает всё большую и большую аудиторию [14].

В целях выстраивания двусторонней медийной коммуникации представители террористического движения (например, боевики Исламского государства) относительно недавно начали применять телекоммуникационную технологию узкоспециализированных чатов виртуальных онлайн-игр в качестве платформы для развёртывания и предметного планирования своих дальнейших действий совместно с сочувствующими экстремистам игроками [15].

Ввиду того, что сама технология обмена информацией между закрытыми игровыми сообществами подразумевает условную анонимность, заранее заданную протяжённость во времени и возможность ограничения доступа посторонних лиц к содержимому транслируемых медиатекстов, мы можем наблюдать увеличение числа опасных цифровых сообществ с такими названиями, как «Халифат», «ИГИЛ», «Джихад» и т.п. Важным уточнением при рассмотрении данной темы будет указание на то, что жанровая принадлежность подобного рода компьютерных игр и сопутствующих им тематических онлайн-ресурсов заключена в кластере разнообразных многопользовательских шутеров, где для опытного рекрутера-боевика не составит труда определить, кто из игроков является подходящей жертвой для последующего оказания на неё психологического давления.

Подводя итоги, отметим, что описанные выше примеры иллюстрируют реальность существования того, что мы называем социальной мимикрией по отношению к деструктивной культовой деятельности. Здесь имеет место выверенная стратегия камуфлирования новым (нетрадиционным) религиозным движением своих целей, задач, методов и внутригрупповой иерархии для повышения эффективности результатов поступательной деформации сознания личности неопита и получения контроля над его психоэмоциональным состоянием, по достижении которого потенциальная жертва мимикрии более не будет способна критически оценивать ситуацию, в которую оказалась вовлеченной. Заметим, что подобная форма существования современных деструктивных культов, разворачивающих свою активную деятельность в отечественном медийно-информационном пространстве, в настоящее время вытеснила возможность прямого, ничем не опосредованного контакта с представителями распространённых на территории России и стран бывшего СНГ «классических» НРД, технология работы которых заключалась в прямых социальных взаимодействиях и уже осталась в прошлом (в условиях отсутствия мобильной (сотовой) коммуникации и доступности выхода в сеть Интернет широким слоям населения, то есть на рубеже XX и XXI веков).

Основываясь на вышесказанном, мы сначала выделим упрощённую модель социальной мимикрии деструктивных культов. В рамках данной модели первичный контакт пропагандиста определён поиском потенциальных адептов по заранее заданным параметрам, таким, как проявление со стороны интернет-пользователя заинтересованности в мотивационной составляющей радикальных действий членов экстремистских организаций, а также его возможная поддержка этих действий и готовность к их оправданию в процессе межличностного (то есть более приватного) общения. В случае успешного формирования виртуального контакта оба участника коммуникации такого рода чаще всего обнаруживают себя вовлечёнными в активную дискуссию на указанные темы, что может привести к последующей проверке жертвы на лояльность и благонадёжность, то есть перенаправлению её в иные, более закрытые каналы сетевой коммуникации, где сочувствующие идеологии НРД могут получить прямые инструкции по эффективному приобщению к деструктивному культу.

В данном случае сущность социальной мимикрии заключается не столько в желании вербовщика обманным путём вовлечь неопита в тоталитарную иерархию, сколько в изначальном стремлении НРД скрыть истинную сущность своей организации, чтобы таким образом обезопасить себя от правовых последствий, которые наступят вследствие нарушения запрета на пропаганду религиозно-экстремистской идеологии.

Далее обратимся к содержательной стороне расширенной модели социальной мимикрии, заключающейся в намеренной трансляции медиаконтента, наполняющего «теневую сторону» современного коммуникационного пространства. Авторы информационных сообщений, а также технические исполнители и непосредственные разработчики специализированных интернет-ресурсов, посвященных радикальной религиозной идеологии, стремятся ненавязчиво привить как постоянным пользователям, так и случайным посетителям сайтов духовные взгляды и идеи, отличные от социально-приемлемых в данном обществе, в перспективе угрожающие внесением изменения в их мировоззренческую систему путём насаждения ей ложных взглядов и представлений о существующем мироустройстве.

В данной связи немаловажным является тот факт, что подобные информационные ресурсы для неопытного пользователя сети Интернет (а зачастую и для специально обученных сотрудников правоохранительных органов) не выглядят как фактор, угрожающий медийно-информационной безопасности; подобные онлайн-площадки могут быть формально обусловлены темами, напрямую не связанными с террористической деятельностью. Например, многочисленные форумы для общения между профильными специалистами IT-индустрии (профессиональными программистами), которые открыто обсуждают потенциальное решение поставленных перед ними задач со стороны анонимного заинтересованного лица, которое, безусловно, не раскрывает истинного непрофессионального смысла возникающих в ходе общения вопросов.

При моделировании подобной ситуации стоит обратить внимание на потенциальный интерес со стороны вербовщика к технологиям взлома персональ-

ных данных или же создания системы информационной безопасности того или иного цифрового ресурса. Исходя из содержания ответов участников узкоспециализированной дискуссии, рекрутер имеет возможность не только получить ценную для террористической организации эмпирическую информацию, но и определить степень своей заинтересованности в конкретном субъекте общения с целью его дальнейшей вербовки либо принудительного привлечения последнего для работы в системе НРД (персональные данные жертвы–специалиста возможно получить посредством частного доверительного общения между людьми, обладающими потенциально схожими профессиональными интересами). Таким образом, расширенная модель социальной мимикрии деструктивных культов предполагает замкнутый формат их маскировки, обуславливающий принципиальную невозможность своевременного противодействия информационному насилию по отношению к личности.

Социальная мимикрия, маскирующая последовательность вербовочных действий со стороны подготовленного рекрутера НРД, всегда разворачивается одновременно со ставшей классической и хорошо изученной прикладной программой вовлечения неопита в любую культовую деятельность. Рассмотрим данный механизм на примере возможной террористической пропаганды боевика Исламского государства, направленной на его потенциальную жертву. Согласно статистике правоохранительных органов, виктимность будущего сторонника культа определяется его половой принадлежностью, возрастом, уровнем образования, социальной ролью, уровнем дохода либо характером социальных притязаний. Свою жертву вербовщик нередко находит в лице молодой и, как правило, образованной девушки, которая проводит много времени в социальных сетях с целью знакомства с мужчиной, способным избавить её от чувства одиночества и создать с ней семью [16, с. 191].

Онлайн–вербовка в описываемой коммуникативной модели на первоначальном этапе подразумевает вступление рекрутера в виртуальное (а в последующем потенциально реальное) общение с выбранной жертвой в целях формирования у неё образа собеседника как благонадёжного человека, выстраивания ложного чувства психологического комфорта, создания иллюзии безопасности, внушения влюблённости и ожидания дальнейшего межличностного взаимопонимания [17]. Далее, выбранная террористом молодая женщина начинает сталкиваться с ситуацией усугубления психоземotionalной зависимости от своего манипулятора, осознания иррациональной готовности к оправданию и даже поддержке его нравственных и этноконфессиональных взглядов. Состояние деформированного сознания, постоянно сопровождающее жертву, подвергнутую вербовочной деятельности, зачастую обесценивает её навыки, по критической оценке себя и собеседника нивелирует умение прогнозировать результаты собственного выбора и определяемых им поступков. Мы видим, что для этой модели деструктивной коммуникации свойственен типичный механизм по включению личности в систему экстремистской организации.

Завершая статью, мы считаем целесообразным указать на то, что сегодня в перечне глобальных угроз человечеству вполне обоснованно особое место от-

водится разрушительному воздействию деструктивных культов и иных религиозных организаций тоталитарного характера. Именно они посредством осуществления разнонаправленной экстремистской, в частности – революционной, деятельности не только потенциально способны, но и активно стремятся подорвать духовное здоровье наций, исказить традиционные для них картины мира, нарушить национальные интересы государств, изменив посредством террора сложившееся мироустройство всего человечества.

Список литературы

1. Савчук В.В. Российский домен медиафилософии // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2010. № 3. С. 181 – 188.
2. Фёдоров А.В. Словарь терминов по медиаобразованию, медиапедагогике, медиаграмотности, медиакомпетентности. М.: МОО «Информация для всех», 2014. 64 с.
3. Хайдарова Г.Р. Медиасреда как пространство культурной практики: борьба за воображаемое // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2018. №46. С. 45 – 51.
4. Жилавская И.В. Классификация медиа. Проблемы, понятия, критерии // Вестник ВУиТ. 2016. № 4. С. 169 – 175.
5. Указ Президента РФ от 31.12.2015 N 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Справочная правовая система КонсультантПлюс: [сайт]. [2015]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669 (дата обращения: 23.08.2019).
6. Любимова А.И. Теории религиозной конверсии и новые религиозные движения в России // Вестник РХГА. 2009. № 1. С. 70 – 74.
7. Романов А.В. Причины вовлечения в культовые религиозные группы // Известия УрГЭУ. 2013. № 2 (46). С. 137 – 142.
8. Бесконтактная вербовка: как террористы заманивают молодежь через соцсети [Электронный ресурс] // Сетевое издание РИА Новости [сайт]. [2018]. URL: <https://ria.ru/20180228/1515459761.html> (дата обращения: 02.09.2019).
9. Приманки и капканы: как работают вербовщики террористических организаций [Электронный ресурс] // Информационное агентство ТАСС: [сайт]. [2016]. URL: <https://tass.ru/v-strane/3548615> (дата обращения: 29.08.2019).
10. Террористы всё чаще выбирают женщин и лиц в возрасте 16 – 30 лет для вербовки – ОП РФ [Электронный ресурс] // Российское агентство правовой и судебной информации [сайт]. [2019]. URL: http://rapsinews.ru/human_rights_protection_news/20190130/294387150.html (дата обращения: 29.08.2019).
11. Мухаметзянов И.Ш., Хусаинова С.В. Анализ психофизиологических характеристик подверженности влиянию (вербовке) учащейся молодёжи // Казанский педагогический журнал. 2016. № 3 (116). С. 113 – 119.

12. Фёдорова К.В. Вербовка как искусственное формирование поведенческой аддикции на примере синдрома Варвары Карауловой // Казанский педагогический журнал. 2016. № 3 (116). С. 131 – 135.

13. Варвара Караулова [Электронный ресурс] // Интернет–СМИ Кавказский узел [сайт]. [2019]. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/292173> (дата обращения: 01.09.2019).

14. Террористы начали вербовать сторонников в онлайн–играх [Электронный ресурс] // Портал Игры Mail.ru [сайт]. [2015]. URL: https://games.mail.ru/pc/news/2015-10-22/igil_verbuet_naemnikov_v_onlajn_igrah (дата обращения: 02.09.2019).

15. Террористов выводят из игры [Электронный ресурс] // Медиахолдинг РБК [сайт]. [2017]. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2017/11/27/5a1812759a7947098fd6b0b2> (дата обращения: 03.09.2019).

16. Бураева Л.А. О методах вербовки женщин террористическими организациями посредством сети Интернет // Проблемы в российском законодательстве. 2018. № 5. С. 190-193.

17. Калинина С.Б. Психологические методы вербовки молодёжи в террористические организации [Электронный ресурс] // Издание Наука. Общество. Оборона [сайт]. [2018]. URL: <https://www.noo-journal.ru/nauka-obshestvo-oborona/2018-2-15/article-0145> (дата обращения: 08.09.2019).

Перцева Ульяна Станиславовна, аспирант, upochta@icloud.com, Россия, Оренбург, Оренбургский государственный университет.

DESTRUCTIVE CULT IN THE CONTEMPORARY MEDIASPHERE

U.S. Pertseva

The article deals with the phenomena of destructive cult which finds its realization in the modern mediasphere. The author gives different interpretations of the terms "media", "mediaenvironment" and "mediasphere" as well as analyzes the ambiguous impact of these phenomenas on the spiritual life of modern people. The paper reveals the mechanisms of indirect impact of destructive cult on the consumer of information and describes the strategy of social mimicry which helps to solve the tasks that assigned to the cult, implemented through digital communication technologies.

Key words: destructive cult, new religious movements, Internet, media, mediaphilosophy, mediasphere, mediaenvironment.

Pertseva Ulyana Stanislavovna, postgraduate, upochta@icloud.com, Russia, Orenburg, Orenburg State University.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

Шачнев С.А.

Профессионализация государственной службы:
проблемные аспекты и пути достижения эффективности.....3

Токмаков А.Д.

«Цветные революции» как форма политического процесса
на постсоветском пространстве.....12

Лапин А. В. , Ильичева М. В.

Сетевой подход к организации
государственно-частного партнерства в современной России.....17

Кремер П.

Развитие взаимосвязи политики и экономики
в условиях глобализации.....27

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА. ЭТНОПОЛИТИКА

Дергунова Н.В., Облезин А.А.

Качество политико-административной элиты
как детерминанта политического участия:
критерии оценки.....39

Горлов К. Н.

Возможные социально-политические и экономические
последствия изменений в налогообложении
коммерческого имущества (на материалах Тамбовской области).....49

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

Бочарова О.Е., Абросимова О.В.

Социальные проекты как средство формирования
этичного потребления в условиях современного общества.....59

Корнилова М.В. Одинокая старость: причины и ресурсы адаптации	66
Сердюков К.Н. Жизненные стратегии иностранных трудовых мигрантов: общеструктурные и специфические компоненты.....	80
Коннова З.И., Семенова Г.В. Активизация познавательной деятельности студентов при формировании социокультурной и социолингвистической компетенций.....	91
Полтавская М.Б. Формы социальной активности молодежи и старшего поколения (по материалам исследования жителей Волгограда)	98
Проказина Н.В., Алексеенок А.А. Отношение молодежи к волонтерской деятельности: опыт фокус-группового исследования.....	111
Мужилова Л.А. Воспитательная работа как средство адаптации иностранного студента к условиям вуза.....	119

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Данилкина Т.В. Формирование А.В. Луначарского как философа и политика.....	124
Хамидулин А.М. Категория «время» в философии истории Н.А. Бердяева.....	132
Еникеев А.А. Пространство философского текста: от семиосферы к метафизике ландшафта.....	138

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Гаранина О.Д.

Интеграция естественных и технических наук

как эпистемологическая основа

технологического развития общества.....150

Перцева У.С.

Деструктивный культ

в современном медиaprостранстве157

Научное издание

**ИЗВЕСТИЯ
ТУЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Выпуск 4

Редактор И.А. Есян

Учредитель:
ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет»,
300012, г. Тула, просп. Ленина, 92

Изд.лиц. ЛР № 020300 от 12.02.97.
Подписано в печать 17.12.19. Дата выхода в свет 31.12.19.
Формат бумаги 70x100 1/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 27,6
Тираж 500 экз. Заказ 193.
Цена свободная

Адрес редакции и издателя:
300012, г. Тула, просп. Ленина, 95

Отпечатано в Издательстве ТулГУ.
300012, г. Тула, просп. Ленина, 95